

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Весною 1879 года я издалъ свои воспоминанія въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ“. Я остановился тамъ на осени 1856 года, когда, съ прїѣздомъ на Кавказъ новаго главнокомандующаго и намѣстника, князя Барятинскаго, начался новый періодъ. Такимъ образомъ, оба тома заключали разсказъ о пятнадцати годахъ моей Кавказской службы (1842—1856 гг.). Оставалось разсказать еще десять лѣтъ; но событія за это время были слишкомъ недавнія, большинство главныхъ дѣйствующихъ лицъ находились въ живыхъ, и я не считалъ возможнымъ продолжать разсказъ. Да къ тому же и усиленная работа по составленію „Исторіи Кабардинскаго полка“, кромѣ другихъ журнальныхъ и газетныхъ работъ, поглощала все мое время.

Хотя для вполне откровеннаго разсказа время все еще не настало; однако, не желая оставаться въ долгу предъ читателями, берусь за перо и возобновляю прерванное повѣствованіе.

При этомъ нужнымъ считаю оговориться. По поводу воспоминаній одной дамы, въ „Русскомъ Архивѣ“ была помѣщена статья, въ которой всѣ вообще воспоминанія, особенно печатаемыя авторами при своей жизни, признаются за „Wahrheit und Dichtung, и даже больше Dichtung, чѣмъ Wahrheit. Я не могу согласиться съ такимъ опредѣленіемъ вообще, а въ отношеніи моихъ „воспоминаній“ въ особенности. Нѣтъ сомнѣнія, что лично о себѣ никто не станетъ печатать какія-нибудь позорящія дѣла, или такіе случаи и дѣйствія, которые могутъ бросать тѣнь на нравственность, даже на умъ, характеръ... Это было бы неестественно, не въ натурѣ человека. Такія публичныя покаянія могутъ случаться въ видѣ рѣдкихъ исключеній, съ особыми цѣлями, и служили бы признакомъ крайняго цинизма...

Всякій человѣкъ, порывшись въ своей памяти, непременно найдетъ тамъ поступки, о которыхъ искренно пожалѣетъ и, быть можетъ, почувствуетъ краску въ лицѣ. Конечно, смотря по характеру, степени образованія и другимъ условіямъ развитія, одинъ покраснѣетъ отъ такого случая, который въ глазахъ другаго вовсе непредосудителенъ; но это не измѣняетъ моего положенія, что нѣтъ человѣка, до того абсолютно-чистаго, который могъ бы безъ малѣйшей утайки раскрыть предъ другими все свое прошлое... Это тѣмъ болѣе невозможно, что многое нехорошее дѣлается весьма часто необдуманно, безсознательно, по слабости воли, по увлеченію примѣрами, подъ вліяніемъ постороннихъ совѣтовъ и т. п.; и только въ послѣдствіи, по мѣрѣ большаго познанія жизни и людей, человѣкъ убѣждается, какъ скверно было сдѣланное имъ тогда-то, какъ безнравственна была такая-то сдѣлка съ совѣстью, и съ какимъ удовольствіемъ вычеркнулъ бы онъ теперь изъ списка своихъ дѣяній тотъ или другой случай. Это въ порядкѣ вещей, потому что образованный, мыслящій человѣкъ не можетъ не совершенствоваться съ каждымъ днемъ, а сдѣдовательно и не анализировать своихъ поступковъ, сожалѣя о такихъ, которые еще недавно совершались безъ особаго сознанія ихъ несоответствія строгимъ требованіямъ нравственности. Нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ рассказывалъ о такихъ поступкахъ; даже болѣе, полагаю страннымъ упрекать, что человѣкъ выставляетъ себя только съ хорошей стороны. Важно лишь, чтобы все касающееся общаго хода дѣлъ описываемаго времени, все касающееся другихъ лицъ, было правдиво, безпристрастно и не грѣшило умышленными искаженіями, не было бы *Dichtung*; могутъ быть недомолвки, особенно о живыхъ людяхъ, ибо и въ этомъ странно требовать полной откровенности...

Таковъ мой взглядъ на „воспоминанія“ (можетъ быть и ошибочный), и смѣю увѣрить читателей, что я строго держался такого взгляда, ставя на первый планъ правдивость. Готовъ признать въ моихъ „воспоминаніяхъ“ всякіе недостатки: и отсутствіе интереса, и плохое изложеніе, и лишнюю болтовню, и выдвиганіе впередъ собственной персоны, и многое другое, но *Dichtung* (фантазіи) въ нихъ нѣтъ, и я былъ бы весьма благодаренъ, еслибы кто изъ старыхъ Кавказцевъ указалъ на очевидныя измышленія.

А. Зиссерманъ

С.-Петербургъ,
Сентябрь 1884 г.

1.

Въ послѣдней главѣ II-го тома я разсказалъ, какъ князь Барятинскій, послѣ продолжительнаго плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю, 12 Октября 1856 г. высадился въ Петровскъ, гдѣ генералъ Евдокимовъ, а съ нимъ Ростиславъ Фадѣевъ и я встрѣтили новаго главнокомандующаго; какъ произошли торжественныя приемы въ Тамиръ-ханъ-шуръ, какъ совершили веселую рекогносцировку на Гимринскія высоты и какъ послѣ продолжительныхъ совѣщаній князя съ ген. Евдокимовымъ, послѣдній сказалъ мнѣ: «Ну, почтеннѣйшій, все идетъ отлично; скоро закипитъ у насъ дѣло въ Чечнѣ».

15 или 16 Октября князь Барятинскій уѣхалъ чрезъ Дербентъ и Шемаху въ Тифлисъ, а мы съ ген. Евдокимовымъ прежнимъ путемъ обратно въ Грозную. Ночевали мы въ Чирь-юртѣ, въ которомъ тогда, кромѣ нестроевыхъ командъ, никого не было. Нижегородскій драг. полкъ, послѣ войны въ Азіатской Турціи, еще не возвращался изъ Закавказья; тамъ совершалось формированье цѣлой драгунской дивизіи, и въ Чирь-юртѣ должны были прибыть вмѣстѣ Нижегородскій и Сѣверскій полки,—первый въ составъ войскъ Лѣваго крыла, а второй—Дагестана. Чирь-юртомъ завѣдывалъ капитанъ Гончаровъ, котораго я зналъ съ 1853 г., когда стоялъ здѣсь съ ротой, а онъ былъ полковымъ квартирмейстеромъ и, по соприкосновенію съ главнѣйшимъ интересомъ полковаго командира — овсомъ, былъ приближеннымъ человѣкомъ князя Іасона Чавчавадзе, этого истого, простѣйшаго, гостепріимнѣйшаго Грузина.

Времена измѣнились, полкомъ командовалъ уже князь Дондуковъ-Корсаковъ; эскадроновъ, вмѣсто десяти, оставалось только четыре; въ квартирмейстеры Гончаровъ уже не рассчитывалъ попасть, а потому задумалъ найти себѣ другую службу. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбою представить его Н. И. Евдокимову и замолвить за него словечко. По непростительной слабости—не имѣть духа отказать кому-нибудь въ просьбѣ, я тутъ же исполнилъ его желаніе, полагая, что Гончаровъ, какъ вышедшій изъ писарей, знакомый съ канцелярскими порядками и хозяйственною частью, можетъ-быть небезполезнымъ въ качествѣ старшаго адъютанта штаба или воинскаго начальника небольшого укрѣпленія. Рекомендація моя видимо произвела хорошее впечатлѣніе, и г. Евдокимовъ, разспросивъ Гончарова о прежней его дѣятельности, общалъ имѣть его въ виду.

Объ этомъ мало-интересномъ обстоятельстве упоминаю здѣсь собственно потому, что вскорѣ Гончаровъ, къ немалому удивленію моему, явился на Лѣвое крыло въ видной должности дежурнаго штабъ-офицера и не выказалъ по службѣ ни умѣнія, ни такта, ни вообще порядочныхъ качествъ, не говоря о слабости къ вакхическимъ возліяніямъ... Я получилъ (впрочемъ не въ первый разъ) урокъ на счетъ осторожности въ рекомендаціи не вполне знакомыхъ личностей.

По возвращеніи въ Грозную, Фадѣевъ вскорѣ уѣхалъ въ Тифлисъ состоять при главнокомандующемъ, а у насъ въ буквальномъ смыслѣ слова закипѣла работа. Новый штабъ войскъ Лѣваго крыла еще не сформировался; не было еще ни начальника штаба, ни оберъ-квартирмейстера. Въ моемъ лицѣ тогда заключалось чуть-ли не пять должностей: и дежурный штабъ-офицеръ, и личный секретарь командующаго войсками, и чиновникъ особыхъ порученій, и офицеръ генеральнаго штаба, нерѣдко и самъ переписчикъ особенныхъ, секретныхъ бумагъ. Съ 8 ч. утра до поздней ночи тормозили меня со всѣхъ сторонъ: то пожалуйста къ генералу, то въ штабъ, гдѣ ждутъ разные лица, требуя разъясненій, разрѣшеній; и все въѣдъ экстренно, какъ оно неизбежно въ военное время, когда войска готовятся къ выступленію противъ непріятеля, передвигаются съ однихъ пунктовъ на другіе, когда въ разныхъ направленіяхъ двигаются транспорты военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, когда въ одномъ мѣстѣ не оказывается провіанта, въ другомъ фуража и т. д., когда нѣтъ ни телеграфовъ, ни безопасныхъ сообщеній и вообще никакого правильнаго устройства. Кромѣ меня были тогда еще два офицера, не мало работавшіе: подпоручикъ Грачевъ и генеральнаго штаба капитанъ Гарднеръ; но первый исключительно велъ текущую переписку и нѣкоторыя *спеціальныя по хозяйственной части* дѣла (что и повело въ послѣдствіи къ сближенію его съ ген. Евдокимовымъ, къ довольно быстрому шаганію по службѣ и къ обезпеченію положенію); второй же, молодой, всего года два вышедшій изъ Академіи, честолюбивый, еще болѣе самолюбивый, свѣтски образованный, вѣрующій въ свою двойную ученость, какъ инженеръ путей сообщенія и академистъ генер. штаба, Гарднеръ однако не имѣлъ никакой опытности, вовсе не зналъ края и мѣстныхъ условій и весьма посредственно владѣлъ перомъ; поэтому ген. Евдокимовъ въ первое время какъ бы игнорировалъ его, да и вообще не особенно вѣровалъ въ генеральный штабъ, потому что, по странной случайности, въ его распоряженіе до того времени попадали все такіе академисты въ родѣ достопочтеннаго Фока... (Объ немъ рассказано во II-мъ томѣ). Гарднеръ, само собою, былъ недоволенъ, презрительно относился къ

«кантонисту» Евдокимову и ко мнѣ, армейщинѣ, неучу, какими онъ считалъ всѣхъ не бывшихъ въ академіяхъ или, по крайней мѣрѣ, не принадлежавшихъ къ Петербургскимъ салонамъ, оглашаемымъ отборными Французскими фразами... Нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нѣсколько лѣтъ время и опытъ взяли бы свое, и Гарднеръ, нелишенный природныхъ способностей, вышелъ бы весьма полезнымъ офицеромъ; но, къ сожалѣнію, онъ въ 1858 году, увлекшись мечтою о Георгіевскомъ крестѣ, бросился на штурмъ Лезгинскаго аула Китури, неудачно осаждаемаго отрядомъ барона Вревскаго, и погибъ.

Стояла поздняя осень со всѣми ея атрибутами, непрерывными дождями и невозможною грязью; въ Грозной, ставшей центромъ огромнаго военнаго управленія отъ береговъ Малки до Сулака; центромъ, изъ котораго исходила дѣятельность по организаціи предстоявшихъ вскорѣ рѣшительныхъ военныхъ операцій, въ небывалыхъ еще никогда въ Чечнѣ размѣрахъ, собрались со всѣхъ сторонъ командиры разныхъ частей войскъ, представители туземныхъ племенъ, мѣстные администраторы и немало вообще лицъ, никогда прежде въ Грозной не появлявшихся. Подходили «Русскія» войска, т.-е. не Кавказцы, батальоны 13-й дивизіи—Бѣлостокцы, Виленцы, терявшіеся въ новой обстановкѣ, незнавшіе гдѣ и какъ имъ быть. Все это обращалось съ вопросами и претензіями ко мнѣ, заставляя меня десятки разъ шлепать по грязи между штабомъ и домомъ командующаго войсками за разрѣшеніями. Время это осталось для меня памятнымъ навсегда: какъ ни тяжела подъ часъ приходилась эта суетливая 15, 16 часовая въ сутки работа, утомленія я не чувствовалъ, сознавая смыслъ работы и видя ея оцѣнку человекомъ, всегда бывшимъ въ моихъ глазахъ однимъ изъ весьма немногихъ военныхъ авторитетовъ на Кавказѣ.

Наконецъ, къ началу Декабря всѣ приготовленія были завершены. Непріятель видѣлъ ихъ, зналъ, что готовится усиленная экспедиція; но пунктъ атаки оставался для него тайною и, по его соображеніямъ, наступленіе скорѣе всего должно было начаться отъ Аргуня. Чтобы оставить его при этомъ убѣжденіи, употребленъ былъ слѣдующій маневръ: особая колонна, въ видѣ авангарда всего отряда, была переправлена за Аргунъ у Бердыкея и расположена тамъ лагеремъ. Когда же вниманіе непріятели было привлечено туда, и онъ началъ стягивать къ Аргуну свои силы, наши войска выступили съ разныхъ пунктовъ къ Кумыкской плоскости и 5 Декабря собрались при подъѣмѣ на Качкалыковскій хребетъ. Весь день продолжалось страшное ненастье, грязь затрудняла движеніе до крайности, артиллерія и обозы вытаскивались солдатскими руками. Къ вечеру, однако, мы перева-

лили чрезъ высоты и безпрепятственно заняли долину р. Мичика, по обоимъ его обрывистымъ берегамъ.

Отрядъ собрался весьма значительный: 16 баталіоновъ пѣхоты, два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ (только что прибывшихъ изъ-за Кавказа), 25 сотенъ казаковъ и милиціи, 30 орудій и ракетная батарея изъ 12 станковъ. Всякій, знакомый съ военнымъ дѣломъ, пойметъ, что дежурному штабъ-офицеру въ такомъ отрядѣ дѣла, какъ говорится, по горло, и я дѣйствительно почти не зналъ отдыха, тѣмъ болѣе, что при всякомъ выѣздѣ ген. Евдокимова изъ лагеря и мнѣ приказывалъ онъ ѣхать съ нимъ; да, кромѣ того, и письма, и бумаги секретныя, экстренныя, хотя и не относящіяся до дежурства, писались мною же. Каждый вечеръ приходилось диктовать какимъ-нибудь 40 человекамъ приказанія на слѣдующій день и ничего не забыть, и все съ полнѣйшею точностью объяснить, чтобы не вышло недоразумѣнія, а малѣйшее недоразумѣніе въ военное время можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія. Не успѣешь, бывало, окончить этой диктовки и толкованій, какъ одинъ за другимъ начнутъ являться разные адъютанты и квартирмейстеры съ кучею разнороднѣйшихъ вопросовъ: у того недостаетъ провіанта, у этого спирта, тамъ патроновъ нѣтъ, а у другаго не на чемъ отправить больныхъ въ укрѣпленіе Куринское, бывшее у насъ въ тылу складочнымъ пунктомъ, и т. п. И когда всѣхъ наконецъ удовлетворишь, и лагерь уже погрузится въ тишину, изрѣдка лишь прерываемую фырканіемъ лошадей, шлепаніемъ по грязи проѣзжающаго дежурнаго съ конвоемъ, мнѣ приходилось засѣсть въ огромной лазаретной палаткѣ, въ которой былъ устроенъ походный штабъ, и далеко за полночь полуокоченѣлыми пальцами писать, въ тоже время диктуя иногда двумъ-тремъ писарямъ разомъ.

Вижу, какъ читатель улыбается и говоритъ: «эка расхвастался!» Но могу увѣрить, во первыхъ, что я вовсе не преувеличиваю и не думаю хвастаться, я просто рассказываю обо всемъ, чтó въ данное время со мною происходило, чтó теперь у меня такъ ясно передъ глазами, какъ будто оно было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и чтó, такъ или иначе, служить къ характеристикѣ нашей бывшей Кавказской военной эпохи; во вторыхъ, я вовсе несогласенъ съ тѣми, которые требуютъ отъ мемуаровъ отсутствія на сценѣ самаго рассказчика, но за то какъ можно больше обличительныхъ и пикантно-оппозиціонныхъ страницъ «изнанки». Я держусь правила ничего не выдумывать, не говорить положительно о томъ чего не знаю, а о слухахъ упоминать только о такихъ, которые мнѣ кажутся правдоподобными и заслуживающими вниманія, или по крайней мѣрѣ «*Si non e vero, e ben trovato*». Если у читателя достанетъ снисходительнаго терпѣ-

нія продолжать чтеніе, то онъ, быть можетъ, встрѣтится еще и съ обличеніями, и съ изнанками. Изнанка же есть, была и будетъ отъ сотворенія міра во всякомъ дѣлѣ, не только у насъ, но и въ самыхъ наикультурнѣйшихъ странахъ.

Главная цѣль экспедиціи состояла въ довершеніи уже давно предположеннаго открытія свободнаго сообщенія по плоскости Большой Чечни отъ Аргуна къ Качкалыку и Кумыкской плоскости, чѣмъ враждебное населеніе вынуждалось или покориться и переходить на указываемыя нами мѣста, или уходить съ плоскости въ тущобы Черныхъ горъ. Предшествовавшими дѣйствіями, отчасти прерванными Восточной войной, цѣль была почти достигнута: съ двухъ сторонъ рубка просѣки уже давала возможность проходить войскамъ безъ особыхъ потерь на этомъ пространствѣ, на встрѣчу другъ другу, и это вытѣснило часть ауловъ; но самая главная масса ихъ, на лѣвомъ берегу Мичика, оставалась впереди, закрытая лѣсными чащами, особенно густымъ орѣшникомъ у аула Маюртупъ, въ которомъ войска наши, при движеніи въ 1841 году съ генераломъ Граббе и съ кн. Барятинскимъ въ 1852 году, несли значительныя потери. Съ тѣхъ поръ за этимъ Маюртупскимъ орѣшникомъ осталась слава какой-то грозной неприступности.

Чеченское населеніе этой мѣстности понимало, что положеніе ихъ непрочно и что раньше или позже Русскіе доберутся и до ихъ прикрытія, до этихъ лѣсныхъ тущобъ; они даже съ завистью посматривали на тѣхъ соотечественниковъ, которымъ, не взирая на строгій надзоръ Шамилевскихъ наибовъ, удалось перейти на отведенныя нами земли, но послѣдовать ихъ примѣру не могли: и по недостатку единодушія, и вслѣдствіе усиленныхъ мѣръ, принятыхъ Шамилемъ, для удержанія этой послѣдней точки опоры его на Чеченской плоскости; увѣщанія, угрозы, казни, все было пущено въ ходъ, и населеніе оставалось на мѣстѣ, ежечасно трепеща за свою будущность.

Занявъ, какъ сказано, оба берега Мичика, отрядъ нашъ уже не могъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ; переходъ черезъ эту топкую, текущую въ глубокомъ обрывистомъ оврагѣ рѣку составлялъ бы задачу довольно трудную и сопряженную съ немалыми жертвами, еслибы она была укрѣплена и занята непріателемъ. Въ началѣ 1853 года князь Барятинскій, только ловко и смѣло совершеннымъ обходомъ непріятельской позиціи, успѣлъ перейти Мичикъ безъ особенныхъ потерь; но начавшаяся вскорѣ война съ Турціей не допустила тогда же воспользоваться плодами экспедиціи, и только чрезъ четыре года генералъ Евдокимовъ долженъ былъ довершить дѣло. Еслибы Шамиль не обманулся въ расчетахъ о направленіи нашего отряда и

заблаговременно занялъ переправы на Мичикъ, то, безъ сомнѣнія, въ этотъ разъ повтореніе маневра князя Барятинскаго уже едвали бы удалось; пришлось бы придумать что нибудь другое. Само собою, генералъ Евдокимовъ задачу бы выполнялъ; остановить насъ ничто бы не могло; но мы, кромѣ потери людьми, могли потерять много времени, а это была бы своего рода дорогая жертва.

6 Декабря уже выступила колонна для рубки Маюртупскаго орѣшника. Непріятель, поздно спохватившійся, началъ стекаться сюда со всѣхъ сторонъ, привезъ нѣсколько пушекъ, но серьезнаго противодѣйствія уже оказать не могъ; онъ ограничился перестрѣлками съ прикрытіемъ рабочихъ и канонадой на дальнемъ разстояніи.

Впереди колонны, съ одною кавалеріей, генералъ Евдокимовъ выѣхалъ далеко впередъ для рекогносцировки и опредѣленія направленія проськи. Погода на нѣсколько часовъ улыбнулась и, какъ бы въ угоду имениннику (Евдокимовъ—Николай Ивановичъ), даже выглянуло изъ-за тучъ какое-то желтое пятно. Мы успѣли осмотрѣть что нужно, и начальники колоннъ: баронъ Николай, князь Дондуковъ-Корсаковъ, Кемпфертъ, Баженовъ получили указанія для предстоящихъ работъ. Вслѣдъ за тѣмъ мутное солнце скрылось, съ черныхъ горъ потянулись темныя, тяжелыя тучи, и началась опять та ужасная, въ отчаяніе насъ приводившая слякоть, которая преслѣдовала насъ уже цѣлый мѣсяць. То дождь, то снѣгъ, то оба вмѣстѣ, туманъ, порывистый вѣтеръ, проникающій подъ самое плотно-надѣтое платье, и вездѣ мокро, холодно; ноги увязали въ глинистой грязи...

Колонны выходили силою въ 9, 10 баталіоновъ, имѣя до 2½ тысячъ топоровъ на работъ. Непріятель почти не препятствовалъ, потому что Чеченцы отказались отъ повиновенія Шамилю и ушли внизъ по Мичику въ Герзелинскіе лѣса, а стоявшій съ Дагестанскими горцами въ ближайшемъ ущельи Хулхулау сынъ Шамиля, Казим-Магома не рѣшался выходить изъ трущобы и только посылалъ намъ ядро за ядромъ.

Въ теченіе трехъ-четырехъ дней главная проська была окончена, такъ что чрезъ страшный Маюртупскій орѣшникъ уже можно было пройти густой колонной, прикрываясь кавалеріей. Затѣмъ исправлялась кое-гдѣ дорога, устраивались спуски, мостики и проч. Борьба со слякотью тяжело отзывалась на войскахъ; особенно страдали баталіоны 13-й дивизіи, не имѣвшіе полусшубковъ и вообще лишенные тѣхъ приспособленій, которыми обзавелись привычныя Кавказскія войска.

10 Декабря съ колонною ходилъ баронъ Николай. Воспользовавшись разсѣявшимся на время туманомъ, онъ съ тремя баталіонами своего Кабардинскаго полка прошелъ дальше за Гудермесь, истребилъ

тамъ запасы Чеченскаго сѣна, но при отступленіи имѣлъ довольно жаркую перестрѣлку, стойвшую намъ человекъ 12. Когда выстрѣлы усилились, генералъ Евдокимовъ поспѣшилъ изъ лагеря къ войскамъ и расположился на одномъ высокомъ курганѣ, съ котораго хорошо видна была окрестность. Сюда же подѣхалъ баронъ Николай, свита составила большая, и непріятель направилъ въ насъ свои пушечные выстрѣлы. Само собою, не такихъ испытанныхъ и обстрѣлянныхъ людей, какъ Евдокимовъ и Николай, могли смутить свистѣвшія одно за другимъ ядра; незамѣтно было и среди насъ, окружавшихъ ихъ офицеровъ, какого-нибудь смущенія или даже измѣнившихся физіономій; такова отчасти сила привычки и сила воли, торжествующая надъ нервами; но должно сказать, что ничего не можетъ быть тягостнѣе стоянія подъ выстрѣлами въ бездѣйствіи. Когда самъ идешь впередъ или отстрѣливаешься при отступленіи, или обороняешь позицію, вообще въ пылу боя, свистъ пуль уже не производитъ такого впечатлѣнія, человекъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, азартъ; онъ въ такомъ возбужденіи, что не поражается даже падающими рядомъ съ нимъ людьми. Но оставаться пассивнымъ на одномъ мѣстѣ, когда ядра со свистомъ проносятся надъ головой, или врываються въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ предъ вами, крайне непріятно, и я рѣшительно не вѣрю, чтобы у человека не ускорялось въ такую минуту сердцебіеніе и не пронеслись мрачныя мысли...

Однако непріятельская артиллерія не умѣла пристрѣляться, и наша потеря ограничилась тремя лошадьми, изъ числа стоявшихъ сзади насъ подъ курганомъ конвойныхъ казаковъ.

До 15 числа, не взирая на убійственную погоду, рубка лѣса продолжалась, и работы уже дошли до р. Гудермеса. Непріятель почти не вступалъ съ нами въ дѣло, но въ тылу пользовался каждымъ случаемъ наносить намъ вредъ. 14-го Декабря, въ сильный туманъ, Чеченцы устроили близъ укр. Куринскаго засаду, внезапно напали на хвостъ проходившей казачьей сотни, убили 6-хъ, ранили 8 человекъ, захватили нѣсколько лошадей и оружіе. Происшествіе крайне непріятное. Когда доложили объ этомъ Евдокимову, онъ сказалъ: «такъ имъ и нужно; другой разъ будутъ осторожнѣе». И онъ былъ правъ: подобные случаи у насъ всегда были лишь послѣдствіемъ нашей Русской безпечности, халатности. Многіе осуждали такое равнодушіе Евдокимова и хотѣли видѣть въ этомъ своего рода хамство...

15-го Декабря лазутчики дали знать, что въ верховьяхъ Гудермеса собрались всѣ три сына Шамиля, съ весьма значительнымъ числомъ горцевъ, при пяти орудіяхъ, имѣя отъ отца приказаніе непремѣнно вступить въ бой съ Русскимъ отрядомъ. Поэтому, 16-го числа,

колонна подъ начальствомъ полковника Кемпферта была усилена и приказано соблюдать строжайшій порядокъ. Часовъ около 9-ти утра, мы съ генераломъ Евдокимовымъ отправились за колонной, уже приступившей къ рубкѣ лѣса на лѣвомъ берегу Гудермеса; поѣхалъ съ нами и баронъ Николай. Евдокимовъ взобрался опять на этотъ же курганъ, гдѣ мы стояли 10-го числа, и въ бинокль началъ осматривать позицію непріятеля, который сейчасъ же замѣтилъ присутствіе на курганѣ Русскаго начальства, окруженнаго большой свитой и значками, и мгновенно пустилъ по насъ залпъ изъ своихъ пушекъ. Повторилась таже исторія; только ядра еще дальше передетали чрезъ насъ, шлепаясь назади въ грязь и распугивая лошадей конвоя. Съ нашей стороны были выдвинуты 6 батарейныхъ орудій, отвѣчавшихъ непріятелю, хотя, нѣтъ сомнѣнія, безъ большаго для него вреда, потому что позиція его была закрыта лѣсомъ, и наши стрѣляли *на дымокъ*.

Баронъ Николай, съ свойственною молодости и людямъ его школы военною пылкостью, горѣлъ желаніемъ двинуться въ атаку и сочинить блистательное дѣло; онъ тутъ же предъ Евдокимовымъ развилъ свой планъ, состоявшій въ томъ, чтобы двинуть одну колонну въ обходъ по берегу р. Искерикъ, другую прямо на аулъ, а кавалерію еще дальше, для обхода непріятельскаго лѣваго фланга, угрожая его отступленію. Онъ доказывалъ, что пораженіе горцевъ неминуемо, и бѣгство трехъ сыновей Шамиля произведетъ чрезвычайное, потрясающее впечатлѣніе и т. д. Генералъ Евдокимовъ слушалъ съ серьезнымъ видомъ и даже, какъ бы подтверждая все, кивалъ головой; но когда баронъ замолкъ, онъ подумалъ нѣсколько минутъ и отвѣчалъ весьма спокойно: «сегодня уже поздно; отложимъ это дѣло на завтра». Обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ: «поѣзжайте къ артиллеріи и прикажите прекратить пальбу; нужно беречь снаряды».

Само собою, если бы генералъ Евдокимовъ исполнилъ предложеніе барона Николая, но непріятель былъ бы прогнанъ, лежавшій сзади его позиціи аулъ былъ бы сожженъ; всѣ войска, преимущественно офицеры, были бы очень довольны, ибо на то они и войска, чтобы желать боя; матеріалъ для реляціи оказался бы самый благодарный; но, несомнѣнно, что нѣсколько десятковъ, а можетъ и больше людей пали бы жертвой, да ущербъ казнѣ лошадьми, выпущенными снарядами и патронами былъ бы немалый. Результата же въ сущности не достиглось никакого: всѣ эти *нравственныя впечатлѣнія* рѣдко имѣли какое нибудь дѣйствительное значеніе, а лѣса мы вырубали и безъ того, Чеченцевъ заставляли бросать свои аулы, спасаться къ намъ или дальше въ горы, гдѣ они терпѣли всякую нужду, видѣли съ каждымъ

днемъ болѣе и болѣе бесплодность сопротивленія и безсиліе Шамиля защитить ихъ; слѣдовательно, вынуждались отказаться отъ его дѣла. Евдокимовъ оставался вѣренъ себѣ: не жалѣть войскъ гдѣ нужно было; работой, самыми ужасными трудами и лишеніями достигать цѣли, но не жертвовать безъ крайней надобности ни однимъ человѣкомъ; онъ предоставлялъ инициативу нападенія непріятелю, и тогда мы дали бы ему приличный урокъ; но затѣвать дѣла, очевидно съ цѣлями лишь реляціонными или по увлеченію военной удалю, онъ не хотѣлъ. Послѣдствія вполне оправдали его.

Нужно однако сказать, что и баронъ Николай и нѣкоторые другіе, тяготившіеся подчиненностью Евдокимову, не возбуждавшему вообще ни въ комъ особенной симпатіи, а въ лицахъ аристократическихъ въ особенности, были очень недовольны такою системою дѣйствій, и въ критикѣ, даже враждебности, недостатка не было. Здѣсь-то и зародились тѣ неудовольствія, вынудившія князя Барятинскаго принять особія мѣры, о которыхъ я разскажу впослѣдствіи.

19 Декабря все предположенное было окончено. Грознаго Маюртупскаго орѣшника не существовало; просѣки въ 700 саж. ширины, дороги по возможности очищенные отъ пней, спуски разработанные чрезъ глубокіе овраги и подъемы на крутые берега, были результатомъ двухнедѣльных трудовъ. 20 ч. мы выступили съ своей позиціи, а 22 распустили войска на отдыхъ и для приготовленія къ Январскимъ дѣйствіямъ.

II.

Къ описанному времени относится прибытіе въ Грозную назначеннаго начальникомъ штаба Лѣваго крыла, генералъ-маіора Рудановскаго. Я уже упоминалъ во II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» о г. Рудановскомъ, когда онъ, въ чинѣ полковника, временно пріѣзжалъ въ отрядъ барона Врангеля и выказалъ, главнѣйшимъ образомъ, способность вооружать противъ себя всѣхъ и вся. Человѣкъ онъ былъ весьма неглупый, достаточно образованный, не мало читавшій, порядочно писавшій, съ запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ офицеру генеральнаго штаба, и съ достаточнымъ знакомствомъ съ Кавказомъ, въ которомъ служилъ уже съ начала сороковыхъ годовъ; но характеръ былъ у него невозможный, и на практикѣ примѣненіе всѣхъ его познаній и способностей не приносило пользы. Некрасивый, рыжій, неуклюжій, вѣчно сердитый, бѣшено вспыльчивый и до неслыханной степени дерзкій въ обращеніи не только съ ближайшими подчиненными, но и со всякимъ

офицеромъ, до полковниковъ включительно, этотъ «Самоваръ-паша» (какъ весьма мѣтко прозвали его у насъ), хотя нерѣдко подвергался крупнымъ непріятностямъ, отъ своихъ привычекъ не отставалъ и сталъ окончательно нестерпимымъ. Еще въ 1852 году, занимая временно въ отрядѣ князя Барятинскаго, въ большой Чечнѣ, должность начальника штаба, онъ даже своему же офицеру генер. штаба подполковнику М. Я. О—скому дѣлалъ такія непріятности, что тотъ вынужденъ былъ жаловаться, и князь пригрозилъ Рудановскому высылкою изъ отряда, если онъ не уговорится. Тогда же онъ надѣлалъ дерзостей батальонному командиру Навагинскаго полка, полковнику Наумову, который, кажется, уже готовился пустить въ ходъ свою нагайку и обратилъ *Самовара-пашу* въ бѣгство.

По обязанностямъ службы, какъ дежурный штабъ-офицеръ, я по нѣскольку разъ въ день бывалъ у Рудановскаго и даже вмѣстѣ съ Гарднеромъ заслужилъ его особое расположеніе, выразившееся приглашеніемъ обѣдать съ нимъ ежедневно. Тутъ-то я узналъ его ближе и былъ свидѣтелемъ тѣхъ мучительствъ, той ужасной пытки, которымъ подвергалъ онъ своего деньщика Хворостова. Это было несчастнѣйшее существо, мученикъ, вызывавшій во мнѣ и крайнее сожалѣніе, и удивленіе многотерпнью Русскаго человѣка!.. Ежеминутная брань, побои, придирки къ каждому движенію совсѣмъ уже оробѣвшаго, растерявшагося человѣка, возмущали меня до того, что я болѣе нѣсколькихъ дней не выдержалъ чести обѣдать у его превосходительства.

Къ генералу Евдокимову Рудановскій съ самаго начала уже, очевидно, сталъ въ отношенія натянутыя. Да иначе и быть не могло. Евдокимовъ былъ слишкомъ самостоятельный человѣкъ, дѣлавшій все по своему, любившій подчиненныхъ только хорошихъ исполнителей; а Рудановскій—изъ генеральнаго штаба—желалъ бы руководить и дѣлами и начальникомъ. ибо: «гдѣ же ему, неучу, составлять предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ или дислокаціи войскъ и т. п.?» хотя сей дѣйствительно въ научномъ отношеніи невѣжда, воспитанный на мѣдный грошъ, могъ и то и другое составить нехуже всякаго ученаго по практикѣ, по чрезвычайно здравому уму, ясному, подробному знанію всѣхъ мѣстныхъ условій и той цѣли, къ которой онъ положилъ стремиться. Быть можетъ, тотъ же Евдокимовъ, перенесенный на Европейскій театръ войны, сталъ бы безъ помощи Рудановскихъ въ ту-пикъ предъ сложными маневрами цѣлыхъ корпусовъ; но на Кавказѣ, въ этихъ лѣсахъ и горахъ, гдѣ онъ родился и выросъ, никакихъ ученыхъ ему не требовалось.—Всѣ другіе командующіе войсками на Кавказѣ (кромѣ еще князя Барятинскаго), сколько я ихъ зналъ, предоставляли офицерамъ генеральнаго штаба, запыдывавшимъ ихъ штаба-

ми, больше значенія и вліянія на дѣла,— одни потому, что сами себя не довѣряли, особенно по части бумажной, отъ которой у насъ вѣдь часто больше зависитъ чѣмъ отъ самаго дѣла; другіе потому, что такъ исключительно посвящали себя заботамъ администраціи туземными племенами и ихъ политикѣ въ отношеніи къ намъ и Шамилю, что все остальное уже предоставляли начальнику штаба и тотъ, такимъ образомъ, пріобрѣталъ важное значеніе для командировъ воинскихъ частей, постоянно нуждающихся въ утвержденіяхъ, разрѣшеніяхъ, а для войскъ вообще ради представленій къ наградамъ за отличія. У Евдокимова выходило иначе: всякія разрѣшенія и утвержденія, не говоря о распоряженіяхъ, до военныхъ дѣйствій относящихся, исходили отъ него; всѣ обращались къ нему, и хотя на видъ начальнику штаба была предоставлена полная свобода царить надъ штабомъ и бумагами, но всѣ чувствовали, что отъ него ничего не зависитъ. Въ довершеніе всего, нужно отдать справедливость генеральному штабу: большинство его были люди честные, не желавшіе пользоваться какими-нибудь косвенными доходами, и потому негодовавшіе на Евдокимова, человѣка совсѣмъ другихъ воззрѣній... А сдѣлать ничего не могли: главнѣйшія хозяйственныя распоряженія, гдѣ, такъ сказать, пахло жаренымъ, дѣлались самимъ командующимъ войсками, при посредствѣ своихъ, практическихъ людей, въ родѣ Грачева, Захарова и другихъ, а штабу предоставлялось все оформливать на бумагахъ.—Пока не существовало штатной должности начальника штаба, такой порядокъ встрѣчалъ, конечно, гораздо меньше затрудненій, и съ двумя-тремя офицерами, занимавшими штабныя должности временно, безъ утвержденія высочайшимъ приказомъ, стѣсняться не приходилось; но съ утвержденіемъ штата и назначеніемъ генерала начальникомъ штаба, должны были явиться нѣкоторыя усложненія, препятствовавшія свободному ходу операцій по хозяйственной части...

Никакихъ подробностей въ этомъ отношеніи сообщить я не могу: при всей близости къ ген. Евдокимову, ни къ какимъ хозяйственнымъ или частнаго характера дѣламъ я припускаемъ не былъ. Меня заваливали кучей работы, и все экстренной; мнѣ такъ часто приходилось разъѣзжать то съ начальствомъ, то одному, что всѣ эти дѣла о заготовкѣ сѣна, перевозкѣ провіанта, постройкѣ укрѣпленій и мостовъ, поддержаніи милицій и т. п. меня вовсе не интересовали, и хотя, какъ дежурнаго штабъ-офицера, казалось бы, все это должно было прямо меня касаться, но я былъ собственно отрядный дежурный штабъ-офицеръ; на мѣстѣ же, въ штабѣ, всѣ эти дѣла шли мимо меня. Для нихъ, до назначенія упомянутаго въ 1-й главѣ Гончарова, были свои люди: Грачевъ, очень бойкій, дѣловой (въ смыслѣ канцелярскомъ) человѣкъ,

хорошій товарищъ, не дуракъ выпить, загнуть уголь и на семь кушей, оказавшійся вполне соответствующимъ взглядамъ Евдокимова. Другой—Захаровъ, изъ писарей, тоже человекъ толковый, весьма приличный, исполнившій обязанность штабнаго казначея, слѣдовательно вписывавшій все въ приходо-расходныя книги, служившій, какъ извѣстно, для подведенія гладкихъ итоговъ и наполненія затѣмъ архивовъ. Третій и четвертый, которыхъ вспоминаю, были своего рода инженеры: Серченко, подпоручикъ Навагинскаго полка, изъ кондукторовъ, и Лауданскій—Куриискаго полка, изъ сосланныхъ, кажется, Поляковъ, исключительно занятые по строительной части, заготовкѣ лѣсныхъ и другихъ матеріаловъ, по исполненію разныхъ работъ для начальства и проч. Всѣ эти лица имѣли непосредственныя сношенія съ командующимъ войсками.

Изъ всѣхъ операцій извлекались крупные доходы, это несомнѣнно; хотя молва, какъ водится, преувеличивала и размѣры суммъ, и украшала фантастическими вымыслами самые способы извлеченія выгодъ. Къ числу доходныхъ статей принадлежала, напримѣръ, милиція, которую содержали на половину, или быть можетъ и на двѣ трети меньше, чѣмъ отпускалось на нее денегъ; но, во первыхъ, жалованье милиціонера составляло всего 15 к. въ день, слѣдовательно, если бы ихъ даже 500 человекъ существовало лишь на бумагѣ, то это составило бы 75 р. въ день, въ теченіе шести мѣсячнаго періода дѣйствій (лѣтомъ милиція оставалась въ незначительномъ числѣ) — сумма не столь уже крупная, особенно при необходимости удѣлять изъ нея и другимъ. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, большихъ подробностей подобныхъ операцій я не зналъ, и потому очень можетъ быть, что я ошибаюсь въ расчетъ, и къ деньгамъ на жалованье слѣдовало бы прибавить еще какіе нибудь кормы натурою. Это однако не измѣняетъ послѣдующаго вывода. Во вторыхъ, изъ этой суммы дѣлались расходы, необходимые для пользы дѣла, на которое казна не отпускала ничего или слишкомъ мало. Напримѣръ, въ разныхъ пунктахъ, выдвинутыхъ впередъ къ сторонѣ непріятеля, воинскіе начальники не могли обходиться безъ лазутчиковъ, безъ сношеній съ ближайшими аулами сомнительной покорности и вообще разными туземцами. Всѣ эти люди привыкли къ угощеніямъ, подаркамъ, и безъ этого никакой услуги отъ нихъ ожидать было нельзя. Откуда же какому нибудь батальонному командиру, кромѣ своего скуднаго содержанія ничего не имѣющему, да еще семейному, обязанному большую половину этого содержанія оставлять въ распоряженіе семьи гдѣ нибудь въ Владикавказѣ, Грозной или другой крѣпости, брать средства на эти уго-

щенія и подарки? Евдокимовъ, самъ прошедшій службу съ нижняго чина во всѣхъ возможныхъ должностяхъ, хорошо знавшій, что безъ косвенныхъ путей у насъ ничего не подѣлаешь, допускалъ и въ этихъ случаяхъ такіе пути: онъ давалъ какому нибудь воинскому начальнику 10, 20 милиціонеровъ, смотря по занимаемому пункту или расположенію къ лицу, а тотъ держалъ двухъ-трехъ для разсылокъ съ бумагами или въ качествѣ переводчиковъ, а деньги на остальныхъ оставлялъ въ своемъ распоряженіи и употреблялъ на сказанные выше расходы, соблюдая въ свою очередь возможную экономію и оставляя себѣ нѣсколько рублей. Командующему войсками отпускалась, кромѣ того, экстраординарная сумма, изъ которой онъ тоже удѣлялъ часть другимъ начальникамъ отрядовъ; но эта сумма давалась въ безотчетное распоряженіе, и никто даже не думалъ считать предосудительнымъ употреблять ее по собственному усмотрѣнію, хотя бы и на свои потребности.

Вотъ подобныя дѣла, кто не зналъ самой сути, считались наглымъ плутовствомъ и обращались въ анекдоты объ Евдокимовѣ. Конечно, строго судя, такіа дѣйствія слѣдуетъ отнести къ противузаконнымъ, не подобающимъ понятію о честной службѣ. Но пусть читатель не судить строго, пусть онъ не забываетъ, что вѣками привитое народу воспитаніе превратилось въ нѣчто природное, впитавшееся въ кровь и мозгъ; что въ тѣ времена, съ верху до низу, отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, во всѣхъ сферахъ происходило тоже, да еще безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, неизбежно существующихъ въ военное время. Пусть читатель не забываетъ, что изъ поколѣнія въ поколѣніе Русскій служилый людъ видѣлъ все одни и тѣже примѣры эксплуатаціи казны въ свою выгоду; а исключенія, весьма рѣдко встрѣчавшіяся, общимъ кликомъ признавались дураками, нерѣдко даже офиціально преслѣдовались, или теряли свою поучительную силу, потому что зло, ими лично не творимое, велось ихъ приближенными, ихъ подчиненными и довѣренными лицами еще въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Тогда не было еще ни печати съ ея обличеніями, ни гласныхъ судовъ, ни корреспондентовъ, ни столько людей, вынесшихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній другія убѣжденія, ни того духа времени, выразившагося въ возбужденіи общественнаго вниманія къ дѣламъ, съ заявленіемъ сочувствія или негодованія къ офиціальнымъ лицамъ; и неудивительно, что хищенія творились большинствомъ почти безъ сознанія всей ихъ преступности, какъ нѣчто само собою разумѣющееся и, нужно сказать, узаконенное молчаливымъ одобреніемъ самаго правительства,—особенно въ военномъ вѣдомствѣ...

Кто же не зналъ, что командиры полковъ и батареѣ, начальники инженеровъ и вообще чѣмъ либо завѣдующіе пользуются выгодами и пріобрѣтаютъ капиталы? Развѣ ихъ преслѣдовали правительство или общественное мнѣніе? Напротивъ, хорошій офицеръ, т. е. по манежу, плацпараду обратившій на себя вниманіе на смотрахъ, назначался полковымъ командиромъ, чтобы «дать ему возможность поправить-ся»—стереотипное выраженіе, употреблявшееся въ высшихъ сферахъ до послѣдняго времени. Въ арміи и въ гвардіи, на окраинахъ и внутри государства, сверху до низу воцарилась такая система. Населенныя имѣнія, дома въ городахъ, разныя крупныя имущества пріобрѣтались командирами на глазахъ у всѣхъ, и къ нимъ относились съ полнымъ уваженіемъ съ одной и съ завистью съ другой стороны. Еще курьезнѣе: тоже общество, даже и въ тѣ времена, вѣдь съ презрѣніемъ относилось къ комисаріатскимъ, провіантскимъ хищникамъ, или къ взяточникамъ изъ судебно-полицейской сферы, и сами военные на нихъ также презрительно съ высоты смотрѣли, не замѣчая своихъ собственныхъ поступковъ...

Да, вѣдь, и вообще возьмите списокъ нашихъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, состоятельныхъ людей, развѣ не наполовину будутъ они результатами хищеній въ той или другой формѣ? Развѣ въ до-Петровской эпохѣ не творились страшныя хищенія въ видѣ взятокъ, вымогательства и почти открытаго грабежа цѣлыхъ волостей и областей? Развѣ въ послѣ-Петровской эпохѣ главныя дѣйствующія лица въ государственномъ управленіи не наживали милліоновъ посредствомъ продажности и подъ часъ самыхъ наглыхъ хищеній? Наконецъ, будемте откровенны: развѣ не до нашихъ дней продолжается все тоже, въ размѣрахъ еще болѣе большихъ? Въ какихъ только видахъ не совершались въ послѣднюю четверть вѣка расхищенія народнаго достоянія? И концессіями на желѣзныя дороги, и субсидіями разнымъ дутымъ предпріятіямъ, и постройками негоднаго флота, и по части вооруженія арміи, и по части ея продовольствія, и по части ея лѣченія, и раздачею земель, заповѣдныхъ лѣсовъ, и созданіемъ синекуръ, и назначеніемъ крупныхъ пенсій, арендъ, пособій—не по закону, не по заслугамъ!.. И все это уже въ такое время, когда и бюджеты якобы стали публиковаться, и «благодѣтельная гласность» возымѣла свое дѣйствіе, и образовалось нѣчто въ родѣ общественнаго мнѣнія и вниманія къ государственнымъ дѣламъ, и даже правительство какъ бы находило нужнымъ соотнобразяться съ мнѣніемъ общества...

Какъ же послѣ всего этого строго судить людей, которые тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, не выдѣляясь изъ общаго круга, наживались на казенный счетъ? Тѣмъ болѣе снисходительно нужно от-

носятся къ такимъ, которые по крайней мѣрѣ окупали свою дурную сторону полезною дѣятельностью въ порученномъ имъ дѣлѣ, тогда какъ остальные и не меньше хватали изъ казеннаго сундука, и никакой пользы не приносили, даже, напротивъ, дѣлали одни глупости и промахи. Вотъ потому именно и не слѣдуетъ бросать грязью въ имя генерала Евдокимова, заслуги коего въ дѣлѣ покоренія Кавказа очень велики и несомнѣнны. Такъ смотрѣлъ на это и князь Барятинскій.

Разсказывали, что Д. А. Милютинъ, вскорѣ по назначеніи начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи, настойчиво представлялъ князю Барятинскому о вредѣ оставленія Евдокимова командующимъ войсками, потому что онъ своими злоупотребленіями, кромѣ ущерба казнѣ, подаетъ дурной примѣръ войскамъ; но князь отвѣчалъ: «Евдокимовъ украдетъ сто рублей, а пользы принесетъ на десять тысячъ; другой же украдетъ только десять рублей, или хоть и ничего, но вреда сдѣлаетъ на сто тысячъ».

И совершенно правъ былъ князь Барятинскій; ибо, съ одной стороны, если Евдокимовъ, предположимъ, попользовался за всю свою службу миллиономъ рублей *), то, благодаря ему, окончаніе Кавказской войны даже однимъ годомъ ранѣе уже приносило намъ десять миллионовъ сбереженія. Съ другой стороны, были такіе генералы, которые дѣйствительно сами ничего не крали, но и пользы никакой не приносили, а окружающія ихъ лица преспокойно крали, и казна, очевидно, была въ двойной потерѣ. Были и такіе, которые крали не меньше Евдокимова, но, благодаря своимъ фамиліямъ и связямъ, очень ловко маскировались... Я зналъ на Кавказѣ одно исключеніе, и тотъ былъ не Русскій:—князь Моисей Захаровичъ Аргутинскій-Долгорукій, Армянинъ; онъ и пользу приносилъ, и ничего не хапалъ, не только противузаконно, но даже *по закону*; да и подчиненнымъ не особенно легко хапалось при немъ...

Возвращаясь къ Рудановскому. Былъ онъ очень скупъ и копилъ деньжонки, что и оказалось послѣ смерти; но ни малѣйшаго повода заподозрѣвать его въ злоупотребленіяхъ я не имѣю. Говорили, будто бы онъ отказался подписать расходныя статьи въ шнуровыхъ книгахъ по содержанію милиціи и, по своему обыкновенію, швырнулъ ихъ въ лицо Захарову; но сей однако, по приказанію Евдокимова, вторично принесъ и оставилъ ихъ сердитому начальнику штаба на его столѣ, вложивъ между листовъ 1000 р., послѣ чего статьи оказались подписанными; но за вѣрность разсказа я не только не ручаюсь, но даже скорѣе думаю, что это былъ вымыселъ, тѣмъ болѣе

---

*) Въ дѣйствительности я не думаю, чтобы онъ хватилъ и половину миллиона.

возможный, что Рудановскаго всё ненавидѣли и, конечно, рады были, чѣмъ-нибудь насолить ему.

Не пробылъ однако «Самоваръ-паша» долго на Лѣвомъ крылѣ. Сначала генералъ Евдокимовъ сплавилъ его изъ Грозной во Владикавказъ, подъ предлогомъ ближайшаго наблюденія за ходомъ организациі штаба и сліянія бывшаго центра Кавказской линіи съ Владикавказскимъ округомъ и Лѣвымъ флангомъ. Тутъ онъ свирѣпствовалъ неустанно въ сферѣ военно-бюрократической, разыгрывая роль Юпитера въ отсутствіе Евдокимова; а этотъ былъ очень радъ, что сбытъ его съ глазъ долой и большую часть времени проводилъ въ отрядахъ и въ Грозной. Затѣмъ Рудановскій былъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками Праваго крыла, гдѣ въ 1860 году самостоятельно распоряжался значительною массою войскъ, направленныхъ туда послѣ покоренія Восточнаго Кавказа. Здѣсь онъ не выказалъ особенныхъ способностей и настойчивости въ достиженіи предположенной цѣли; движеніе впередъ производилось слишкомъ медленно, съ преувеличенною осторожностью; дѣло видимо грозило затянуться на долго, а между тѣмъ неудовольствія въ войскахъ возбудилъ онъ безконечныя. Само собою, главная вина въ этомъ случаѣ должна была падать на генерала Филипсона, какъ командующаго войсками, по указаніямъ котораго долженъ былъ дѣйствовать Рудановскій; но *de facto* послѣднему была предоставлена совершенная свобода дѣйствій, и если успѣхъ не соответствовалъ даннымъ г. Филипсону большимъ средствамъ, то именно по винѣ Рудановскаго.

1860-й годъ и былъ финаломъ Кавказской службы этого генерала: его перевели въ Россію командовать дивизіею и вскорѣ, во время Польскаго возстанія, ему пришлось выказать свою неспособность. быть самостоятельнымъ, овладѣть обстоятельствами и не растеряться. Нафантизованная толпа двигалась, кажется, изъ-за Австрійской границы, подъ видомъ церковной процессіи, чрезъ мостъ, занятый нашимъ карауломъ, и въ виду цѣлаго отряда оттѣснила этотъ карауль а Рудановскій растерялся и не зналъ, что дѣлать. Вышелъ какой-то скандалъ; войска наши были поставлены сбродомъ въ смѣшное положеніе... Рудановскаго зачислили по запасамъ.

Такъ рассказывали объ этомъ на Кавказѣ; но очень быть можетъ, что Рудановскій и не могъ иначе поступить, въ виду жалкой слабости, овладѣвшей тогда Варшавскими властями.

Впослѣдствіи онъ опять командовалъ дивизіею, и, какъ говорили, не могъ воздержаться отъ грубаго, дерзкаго обращенія съ подчиненными, что и было причиною вторичнаго отчисленія въ запасъ. За тѣмъ онъ лѣчился за границую и тамъ умеръ въ 1878 году, завѣ-

щавъ похоронить себя въ родномъ Черниговѣ и пожертвовавъ свой капиталъ Нѣжинскому Лицею, въ которомъ воспитывался.

Я распространился о Рудановскомъ потому, что это былъ долго на Кавказѣ прослужившій и достаточно извѣстный тамъ человѣкъ, принадлежавшій къ категоріи тѣхъ, которыхъ молва въ злоупотребленіяхъ не обвиняла, а, напротивъ, сами они находились въ числѣ обвинителей. Нужно однако сказать, что по многолѣтнимъ наблюденіямъ я пришелъ къ такому заключенію: девять десятыхъ изъ обвинителей были безупречны—пока не получали въ командованіе отдѣльной части; во всѣхъ другихъ должностяхъ, хотя бы и представлялась возможность пользоваться незаконными доходами, они считали безчестнымъ допустить какое-нибудь злоупотребленіе, но пользоваться выгодами отъ командованія полкомъ не упускалъ никто: ни генеральный штабъ, ни аристократы богатые и бѣдные, ни скороспѣлые карьеристы, за весьма рѣдкими исключеніями, въ родѣ князя Семена Воронцова или А. И. Барятинскаго, за которыхъ пользовались ихъ казначеи и квартирмейстеры. До такой степени узаконилось и освятилось обычаемъ считать командованіе военною частью наградою, даваемою именно съ цѣлью доставить случай матеріальнаго обезпеченія!

Вся разница была въ томъ, что нѣкоторые все прокучивали и проигрывали, а другіе сберегали, какъ обезпеченіе въ будущемъ; но у первыхъ полкъ почти всегда былъ въ самомъ плачевномъ хозяйственномъ положеніи, а у вторыхъ въ исправности, что весьма понятно: первые были дѣти протекціи, а вторые—достигшіе всего трудами, мужествомъ, службой серьезной. Все это я могу подтвердить самыми убѣдительными примѣрами изъ эпохи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, приведя по имени почти всѣхъ командировъ, извѣстныхъ каждому служившему тогда на Кавказѣ. Увѣренъ однако, что и безъ этого оспаривать меня не будутъ, если захотятъ отрѣшиться отъ всякаго пристрастія.

Чтобы покончить съ вопросомъ о хищеніяхъ, какъ принято называть теперь, или съ «изнанкой», какъ говорилось въ 60-хъ годахъ, долженъ сказать еще одно: ничто такъ заразительно не дѣйствовало въ этомъ отношеніи, какъ совершенное отсутствіе вниманія къ казенному интересу со стороны высшаго правительства, вниманія дѣйствительнаго, а не бумажнаго, въ которомъ недостатка никогда не было,—и полнѣйшее равнодушіе общества и къ казенному интересу, и къ нравственности служащихъ лицъ. Разныя высокопоставленныя лица, владѣвшія огромными собственными средствами, если не думали пользоваться чѣмъ нибудь для себя, не задумывались однако швырять казенными деньгами на право и на лѣво самымъ лег-

комысленнымъ и даже незаконнымъ способомъ. Благодарствовать, приобретать приверженцевъ, слыть щедрымъ—все это, конечно, заманчиво и даже похвально, но только на свой счетъ, а не на казенный, т. е. народный, добытый трудами и потомъ миллионовъ бѣдныхъ людей. Удовлетвореніе всякой своей фантазіи, хотя-бы и имѣвшей основаніемъ якобы общественную пользу, не встрѣчало препятствій, и сотни тысячъ казенныхъ денегъ летѣли въ воду или болото, къ соблазну массы низшихъ служащихъ и частныхъ лицъ, почти всегда болѣе практическихъ и понимавшихъ всю суетность дорого стоящихъ затѣй. На каждомъ шагу у насъ наталкиваешься на должности, учрежденія, зданія и т. п., вызывающія удивленіе къ безпамятному транжиренію казенныхъ денегъ. Разказы и анекдоты, по мѣрѣ удаленія отъ своего источника увеличивающіеся до невѣроятныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе весьма сильно дѣйствующіе на массу, окончательно вселяютъ и поддерживаютъ убѣжденіе, что казна—какая-то мифическая корова, которую только лѣнивый дуракъ не доитъ!...

И еще: лица, всѣмъ давно извѣстныя за отъявленныхъ халпуновъ, преспокойно оставались на своихъ мѣстахъ, получали чины, ордена и даже *денежныя* награды отъ правительства, почетъ и изысканные приемы отъ общества. Да что говорить о прошедшемъ? Тоже продолжается и по днесь и будетъ, вѣроятно, продолжаться еще долго, служа подтвержденіемъ извѣстной Русской поговорки: «не нами началось, не нами и кончится».... Историческія условія развитія государства, дѣйствовавшія столько вѣковъ, потребуютъ и чрезвычайныхъ условій, и весьма продолжительнаго времени, чтобы искоренить все привитое Россіи зло. Да и въ одной-ли Россіи такъ?...

Меня могутъ упрекнуть въ противорѣчіи, потому что я не высказалъ симпатіи къ генераламъ Нейдгарту и Муравьеву (въ первыхъ двухъ томахъ «Двадцати пяти лѣтъ»), хотя они усердно взялись за сокращеніе расходовъ и вообще за бережливость въ расходованіи казенныхъ денегъ, а также и потому, что оправдываю генерала Евдокимова, находя вѣрнымъ взглядъ на него князя Барятинскаго, выраженный въ вышеприведенномъ отвѣтѣ Д. А. Милютину. Но это противурѣчіе только кажущееся. У Муравьева и Нейдгарта, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ слабыхъ сторонъ, какъ главнокомандующихъ, не то было дурно, что они радѣли объ интересахъ казны, а то что они брались за это дѣло не съ надлежащаго конца и слишкомъ мелко, да притомъ и не во время. Гдѣ слѣдуетъ не жалѣть средствъ для достиженія хорошаго результата, тамъ скупость вредна; тамъ гдѣ главному начальнику обширнаго края и цѣлой арміи масса важнѣйшихъ дѣлъ и заботъ, смѣшно заниматься рассмотрѣніемъ дѣла объ отпущен-

ныхъ какому нибудь прапорщику прогонныхъ деньгахъ. Что-же касается Евдокимова, то, весьма естественно, что нельзя было обрушиваться на него одного, когда такихъ и на Кавказѣ и во всей Россіи былъ легионъ, и изгонять человѣка, очевидно приносящаго громадную пользу, сто кратъ покрывающую тотъ вредъ, какой онъ приносилъ, извлекая себѣ выгоды на счетъ казны. Вѣдь это было бы верхъ неблагоразумія и несправедливости!

Наконецъ, еще обстоятельство, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду при обвиненіяхъ за пользованіе «благоразумными экономіями». Судьба каждаго служащаго, особенно въ военномъ вѣдомствѣ, поставлена въ полную зависимость отъ его начальника: первый капризъ, сплетня, недоразумѣніе, желаніе дать мѣсто родственнику или прихвостню, просто не понравившаяся фязіономія, — и человѣкъ, прослужившій нѣсколько десятковъ лѣтъ, ни къ какой другой дѣятельности не подготовленный, обремененный семействомъ и разстроеннымъ здоровьемъ, могъ летѣть въ запасныя войска, или состоять по арміи, т. е. кромѣ нравственнаго наказанія нести и матеріальное, лишаясь средствъ существованія; а выходъ въ отставку давалъ такую пенсію (напр. полковнику, командовавшему частью, за 35 лѣтъ службы, 570 рубл. въ годъ!...), съ которой можно было почти съ голода умереть. Какъ-же тутъ строго отнестись къ человѣку, который, подражая всѣмъ своимъ предшественникамъ и сверстникамъ, приберегалъ на черный день средства къ жизни и послѣ много разъ, предъ живыми примѣрами, долженъ былъ сознавать, какъ благоразумно поступилъ, скопивши кое-что, а то пришлось бы, пустивъ семью по міру, хоть руки протягивать...

А главнѣйшее оправданіе все таки составляетъ духъ времени, съ его вкоренившимися взглядами. Кто, напримѣръ, полвѣка тому назадъ возмущался пытками и пристрастными допросами людей, подозреваемыхъ въ какомъ нибудь преступленіи? Кто возмущался тридцать лѣтъ тому назадъ сѣченіемъ солдатъ за всякій проступокъ розгами и шпицрутенами по нѣсколько тысячъ ударовъ, или кого приводило въ особое озлобленіе всыпываніе кадетамъ по нѣскольку сотъ розогъ за пустякъ, за который теперь едвали сдѣлаютъ рѣзкое замѣчаніе? Развѣ не совершенно равнодушно относились къ такому варварству, развѣ кто нибудь обвинялъ людей, приказывавшихъ производить такія экзекуціи, если онѣ не выходили за предѣлы дозволеннаго или общепринятаго? Таковы были взгляды и обычаи, такъ были убѣждены въ неизбѣжности палочной системы. Возмущались и негодовали нѣсколько пзбранныхъ натуръ, считаемыхъ всегда и вездѣ идеалистами, пока ихъ идеи не пробьютъ себѣ путей въ общее созна-

ніе. Инквизиція, крѣпостное право, система застѣнковъ и жестокихъ наказаній, привилегіи разныхъ сословій и многое изъ стараго общественнаго строя, считаемое нынѣ немислимымъ, въ свое время совершалось какъ законное, необходимое.

Тоже было и съ разными злоупотребленіями въ военномъ вѣдомствѣ не далѣе двадцати лѣтъ назадъ. Доходъ полковаго командира считался просто законнымъ, и никто не думалъ его скрывать. Измѣнились взгляды, настало другое время, министерство Д. А. Милютина выступило противъ этого обычая введеніемъ хозяйственныхъ комитетовъ и разныхъ другихъ мѣръ, ограничивающихъ сферу экономическихъ дѣйствій командировъ; значительно увеличили ихъ содержаніе; и съ тѣхъ поръ уже экономіи начали считаться злоупотребленіями, преслѣдуемыми и закономъ и общественнымъ мнѣніемъ.

На сколько всѣ эти мѣры достигли цѣли, вопросъ другой. Недавняя война, къ сожалѣнію, показала, что «вливать новое вино въ старые мѣхи» бесполезно, что нужно полное перевоспитаніе общества для того, чтобы прекратились вѣковыя болѣзни общественнаго организма; законы же—крайне слабое средство противъ зла. Но все же теперь во взглядахъ произошелъ радикальный переворотъ, и всѣ понимаютъ преступность всякихъ экономій и прибылей на счетъ казны; всѣ прозрѣли и уже иначе относятся къ подобнымъ дѣламъ. *Теперь* общественному мнѣнію дѣйствительно слѣдуетъ безъ жалости казнить изобличаемыхъ въ злоупотребленіяхъ, ибо всѣ смягчающія ихъ вину обстоятельства исчезли. Но обрушиваться на давно прошедшее не только бесполезно но и несправедливо.

Слѣдующія главы этихъ Воспоминаній появятся въ Русскомъ Архивѣ 1885 года. Разсказъ А. Л. Зиссермана относится ко времени, когда управлялъ Кавказомъ князь А. И. Барятинскій. Приводимъ характеристику этого лица, сдѣланную тѣмъ же авторомъ въ 3-мъ томѣ его „Исторіи Кабардинскаго полка“. Подобныхъ страницъ немало въ этомъ превосходномъ трудѣ, который исполненъ живой занимательности не для однихъ только военныхъ людей, будучи въ сущности исторіею покоренія Кавказа. П. Б.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Л. Зиссермана *).

III.

Непрекращавшаяся слякоть, наконецъ, доконала меня: я простудился, не тотчасъ принявъ мѣры противъ развитія болѣзни и поплатился за это тифомъ. Кажется, недѣли три или четыре пришлось мнѣ пролежать въ постелѣ, и потому въ генварьскихъ (1857 г.) военныхъ дѣйствіяхъ въ Большой Чечнѣ я участія не принималъ. Лѣчили меня старые госпитальные врачи, по старой солдатской системѣ: каломеля не жалѣли, и, спасибо имъ, а можетъ быть больше природѣ и молодому организму, я выздоровѣлъ и вскорѣ принялся за ту же усиленную работу. Долженъ однако признаться, что время это уже не такъ отчетливо сохранилось въ моей памяти, и я, какъ сквозь сонъ, возобновляю его теперь въ моемъ представленіи.

Когда опасность миновала, я сталъ поправляться и могъ ходить по комнатѣ, докторъ Александровскій, между прочими новостями и сплетнями, сказалъ мнѣ: «однако вы приготовьтесь выдержать бурю, когда выйдете изъ дому».

— Какую, отъ кого?

— Да отъ нашего почтеннаго Константина Ивановича и еще болѣе отъ его супруги.

— Ничего не понимаю: я уже нѣсколько мѣсяцевъ у нихъ не былъ.

— Да вѣдь вы ихъ *пропечатали* на всю Россію въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и всѣ теперь надъ ними смѣются».

— Ничего не понимаю, ничего въ «Русск. Вѣстникѣ» не печаталъ.

— Ну, полноте; вѣдь вы написали «Пріятное Семейство», осмѣявъ всю С—скую семью. Кромѣ васъ никому. Это вся Грозная говоритъ.

Я разразился смѣхомъ; но почтенный эскулапъ Александровскій остался при своемъ убѣжденіи и продолжалъ съ большимъ удовольствіемъ разносить по всѣмъ Грозинскимъ угламъ (гдѣ ни «Русскаго Вѣстника», ни даже газеты «Кавказъ» не читали) содержаніе «Пріятнаго Семейства».

А дѣло вотъ въ чемъ: главный докторъ военнаго госпиталя въ Грозной былъ нѣкто статскій совѣтникъ К. И. С—въ, типъ военнаго

---

*) Первые два главы этихъ Воспоминаній напечатаны въ Р. Архивѣ 1884, кн. 6-я.

врача, или — вѣрнѣе — *медицинскаго чиновника* прежнихъ временъ. Выпить, закусить, плотно пообѣдать, затѣмъ проспять часика три, а тамъ, *не теряя золотого времени*, за зеленый столъ. По службѣ — главное вниманіе на наружный видъ и исправное мараніе бумаги сотнями вѣдомостей и книгъ, въ которыхъ «самъ чортъ ногу сломаешь», да неукоснительный дѣлежъ съ смотрителемъ и комиссаромъ добычи. Однимъ словомъ, самый обыкновенный въ тѣ времена чело-вѣкъ, любившій задавать начальническій тонъ и весьма довольный, когда ему скажутъ: «ваше превосходительство»... Но за то барыня его была не совсѣмъ подъ стать нашимъ штабъ-квартирнымъ и «крѣпостнымъ» дамамъ: не выходила она иначе изъ дому, какъ въ сопровожденіи лакея въ ливреѣ и шляпѣ съ галуномъ, держала себя очень важно и прислугѣ строго приказала говорить объ ней не иначе, какъ «генеральша». Нѣсколько дочерей, хотя не блиставшихъ особенной красотой, тоже держали себя какъ туго накрахмаленныя манишки и порывались говорить по-французски. Все вообще въ этомъ семействѣ, кромѣ самого *pater familias*, лѣзло изъ кожи вонъ не быть похожими на *прочихъ*, и когда намъ, молодежи, случалось бывать тамъ по вечерамъ, то мы чувствовали неудержимую потребность смѣяться — и надъ потѣшной мамашей, и надъ чопорностью дѣвицъ, и надъ уморительными, не всегда салонными прибаутками самого старика, приводившаго свою лѣзшую въ аристократію супругу въ неописанный гнѣвъ, и надъ худо скрываемою скупостью угощенія, когда матан своимъ единственнымъ блестящимъ глазомъ зорко слѣдила за появленіемъ гостей во время ужина...

Вдругъ появляется въ «Русскомъ Вѣстникѣ» одинъ изъ рассказовъ Щедрина «Пріятное Семейство», въ которомъ талантливый авторъ «Губернскихъ Очерковъ», съ свойственною ему рельефностью, нарисовалъ нѣсколько презабавныхъ сценъ изъ жизни семейства, отчасти напоминавшаго нашихъ достопочтенныхъ С—выхъ, и они не замедлили узнать себя въ этомъ рассказѣ... Въ пылу негодованія, желая во что бы ни стало найти виновнаго, они обрушились на меня.

Никакія увѣренія въ моей невинности, никакія откровенныя заявленія, что я считалъ бы себя весьма счастливымъ быть въ дѣйствительности авторомъ такого произведенія, хотя бы даже рискуя подвергнуться гнѣву ея превосходительства, не дѣйствововали, и долгое время сами С—вы и нѣкоторые наши общіе знакомые продолжали меня считать сочинителемъ *насквиля*. Такъ, съ тѣхъ поръ я уже не удостоивался чести не только бывать у С—выхъ, но и самое знакомство прекратилось.

Этотъ забавный, вполне Россійско-провинціальный эпизодъ приводитъ мнѣ, однако, на память свѣтлую эпоху 1856—60-хъ годовъ,

когда «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ» овладѣли всѣми, маломальски развитыми людьми, возбуждали дѣятельность мысли, отрывали вниманіе отъ исключительно-будничныхъ интересовъ къ болѣе высокимъ, общегосударственнымъ и общечеловѣческимъ; когда даже мы, втянувшіеся въ военно-служебную сферу, довольно равнодушно относившіеся ко всякимъ непригляднымъ дѣламъ и порядкамъ, на нашихъ глазахъ творившимся, стали какъ бы прозрѣвать... Въ воздухъ почувялась какая-то свѣжесть, горизонтъ кругомъ прояснялся, кровь стала быстрѣе обращаться, и нужно было видѣть, какъ тѣ, немногіе впрочемъ, которые получали журналы, жадно прочитывали всё, носившее обличительный характеръ, и съ какимъ удовольствіемъ передавали другимъ содержаніе прочитаннаго, съ какимъ жаромъ вступали по этому поводу въ разсужденія, споры и проч.!... *)

Тогда, послѣ многолѣтняго періода литературы исключительно-амурскаго характера (ибо ничего другаго намъ читать не приходилось), всѣ эти обличенія продѣлокъ провинціальной администраціи и вообще официальныхъ лицъ, эти возмутительные разсказы о крѣпостныхъ самоуправствахъ и самодурствахъ, эти апологіи Англійскимъ порядкамъ казались намъ чѣмъ-то необычайно смѣлымъ и бьющимъ съ неотразимою силою въ самую суть общественной мерзости. Прибавивъ къ этому ходившія по рукамъ копіи съ извѣстнаго приказа по морскому вѣдомству на счетъ того, что у насъ «сверху блескъ, а снизу гниль», съ извѣстныхъ стиховъ Хомякова и Аксакова, мы вполне повѣрили въ возрожденіе, въ пришествіе новой эры, въ предстоящее блистательное будущее Россіи!..

Но нужно сказать, что насъ было очень мало: почти всѣ, постарше и повыше въ служебномъ отношеніи стоявшіе, или ничего не читали и не знали, или относились ко всему, такъ насъ волновавшему, иронически-индифферентно, иные съ нѣкоторымъ озлобленіемъ. Были такіе служаки, которые не хотѣли вѣрить приказу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и считали его фальшивымъ. Покойный бар. Врангель разсказывалъ мнѣ, что онъ, командуя 5-мъ пѣхотн. корпусомъ, пріѣхалъ въ Кишиневъ инспектировать 15-ю дивизію и на вопросъ: объявленъ ли уже приказъ о томъ, что унтеръ-офицерамъ слѣдуетъ говорить

---

*) Это напоминаетъ намъ про отзывъ митрополита Филарета о тогдашней такъ называемой обличительной литературѣ. Онъ конечно ея не жаловалъ, и когда кто-то замѣтилъ, что все же этими произведеніями устраняются дурные люди и сатира очищаетъ нравы, владыка возразилъ: „Мудрено! Въ первый разъ слышу, чтобъ кого либо можно умыть попоами“. Но тогда эти самообличенія и самооплеванія (естественный плодъ предыдущей показной увѣренности въ общемъ благоденствіи) только что начались; что сказалъ бы Московскій архипастырь теперь! П. Б.

«вы», — начальникъ дивизіи генералъ Кишинскій (нашъ старый Кавказецъ) отвѣчалъ: «лѣтъ, не объявлено; *опасно*; ждемъ, не будетъ ли отмычки или разъясненій». Бригадный командиръ Ляшенко (тоже Кавказецъ) поддерживалъ такое сомнѣніе, и оба просили позволить имъ не торопиться объявленіемъ приказа. Такова сила рутины, хотя нельзя умолчать, что и реформаторство приняло тогда отчасти лихорадочный характеръ...

У насъ слишкомъ злоупотребляютъ выраженіемъ «подъемъ народнаго духа», «подъемъ общественнаго сознанія», и потому оно до нѣкоторой степени опошлилось, нерѣдко вызывая въ опытномъ читателѣ улыбку. Но что подъемъ дѣйствительно бываетъ — это неоспоримо; если онъ не проникаетъ въ самую глубь народныхъ массъ, то, во всякомъ случаѣ, охватываетъ всё читающее, грамотное общество, въ которомъ заключается соль страны и есть достаточный запасъ средствъ дать «подъему» реальное значеніе, лишь бы не раздалось вдругъ: «куда лѣзешь?»...

Подъемъ, послѣдовавшій послѣ печальнаго Парижскаго мира 1856 года, былъ именно изъ тѣхъ, которые въ массы проникаютъ: тамъ стали носиться глухіе толки о волѣ, о записываніи желающихъ въ казаки, о земляхъ раздаваемыхъ щедрою рукою даромъ и т. п.; тамъ готовы были вѣрить во всякую нелѣпость, соответствующую затаеннымъ желаніямъ и насущнымъ нуждамъ матеріальнаго свойства, готовы были на «подъемъ», только совсѣмъ другаго рода, на *подъемъ* съ мѣста жительства для переселенія на вольныя земли, а кое-гдѣ и на *подъемъ* съ дубинами противъ помѣщичьихъ управляющихъ и становыхъ...

Подъемъ духа, о которомъ идетъ рѣчь, весьма сильно поддерживаемый «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Современникомъ», да разными, уже упомянутыми копіями запрещенныхъ статей и стиховъ, выразился главнѣйше въ горячемъ, искреннемъ чувствѣ негодованія къ крѣпостнымъ порядкамъ, къ палочной системѣ, къ злоупотребленіямъ по службѣ. Вдругъ возобладалъ критически-оппозиціонный характеръ, о которомъ до того въ нашихъ кругахъ и рѣчи не было, если не считать за оппозицію недовольство какимъ-нибудь начальникомъ, или критикой и неодобреніемъ его распоряженій, въ особенности со стороны лично недовольныхъ. Стали затрогиваться самые наиважнѣйшіе пункты нашего положенія, не исключая основныхъ принциповъ; разбирались и политика внѣшняя, и дѣла внутреннія, и финансовая система, и вездѣсущій единоличныи произволъ; и говорилось всё достаточно громко, и даже такимъ лицамъ, предъ которыми еще недавно слѣдовало лишь стоять «руки по швамъ»...

Откуда вдругъ явилось и такое увлеченіе, и такая горячность, и такая смѣлость, наконецъ, достаточно-основательное и плавное изложеніе мыслей,—опредѣлить довольно трудно. Уже носилось въ воздухѣ что-то особенное, и довольно было небольшого толчка, чтобы разбудить повергнутое въ летаргію Русское общество, поднять его духъ и сознаніе, вызвать наружу способности, остававшіяся подъ спудомъ, у многихъ даже невѣдомо для нихъ самихъ... Когда же въ послѣдствіи стали ходить по рукамъ листки «Колокола» и прочія изданія Герцена, то *подъемъ* достигъ уже размѣровъ весьма крупныхъ, сталъ вырождаться въ нѣкотораго рода озлобленіе, вызывая громогласно заявляемую критику, весьма желчнаго характера... Да, очень хорошо помню я это время! И, какъ намъ казалось, если въ глухомъ углу Кавказа, среди военного общества, въ которомъ, правду говоря, едва ли одна десятая часть могла назваться интеллигентною, произошла такая перемѣна духа, то что же должно было совершаться въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, болѣе богатыхъ просвѣщенными элементами, чѣмъ какіе-нибудь Грозные, Владикавказы и т. п., тридцать лѣтъ тому назадъ... А между тѣмъ — свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Во что выродился *подъемъ*?.. Молчаніе.

Однако «подъемъ духа» своимъ порядкомъ, а военныя дѣйствія и чаемыя повышенія по службѣ тоже не забывались; ничего иного отъ военныхъ людей и требовать нельзя было. Для всякаго изъ нихъ это была прямая дорога, свернуть съ которой значило бы броситься въ неизвѣстное пространство. Наконецъ, самые лучшіе изъ насъ хорошо понимали, что когда-нибудь нужно же и покончить съ Кавказской войной, что это вопросъ громадной важности для Россіи и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. — Самый характеръ военныхъ дѣйствій, принявшихъ съ пріѣздомъ князя Барятинскаго такой рѣшительный оборотъ, сосредоточеніе небывалое прежде массы войскъ и смѣлыя движенія въ мѣстности, считавшіяся предъ тѣмъ недоступными, произвели среди насъ усиленное возбужденіе и тоже увлекали наше воображеніе, вызывая на толки и предположенія о тѣхъ или другихъ возможныхъ результатахъ.

Въ Генварѣ 1857 г. дѣйствія продолжались двѣ недѣли, и, не взирая на сильную стужу и мятели, настойчивость генерала Евдокимова преодолевала всѣ препятствія; два отряда—одинъ отъ р. Аргуна, другой отъ Мичика по просьбѣ, сдѣланной въ Декабрѣ, вышли другъ другу на встрѣчу, прорубая заросли и расчищая пути. Такимъ образомъ, послѣдній недоступный участок Большой Чечни былъ очищенъ отъ непокорнаго населенія, и почти всѣ хлѣбороднѣйшія мѣста отняты; ибо, имѣя свободный доступъ отъ Аргуна къ Качкалыковскому хребту, мы

получили возможность во всякое время съ небольшими летучими отрядами нагрянуть и уничтожить постѣвы. Непріятелю былъ нанесенъ весьма сильный ударъ съ ничтожной потерей съ нашей стороны. Къ 1-му Февраля войска разошлись по квартирамъ, выстрѣлы на время затихли, и въ дымившихся полуразоренныхъ аулахъ собирались унылыя кучки Чеченцевъ, окончательно смущенныхъ и недоумѣвающихъ.

3-го Марта опять былъ собранъ отрядъ за Аргуномъ. Въ теченіи пятнадцати дней, у бывшаго аула Шали, мы построили земляное укрѣпленіе и вырубили на нѣсколько верстъ кругомъ лѣса. Большія толпы горцевъ съ 6-ю орудіями стояли въ почтительномъ разстояніи, посылая намъ каждодневно по нѣскольку десятковъ ядеръ; небольшія кучки выбѣгали впередъ, перестрѣливаясь съ нашими цѣпями, но ничего рѣшительнаго не затѣвали; а генераль Евдокимовъ почти не обращалъ на нихъ вниманія и продолжалъ свое дѣло. 20-го Марта въ оконченное на-скоро укрѣпленіе былъ введенъ гарнизонъ (батальонъ Куринцевъ, двѣ роты Виленцевъ, дивизіонъ полевыхъ орудій и двѣ сотни казаковъ) подъ команду подполковника Момбелли, а мы возвратились въ Грозную.

Это Шалинское укрѣпленіе, въ самомъ центрѣ Большой Чечни, угрожало поминутно непріятелю и во время полевыхъ работъ, и на пастъбѣ скота, и днемъ, и ночью; кромѣ того, оно служило убѣжищемъ для тѣхъ Чеченцевъ, которые желали выселяться къ намъ, но не могли далеко уходить изъ-подъ зоркаго надзора Шамилевскихъ агентовъ; а желающихъ оказывалось очень много, и никакой страхъ предъ казнями въ семъ мірѣ, предъ муками ада въ будущемъ, никакія увѣщанія и картины райской будущности уже не дѣйствовали...

Очень часто, въ теченіи лѣта 1857 г., доносились до насъ въ Грозную пушечные выстрѣлы изъ Шали. Сначала это немного тревожило насъ: непріятель могъ большими силами атаковать укрѣпленіе, а у насъ подъ рукою не было свободныхъ войскъ для немедленнаго движенія на выручку. Но когда, послѣ первыхъ двухъ-трехъ тревогъ, оказалось, что Момбелли ядрами препятствуетъ Чеченцамъ работать въ полѣ, или что наибѣ Талгикъ изъ-за лѣса, въ свою очередь, посылаетъ сосѣду Момбели чугунныя гостинцы, мы успокоились и оставляли гулъ Шалинскихъ выстрѣловъ безъ вниманія.

Вспоминаю при этомъ одинъ случай, отлично характеризующій генерала Евдокимова. Въ 1856 году весною, часу въ 3-мъ пополудни, вбѣгаетъ къ нему начальникъ мирныхъ Чеченцевъ, подполковникъ Бѣликъ, весьма встревоженный, и докладываетъ, что со стороны Куринскаго укрѣпленія доносятся пушечныя выстрѣлы. Въ то время нигдѣ никакихъ отрядовъ въ сборѣ не было, никакихъ движеній не дѣлалось,

всѣ войска были на работахъ и покосахъ, поэтому выстрѣлы должны были означать нападеніе непріятеля. Генераль Евдокимовъ приказалъ считать выстрѣлы.

— Да уже около 40, ваше превосходительство!

— Приготовьте сейчасъ нарочнаго къ начальнику колонны, расположенной на Джалкѣ, чтобы бѣгомъ слѣдовалъ къ Куринскому, а между тѣмъ считать выстрѣлы.

Вбѣгаетъ Бѣликъ. «Ваше превосходительство, уже болѣе 100 выстрѣловъ!»

— Ну, такъ ненужно нарочнаго: это тамъ пьянствуютъ.

Послѣ генераль приказалъ спросить, чтò тамъ происходило, и командиръ 2-го бат. Кабардинскаго полка, расположеннаго въ Куринскомъ, маіоръ Властовъ откровенно отвѣчалъ, что его батальонный адъютантъ прапорщикъ Калери женился на дочери казачьяго штабъ-офицера, что на свадьбу пріѣзжалъ полковой командиръ баронъ Николай, что кутнули какъ подобаетъ Кабардинцамъ и по старому обычаю подняли жарню изъ пушекъ... Н. И. Евдокимовъ разсмѣялся, и дѣло осталось безъ послѣдствій.

Вдаваться въ подробности военныхъ дѣйствій, всѣхъ плановъ, распоряженій и результатовъ я не буду; это не имѣетъ почти никакого отношенія къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ и достаточно обширно уже описано мною въ особомъ трудѣ, изданномъ въ 1881 году подъ заглавіемъ «Исторія Кабардинскаго полка» (1724—1880), куда я и отсылаю читателей, интересующихся исторіею завоеванія Кавказа *). Здѣсь же, въ моихъ «Воспоминаніяхъ», лучше обратиться къ лицамъ, тогдашнимъ дѣятелямъ, высшимъ и низшимъ, къ сослуживцамъ и вообще къ подробностямъ болѣе частнаго характера.

IV.

Среди множества обыкновенной текущей работы генераль Евдокимовъ поручилъ мнѣ, между прочимъ, нѣсколько особенно-серьезныхъ дѣлъ, о которыхъ онъ объяснялся съ главнокомандующимъ, желавшимъ имѣть объ нихъ подробныя записки. Затрогивались различные вопросы: о способѣ перенесенія полковыхъ штабъ-квартиръ во вновь занимаемыя въ непріятельской странѣ мѣстности (предметъ имѣвшій весьма важное значеніе, потому что никакое укрѣпленіе не могло

---

*) Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы заявить, что два отрывка изъ моей Исторіи Кабардинскаго полка, напечатанные въ 6-й книжкѣ Р. Архива 1884 г., обязаны своимъ происхожденіемъ запискамъ Г. К. Властова, обязательно сообщеннымъ мнѣ въ рукописи.

замѣнить цѣлой штабъ-квартиры, представлявшей на Кавказѣ особый видъ Русской колонизаціи, во многихъ отношеніяхъ даже болѣе полезной, чѣмъ казачья станица); объ устройствѣ народнаго управленія въ Кабардѣ, этой старѣйшей изъ подчиненныхъ Русской власти Кавказской провинціи, гдѣ съ двадцатыхъ годовъ существовали порядки, введенные еще А. П. Ермоловымъ, отжившіе свой вѣкъ и требовавшіе радикальных перемѣнъ; о прочномъ и достаточномъ надѣленіи землею казаковъ, поселенныхъ по Сунжѣ; о возможности обезоруженія покорныхъ туземцевъ. И еще нѣсколько тому подобныхъ вопросовъ.

Все это занимало у меня очень много времени и требовало усидчиваго труда. Просматривая теперь сохранившіеся въ копіяхъ эти записки и вспоминая вообще это время, я рѣшительно недоумѣваю, какъ хватало у меня силъ посвящать при этомъ почти всѣ ночи напролетъ... картежной игрѣ? Сознаюсь, къ стыду моему, что, хоть мнѣ было тогда уже болѣе 30 лѣтъ, я не имѣлъ достаточно силы воли устранить себя отъ этой, свирѣпствовавшей въ то время у насъ, общей эпидеміи. Азартная игра съ перемѣннымъ счастьемъ и довольно крупными кушами, переходившими изъ рукъ въ руки, просто засасывала человѣка и, какъ всякая страсть, отуманивала, можно сказать, до какой-то потери сознанія!..

Безсонныя ночи, усиленный приливъ и отливъ крови къ сердцу, волненіе, облака табачнаго дыма и мѣловой пыли, воспаленные глаза (и это послѣ цѣлаго дня работы, послѣ необходимости поминутно быть у начальства, предъ которымъ нужно было скрывать свою слабость), само собою, не могли не дѣйствовать разрушительно на организмъ. Иногда случалось въ 6—7 часовъ утра прямо отъ карточной оргіи бѣжать домой и, окатившись холодной водой, садиться за работу, недоконченную съ вечера, и явиться съ нею въ 8—9 ч. къ генералу Евдокимову, читать ему, тутъ же дополнять, исправлять, идти въ штабъ, опять къ нему и, въ довершеніе бѣды, явиться къ обѣду. Такъ бывало двое-трое сутокъ сряду!..

Изъ членовъ этой картежной компаніи, кромѣ Грачева, о которомъ я уже говорилъ въ предыдущихъ главахъ, болѣе всего вспоминается мнѣ А. А. Офрейнъ, личность весьма интересная. Уроженецъ Крыма, онъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ поступилъ на службу въ одинъ изъ уланскихъ полковъ и впослѣдствіи былъ отправленъ въ Петербургъ, въ кавалерійскій образцовый полкъ. Красавецъ собой, большаго роста, ѣздокъ, типъ фровтовика тѣхъ временъ, Офрейнъ обратилъ на себя вниманіе великаго князя Михаила Павловича, а затѣмъ и самаго Государя Николая Павловича и былъ оставленъ въ постоянномъ

кадръ образцоваго полка, съ переводомъ въ конную гвардію. Довольно быстро шагая по служебной лѣстницѣ, онъ достигъ чина полковника, получилъ и всѣ ордена, дававшіеся по порядку. Оставалось протянуть еще годъ, другой, чтобы получить полкъ, быть произведеннымъ въ генералы и кончить, по крайней мѣрѣ, начальникомъ дивизіи. Но карточный бѣсъ-искуситель не дремалъ: Офрейнъ очутился въ числѣ самыхъ ретивыхъ его служителей, и послѣдствія оказались самая плачевныя. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ чей-то адъютантъ князь Кольцовъ-Масальскій проигралъ Офрейну не особенно большую сумму денегъ, обѣщая заплатить «на дняхъ». Проходили однако недѣли. Масальскій денегъ не присылалъ, а Офрейну онъ нужны были до зарѣзу. На двѣтри напоминательныя записочки отвѣта не послѣдовало. Тогда Офрейнъ рѣшился самъ зайти къ Масальскому; но, не заставъ его дома, написалъ въ его кабинетъ записку, съ рѣшительнымъ требованіемъ немедленной уплаты долга, угрожая въ противномъ случаѣ надѣлать непріятностей.

Вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ появились слухи, что у князя Масальскаго, въ день прихода полковника Офрейна, со стола пропали золотыя часы и что никто болѣе въ кабинетъ не входилъ... Результатомъ этихъ слуховъ было общее негодованіе офицеровъ, конногвардейскаго и образцоваго полковъ, и настойчивое требованіе, чтобы Офрейнъ былъ исключенъ изъ ихъ состава. Послѣдовало увольненіе отъ службы; вся карьера, вся будущность были разрушены!

Офрейнъ нарядился въ штатское платье и остался въ Петербургѣ съ единственной цѣлью отомстить Масальскому. Въ одинъ прекрасный день, проходя по Невскому проспекту, онъ увидѣлъ офицера въ адъютантской фуражкѣ, подѣхавшаго съ дамой къ одному изъ магазиновъ. Офрейну показалось, что это Масальскій; но чтобы не ошибиться, онъ спросилъ кучера «чьи лошади?»—Князя Масальскаго, послѣдовалъ отвѣтъ. Тебя-то мнѣ и нужно, подумалъ Офрейнъ, и остался на панели ожидать выхода своего врага изъ магазина. Черезъ нѣсколько минутъ вышла дама, за нею Масальскій, и въ тоже мгновеніе толстая палка здоровенною рукою Офрейна пошла писать по головѣ и спинѣ этого господина, который упалъ лицомъ внизъ, а дама въ обморокъ... Крикъ, шумъ, сбѣжались люди, полиція, вырвали у Офрейна палку, подняли избитаго офицера и только тогда—представьте себѣ ужасъ Офрейна!—онъ замѣтилъ, что побилъ совершенно незнакомаго ему человѣка, оказавшагося тоже княземъ Масальскимъ, кажется родственникомъ того, который такъ зло поступилъ съ Офрейномъ! Финаломъ этого происшествія былъ арестъ, слѣдствіе, судъ, годъ тюремнаго заключенія, *отставленіе* (вмѣсто увольненія) отъ службы и

высылка изъ Петербурга, съ воспрещеніемъ навсегда въѣзда въ обѣ столицы.

Черезъ нѣкоторое время, получивъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ князю М. С. Воронцову, Офрейнъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и былъ зачисленъ на службу въ Сунженскій казачій полкъ хорунжимъ, т. е. первымъ оберъ-офицерскимъ чиномъ. Прибывъ въ Грозную въ 1853 году, онъ получилъ въ командованіе мѣстную сотню, составленную изъ лихихъ молодцовъ, большею частью недавно зачисленныхъ въ казаки изъ семейныхъ солдатъ, участвовалъ съ нею во всѣхъ набѣгахъ и экспедиціяхъ, составляя конвой начальника отряда. И, нужно отдать ему справедливость, въ дѣлахъ съ непріятелемъ оказался онъ весьма распорядительнымъ и безупречно-храбрымъ. Баронъ Врангель и генералъ Евдокимовъ оказывали ему большое вниманіе. Каждый годъ получая за отличіе слѣдующіе чины, Офрейнъ черезъ нѣсколько лѣтъ опять былъ полковникомъ, затѣмъ командиромъ линейнаго батальона, часто начальникомъ отдѣльныхъ колоннъ и отрядовъ, пользуясь неослабѣвавшимъ расположеніемъ Евдокимова. Исторія съ Масальскимъ была забыта; самъ Офрейнъ видимо избѣгалъ всякаго намека на это дѣло. Но, что удивительно, и жестокій урокъ на него не подѣйствовалъ: ни на одинъ день не разстался онъ со страстью къ картамъ и все время въ Грозной, за Кубанью, въ Кисловодскѣ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, до послѣднихъ своихъ дней, продолжалъ съ азартомъ играть — и большею частью проигрывать...

Другой постоянный членъ нашей (грустной памяти) карточной компаніи былъ А. И. Руновскій, смотритель военного госпиталя въ Грозной, тоже человекъ въ своемъ родѣ весьма интересный. Женившись молодымъ офицеромъ, пришлось ему заботиться о средствахъ къ жизни и искать «спокойнаго мѣста;» слѣдствіе этого — поступленіе въ комиссаріатъ на должность смотрителя. Въ госпиталѣ бывало 800, 900 и не менѣе 600 больныхъ; у такого Калифорнійскаго источника, само собою, дѣло не безъ грѣха; но Руновскій былъ заклятой врагъ денегъ и бралъ ихъ для того, чтобы проигрывать и транжирить самымъ неразсчетливо-легкомысленнымъ образомъ. Кромѣ того, по добротѣ и свойствамъ широкой Славянской натуры, никому ни въ чемъ отказать онъ не могъ. Такимъ образомъ, все шло прахомъ, и когда, совершенно неожиданно, надъ нимъ стряслась бѣда, въ видѣ увольненія безъ прошенія отъ службы за какой-то сущій пустякъ, а не за злоупотребленія, — Руновскій остался безъ всякихъ средствъ. По моему предствательству, генералъ Евдокимовъ вошелъ съ представленіемъ о зачисленіи Руновскаго на службу въ Навагинскій полкъ, что вскорѣ и состоялось;

а затѣмъ онъ опять получилъ «спокойное мѣсто» смотрителя госпиталя въ Владикавказѣ, но не долго на немъ оставался. Не знаю, по собственному ли желанію, былъ онъ опять зачисленъ по арміи и отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ очутился сотрудникомъ новаго «Военнаго Сборника», въ которомъ дебютировалъ статью: «Человѣкъ съ честными намѣреніями» и талантливо разсказалъ свои комиссаріатскія походы. Тогда этотъ родъ литературы былъ въ модѣ, и статья обратила на себя вниманіе.

Когда въ 1859 году привезли въ Петербургъ плѣннаго Шамиля, рѣшено было назначить особаго пристава для присмотра за нимъ въ Калугѣ. По чьей-то рекомендаціи выборъ палъ на Руновскаго, и онъ, въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, отлично исполнялъ свою обязанность, былъ любимъ старымъ имамомъ и всей его семьей, писалъ разныя статьи о Шамилѣ, горскихъ обычаяхъ и проч.

Въ 1861—62 году вдругъ капитанъ Руновскій является на Кавказъ состоящимъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ, вслѣдъ за тѣмъ переводится въ гвардію, остается въ томъ же званіи при Великомъ Князѣ Намѣстникѣ Кавказскомъ и разъѣзжаетъ по краю съ особыми порученіями. Какова метаморфоза?

Возлагались на Руновскаго разныя слѣдствія, казусныя дѣла и важныя командировки, болѣе гражданскаго характера. Не знаю гдѣ, по какому дѣлу, что-то сорвалось, и Руновскій уже въ чинѣ полковника былъ отчисленъ по арміи и опять очутился ни съ чѣмъ. Послѣ онъ отправился въ Ташкентъ, въ распоряженіе генерала Кауфмана; служилъ тамъ, какъ я слышалъ, съ пользою, содѣйствовалъ къ устройству городского управленія, былъ представленъ къ производству въ генералы, но заболѣлъ и умеръ. Картъ нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, Р. не оставлялъ; всегда былъ добродушно-веселъ, большой охотникъ острить, цитировать Гоголевскія забавныя изрѣченія, напѣвать водевильные куплеты и т. п. Этому способному, богато-одаренному человѣку не доставало немного образованія и начитанности, не много больше силы воли и выдержки, чтобы, не погружаясь въ госпитальные омуты, оказаться виднымъ административнымъ дѣятелемъ на Кавказѣ и оставить послѣ себя болѣе свѣтлую память.

Остальные участники картежной оргіи не вызываютъ въ моей памяти особыхъ представленій; были офицеры всѣхъ родовъ оружія, провіантмейстеры съ туго-набитыми бумажниками, комиссары, а иногда даже госпитальный священникъ, про котораго Руновскій разсказывалъ много забавныхъ, а иногда и возмутительныхъ, анекдотовъ...

Да, скверное воспоминаніе; и если я его коснулся, то именно съ цѣлью показать, какъ трудно, но и необходимо человѣку отдѣлываться

ся отъ слѣдованія поговоркѣ: «съ волками жить, по волчьи выть». Это вовсе не оправданіе, а только сдѣлка слабохарактерныхъ людей съ своею совѣстью. Я, по крайней мѣрѣ, въ время опомнился и вотъ уже болѣе 25 лѣтъ отъ всякихъ азартныхъ игръ отрѣшился.

V.

Среди этихъ усиленныхъ занятій днемъ и безпутнаго картежничанья ночью, у меня прибавилось однако еще одно дѣло. Въ Мартѣ 1857 г. получилъ я отъ Ростислава Фадѣева изъ Тифлиса письмо, въ которомъ онъ, по порученію главнокомандующаго, спрашивалъ, возьмусь ли я доставлять корреспонденціи и статьи о военныхъ дѣйствіяхъ и вообще о нашемъ положеніи на Кавказѣ. Письмо было очень интересное, объяснявшее, сколько помню, нѣкоторые взгляды князя Барятинскаго на публичность, на общественное мнѣніе и т. п.; говорилось объ его желаніи отыскивать по Кавказу способныхъ людей, выдвигать ихъ для общей пользы и проч. Къ крайнему сожалѣнію, письма этого не нахожу теперь между моими бумагами.

Я поспѣшилъ отвѣчать, что, не говоря о большомъ удовольствіи заняться подобной работой, желаніе главнокомандующаго вѣдь равносильно приказанію; слѣдовательно и спрашивать меня нечего. Я просилъ только не связывать меня срочной работой, потому что родъ моей службы при генералѣ Евдокимовѣ, при частыхъ разъѣздахъ и движеніяхъ съ отрядами, этого положительно не допускаетъ.

Въ отвѣтъ на это я получилъ отъ Фадѣева письмо отъ 7 Апрѣля, которое и помѣщаю здѣсь почти цѣликомъ, *почти*, потому что второй листикъ затерялся, о чемъ весьма сожалѣю и негодую на мою небрежность.

«Благодарю васъ за письмо, А. Л., и за обѣщаніе содѣйствія. Хоть это дѣло собственно казенное, слѣдовательно ни до кого изъ насъ лично не касающееся; но, во первыхъ, этого требуютъ отъ насъ по службѣ и сулятъ за это милости, во вторыхъ, у насъ все начинается выходить изъ застоя, и Кавказъ никакъ не долженъ отставать отъ остальной Россіи. Наконецъ, хотя это съ перваго раза кажется парадоксомъ, даже личное положеніе cadaго, и пишущаго, и не-пишущаго, Кавказца въ нѣкоторой степени зависитъ отъ того, какъ Кавказъ выскажетъ себя предъ Европою». (?)

«Князь А. И. хочетъ твердо переобразовать Кавказъ сообразно съ дѣйствительностью вещей, замѣнить старую мозаику, изъ которой лѣпили Кавказское Положеніе, правильнымъ и раціональнымъ распре-

дѣленіемъ силъ и управленія. Но одной воли его мало. Въ Петербургѣ противъ него страшная оппозиція, вся старая рутина стала на дыбки; а рутину большихъ людей въ настоящее время можно умирить однимъ оружіемъ,—миѣніемъ» (общественнымъ? это мой вопросъ. А. З.).

«Теперь примите въ соображеніе двѣ вещи: 1) что о правительственныхъ вопросахъ до сихъ поръ еще нельзя разсуждать пѣчтатно (Фадѣевъ писалъ всегда чрезъ ъ) по-русски; 2) что хоть Русское миѣніе съ каждымъ годомъ становится самостоятельнѣе, но не выбилось еще совершенно изъ подъ опеки миѣнія иностраннаго; вліяніе этого послѣдняго чувствуется у насъ еще чрезвычайно сильно, и вы увидите, какъ важно для предпринимаемаго княземъ труда, затрудняемаго на каждомъ шагѣ рутинной, апатіей и недоброжелательствомъ какъ Русскимъ, такъ и иностраннымъ, поставить себя въ настоящемъ свѣтѣ предъ миѣніемъ. У насъ же есть для этого превосходный органъ: газета *Le Nord*, издаваемая въ Бельгій Погенполемъ. Добросовѣстность редакціи и обширность сношеній доставили этой газетѣ такой кредитъ въ Европейской публикѣ, что слова ея принимаются безъ повѣрки (!) Издатель обратился недавно къ князю съ предложеніемъ сдѣлать ее главнымъ органомъ Кавказа предъ свѣтомъ, и я писалъ для князя письмо къ редактору, съ изложеніемъ его миѣнія объ этомъ дѣлѣ. Въ тоже время *** пишетъ князю, что теперь онъ лично убѣдился, какую роль играетъ въ Европѣ газетная публичность, что она не только увлекаетъ миѣніе куда хочетъ, но ворочаетъ правительства и управляетъ Европейской политикой; что, поэтому, продолжать скромное молчаніе, какъ мы дѣлали до сихъ поръ, все равно что не хотѣть знать пороха, когда весь свѣтъ вооруженъ уже ружьями и пушками, и что настоящую публичность намъ должно начать съ Кавказа. Надобно вамъ сказать, что сильная часть прессы (*la presse*), принадлежащая Англо австрійскому миѣнію, предприняла возбудить въ Европѣ такое же увлеченіе миѣнія въ пользу героическихъ *Черкесовъ*, какое возбудила она въ 20-хъ годахъ въ пользу возставшихъ Грековъ. Если дать такому потоку разыграться, онъ можетъ быть очень опасенъ для насъ: извѣстно, что въ это время западныя правительства существуютъ только на условіи угождать публикѣ. Вотъ почему настоящая публичность должна начаться у насъ съ Кавказа; публичность, какъ ее понимаютъ на Западѣ, состоящая не въ рдной публикаціи документовъ и извѣстій, но въ систематическомъ, одноцвѣтномъ, направленномъ къ одной цѣли изложеніи хода и сущности Кавказскихъ событій. Это дѣло нетрудное, потому что намъ не надо ничего изукрашивать или обрѣзывать,—мы совершенно правы здѣсь. Достаточно изображать вещи въ настоящемъ видѣ, чтобы фантасти-

ческий идеаль Черкесовъ разлетѣлся дымомъ. Какое мнѣніе создано объ нихъ въ Европѣ, вы можете видѣть изъ слѣдующаго; въ одномъ изъ первыхъ журналовъ, при разборѣ переведеннаго сочиненія о плѣнѣ Чавчавадзевыхъ, журналъ восклицаетъ: «кто бы подумалъ, что эти безстрашные защитники свободы *иногда* любятъ деньги, какъ и другіе люди!»

«Политическія статьи могутъ писаться только въ Тифлисъ, очевидно. Но на мѣстѣ, напр. въ Грозной, должно писать о ходѣ дѣла, но не стѣсняясь никакою рамкою. Вы можете изображать нашу войну, край и горцевъ не только въ предѣлахъ какого-нибудь событія, но и во всемъ что вы найдете любопытнаго; все что относится къ нашему положенію на Кавказѣ въ вашемъ распоряженіи. Развивать эту тему, связывая ее съ текущими происшествіями всего лучше, но вовсе не обязательно. Главное, чтобы статьи были интересны и коротки. Не забудьте, что Европа еще ничего не знаетъ о Кавказѣ. *Journal de Constantinople* публикуетъ для нея еще такія извѣстія, перепечатаваемые во всѣхъ газетахъ: Ингуши и *Гандашури* (sic), живущіе на рѣкѣ *Сонъ* (?!), заключили союзъ противъ Русскихъ и подъ начальствомъ наиба, присланнаго Даниель-султаномъ, взяли въ сѣверномъ Дагестанѣ крѣпость *Шалишъ* (?!), вырѣзавши въ ней 1000 человекъ Русскаго гарнизона и схватили въ плѣнъ генерала Евдокимова...»

На этомъ обрывается письмо Фадѣева, повторяю, къ крайнему сожалѣнію, потому что тамъ были еще интересныя извѣстія уже по нашимъ внутреннимъ, Кавказскимъ дѣламъ.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ было получено извѣстіе, что новый главнокомандующій собрался объѣхать весь сѣверный Кавказъ, начавъ съ лѣваго крыла. Но объ этомъ расскажу послѣ, а теперь возвращусь къ характеристикѣ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ.

Объ генералѣ Евдокимовѣ я уже много говорилъ; но эта крупная личность заслуживаетъ подробной біографіи, и потому я посвящу ему еще нѣсколько строкъ.

Родившись въ 1808 или 1809 году въ крѣпости Темнолѣсной (близъ Ставрополя) отъ фейерверкера гарнизонной артиллеріи (впослѣдствіи произведеннаго за выслугу лѣтъ въ прапорщики) и выучившись у дьякона грамотѣ, Евдокимовъ 16-ти лѣтъ поступилъ на службу въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, гдѣ и посадили его писаремъ въ казначейскую канцелярію. Такое служебное начало не могло предвѣщать особенно блестящаго будущаго; а между тѣмъ вышло напротивъ: хо-

Фото-Гравюра Шерера Набоглицына въ Москвѣ.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ
(1809-1873.)

Гр. Евдокимовъ

рошій почеркъ, смѣтливый умъ, быстрое усвоеніе канцелярскихъ порядковъ, трезвое поведеніе нерѣдко болѣе цѣнились въ нашей военной организаціи, чѣмъ чисто-боевыя качества. Ихъ оцѣнили и въ Евдокимовѣ, и на этотъ разъ весьма удачно. Произведенный вскорѣ въ унтеръ-офицеры, Евдокимовъ сдѣлалъ съ полкомъ Персидскій походъ 1826—27 г. и былъ произведенъ въ прапорщики въ Куринскій полкъ, расположенный тогда въ Дербентѣ. До 1831 г. онъ несъ обыкновенную службу, пристрастился было къ картишкамъ, проигрываясь до того, что щеголялъ и лѣтомъ, и зимою въ одномъ дрянномъ сюртукѣ; отъ выпивки, по старому Кавказскому обычаю, тоже не отказывался и чуть было не попалъ въ категорію отпѣтыхъ оберъ-офицеровъ, которыми Кавказскіе полки изобиловали еще и до пятидесятихъ годовъ...

Но судьба не допустила погибнуть человѣку, предназначенному для другой, лучшей участи: въ первомъ же жаркомъ бою съ полчищами Кази-муллы, при освобожденіи крѣпости Бурной, осажденной горцами, прапорщикъ Евдокимовъ нашелъ возможность выказать свою распорядительность и отвагу. Посланный со взводомъ пѣхоты и нѣсколькими казаками для поджога той части города Тарки, въ которой упорно держался Кази-мулла съ Чеченцами и гдѣ уже палъ командиръ Куринскаго полка Дистерло, Евдокимовъ былъ встрѣченъ большою толпою горцевъ; но, какъ сказано въ донесеніи начальника отряда, «не потерявъ присутствія духа и, не смотря на сильное сопротивленіе, исполнилъ въ точности данное ему порученіе, при чемъ получилъ сильную рану въ лѣвую щеку на вылетъ.» (Эта рана оставила слѣдъ на всю жизнь; на мѣстѣ, гдѣ вышла пуля, подъ лѣвымъ глазомъ, образовалось углубленіе, закрывавшееся Англійскимъ пластыремъ, почему горцы въпослѣдствіи и прозвали Евдокимова «учъ-гѣзъ» т. е. трехглазый).

Нужно однако сказать, что донесеніе, какъ водится, и въ общемъ, и въ частности, полно всякихъ реляціонныхъ фантазій. Самъ Евдокимовъ рассказывалъ мнѣ этотъ эпизодъ совсѣмъ иначе. По его словамъ, онъ оставался во время атаки города при резервной ротѣ; когда замѣчено было, что во многихъ сакляхъ горцы держатся съ особымъ упорствомъ и наносятъ большой уронъ нашимъ разбросаннымъ кучкамъ солдатъ, онъ былъ посланъ съ 50 человѣками зажигать сакли и, гдѣ можно, выбивать непріятеля. Пройдя нѣсколько переулковъ, Евдокимовъ зажегъ съ десятокъ сакель и выгналъ оттуда горцевъ. Выйдя на небольшую площадку, онъ встрѣтилъ прапорщика Рѣдина съ 25 человѣками. Лѣвѣ площадки стояла большая сакля, обнесенная стѣнкою, надъ воротами коей развѣвалось штукъ 8 значковъ,

въ томъ. числѣ одинъ большой зеленый. Явилась догадка, что здѣсь самъ Кази-мулла.

Желая завладѣть значками и оказать особое отличіе, Евдокимовъ предложилъ Рѣдину соединить обѣ команды, а замѣтивъ вдаль еще прапорщика Анохина, стоявшаго на горкѣ лѣвѣе сакли, вызвалъ охотника пробраться къ нему и предложить одновременную атаку. Когда пробравшійся благополучно взадъ и впередъ фельдфебель Побѣдинскій принесть согласіе Анохина, Евдокимовъ устроилъ обѣ команды (около 70 человекъ), объявилъ имъ о предстоящемъ подвигѣ и безъ выстрѣла бросился на ура къ саклѣ. Хотя одновременно раздалось ура и съ другой стороны, но горцы не оплошали: изъ-за стѣнки раздался убійственный залпъ; большая часть переднихъ людей была перебита, а Евдокимовъ упалъ за-мертво, прострѣленный въ щеку подъ лѣвымъ глазомъ. Солдаты, подхвативъ Евдокимова, бросились назадъ, — штурмъ былъ отбитъ...

Послѣ освобожденія Бурной, раненный Евдокимовъ остался тамъ для лѣченія и тутъ свелъ знакомство съ семействомъ командира линейнаго батальона, защищавшаго крѣпость, майора Федосѣева, и влюбился съ среднюю дочь его Александру. На сдѣланное предложеніе, отъ отца послѣдовалъ рѣзкій отказъ: майоръ считалъ себя нѣкоторымъ образомъ аристократомъ въ сравненіи съ этимъ полуоборваннымъ прапорщикомъ, не имѣвшимъ, повидимому, никакой будущности, хотя бы въ смыслѣ содержать жену...

Выздоровѣвъ отъ раны и узнавъ, что Кази-мулла осадилъ Дербентъ, Евдокимовъ рискнулъ пробраться туда на рыбацкой лодкѣ изъ Бурной и съ двумя человекъ пустился въ море. Спасшись отъ волнъ бурнаго Каспія, онъ при высадкѣ едва не попалъ въ руки горцевъ и, благодаря только своей хладнокровной находчивости, избѣгъ мучительнаго плѣна и соединился съ своимъ полкомъ. Впослѣдствіи, съ переводомъ въ Апшеронскій полкъ, зачисленный въ штабъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, благодаря участію его, Евдокимовъ получилъ руку избранной и обвѣнчался, хотя денежные обстоятельства его все еще были таковы, что, по словамъ Темиръ-ханъ-шуринскихъ старожилонъ, для вѣнчанія пришлось занять у товарищей поновѣе мундиръ, эполеты и проч.

Генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ, такъ сказать, альфой и омегой всего Русскаго управленія въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Онъ и Апшеронскимъ полкомъ командовалъ, и былъ военно-административный начальникъ покорныхъ туземцевъ, и посредникъ между Русскимъ правительствомъ и владѣтельными ханами, имѣвшими тогда еще весьма важное значеніе, и командующій всею

военною силою въ краѣ, и начальникъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно противъ преемниковъ Кази-муллы. Онъ долженъ былъ обороняться отъ нападеній, и самъ нападать для усмиренія и наказанія непокорныхъ сосѣдей, и изворачиваться, по недостатку силъ, тонкой политикой на Азіятскій манеръ и, наконецъ (что быть можетъ самое трудное), переписываться и отписываться съ Тифлисскимъ начальствомъ, которое, какъ всякое начальство, хочетъ все лучше знать и распоряжаться изъ кабинета за тридевять земель.

Для исполненія такого множества разнородныхъ обязанностей у Клюки былъ одинъ штатный адъютантъ съ тремя писарями. Легко себѣ представить, какъ онъ долженъ былъ обрадоваться, напавъ на такого офицера какъ Евдокимовъ, успѣвшій между тѣмъ пребыть уже нѣкоторое время полковымъ казначеемъ. Въ теченіе короткаго времени онъ сдѣлался самымъ приближеннымъ человѣкомъ, неразлучнымъ спутникомъ генерала; въ 1837 году онъ былъ при свиданіи ген. Клюки съ Шамилемъ на Гимринскихъ высотахъ, когда шла рѣчь о томъ, чтобы уговорить имама ѣхать въ Тифлисъ для представленія императору Николаю. При этомъ свиданіи Евдокимовъ выказалъ много находчивости, схвативъ за руку генерала, когда тотъ, вспыхнувъ, поднималъ свой кистель, чтобы ударить за грубость самаго приближеннаго Шамилевскаго мюрида. Ударъ могъ имѣть роковыя послѣдствія: нашихъ было 20 человѣкъ, а горцевъ 500, и довольно было минутной вспышки, чтобы отъ 20-ти не осталось слѣда.

Служба при Клугенау, въ тогдашнихъ условіяхъ нашего положенія на Кавказѣ вообще, и въ Дагестанѣ въ особенности, была для Евдокимова хорошей школой. Въ 1840-мъ году онъ былъ назначенъ Койсубулинскимъ приставомъ, т.-е. управляющимъ туземнымъ населеніемъ въ ущельи р. Койсу,—постъ тогда чрезвычайно важный, потому что удержаніе въ покорности этого населенія было равнозначуще обезпеченію всей плоскости отъ вторженія непріятеля и сохраненію за нами самыхъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ, съ которыхъ мы могли во всякое время двигаться въ Аварію и вообще въ глубь Дагестана; былъ и тамъ рядъ мелкихъ, жалкихъ укрѣпленій съ слабыми гарнизонами, но они были проблематической опорой, что вскорѣ и оказалось. Евдокимовъ, умѣвшій ладить съ населеніемъ, благодаря изученію Кумыкскаго нарѣчія и знакомству съ его обычаями, оказывалъ здѣсь большую пользу. Однако общее возстаніе Чечни въ 1840 году и успѣхи Шамиля въ распространеніи мюридизма, послѣ недостаточно-энергическихъ дѣйствій генераловъ Головина и Граббе, стали отзываться на расположеніи умовъ и покорнаго населенія, въ томъ числѣ Койсубулинцевъ, какъ ближайшихъ къ театру дѣйствій мюридовъ.

Генераль Клугенау цѣлый годъ настаивалъ въ Тифлисъ на требованіи усилить Дагестанъ военными средствами: этотъ уголъ Кавказа, въ виду очевидно усиливавшейся опасности, находился въ бѣдственномъ положеніи. Но представленія не дѣйствовали, и въ Тифлисъ былъ командированъ для словесныхъ объясненій майоръ Евдокимовъ. Поѣздка эта не имѣла никакого успѣха: начальство осталось глухо и стояло на своемъ, что генераль Клугенау всё преувеличиваетъ... Евдокимовъ, видя ясно нерасположеніе ген. Головина къ своему ближайшему сотруднику по Дагестану, послѣ нѣсколькихъ разъясненій, отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ убѣдить въ неотложности немедленнаго усиленія силъ Дагестана и поспѣшилъ уѣхать. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сбылась большая часть пророчествъ, и возстаніе уже приняло грозный характеръ. Койсубулинское приставство очутилось нѣкоторымъ образомъ миеомъ; главные аулы измѣнили и подчинились Шамилю. Тифлисское же начальство ограничилось смѣною генерала Клугенау и присылкою генерала Фези, который вынужденъ былъ бросаться съ небольшими отрядами то въ одну, то въ другую сторону, чтобы выгонять мюридовъ, занимавшихъ важные пункты на нашихъ сообщеніяхъ. Майоръ Евдокимовъ былъ дѣятельнѣйшимъ его помощникомъ и съ отдѣльными колоннами дѣйствовалъ превосходно; въ одномъ же случаѣ выказалъ и замѣчательныя военныя способности: рѣшимость, быстроту соображеній и личную геройскую отвагу, о чемъ расскажу здѣсь подробно.

Дѣло было такъ. Шамиль успѣлъ привлечь на свою сторону большинство жителей Унцукуля, самаго значительнаго аула на р. Койсу, подчинилъ его себѣ и оставилъ въ немъ небольшую партію мюридовъ, въ видѣ гарнизона; вслѣдствіе этого почти все ущелье было для насъ потеряно, и только въ двухъ-трехъ небольшихъ аулахъ западной части продолжалось еще подчиненіе Русской власти, благодаря присутствію Евдокимова съ небольшою колонной. Овладѣть Унцукулемъ немедленно, — значило бы возвратитъ все населеніе къ покорности, и Евдокимовъ, знакомый подробно съ мѣстностью и всѣми условіями, рѣшился достигнуть этого, не взирая на ничтожную силу, бывшую въ его распоряженіи. Главный успѣхъ онъ основывалъ на хитрости и добрыхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ почетныхъ жителей.

Въ это самое время генераль Фези съ главнымъ отрядомъ, вмѣсто того, чтобы обратитъ вниманіе на Койсубу (средоточіе дѣятельности противника) по непонятнымъ соображеніямъ двинулся въ Южный Дагестанъ, гдѣ глубокіе снѣга препятствовали движенію. Евдокимовъ написалъ записку одному изъ вліятельныхъ Унцукульцевъ Кибитухаджи, что движеніе Фези только военная хитрость, что онъ дальнимъ

обходомъ внезапно нагрянетъ на Унцукуль и не оставитъ камня на камнѣ и что Евдокимовъ, по дружбѣ къ Кибиту, извѣщаетъ его объ этомъ подъ величайшимъ секретомъ, желая дать ему возможность спастись съ семействомъ отъ гибели.

Разсчетъ Евдокимова былъ тотъ, что Кибитъ-хаджи, хотя бы и сто разъ поклялся сохранить тайну, все таки сообщитъ ее ближайшимъ родственникамъ, а тѣ передадутъ своимъ и т. д. (а родныхъ у горцевъ всегда много, *тохумъ* (родъ) нерѣдко 200, 300 душъ), и такимъ образомъ большинство жителей узнаютъ и предпочтутъ изгнать нѣсколько десятковъ мюридовъ изъ аула, призвавъ добровольно Русскій отрядъ, чѣмъ подвергаться разоренію; Кибитъ же — человѣкъ вліятельный, поддержитъ такое рѣшеніе и изъ благодарности за сообщеніе тайны окажетъ Евдокимову всякое содѣйствіе.

Всѣ эти предположенія вполнѣ оправдались. Кибитъ-хаджи, прочитавъ записку, далъ клятву никому не объявлять; но не успѣлъ посланный скрыться изъ аула, Кибитъ ночью же созвалъ своихъ родственниковъ, сообщилъ имъ новость, выставилъ всю опасность подвергнуться нападенію отряда ген. Фези, невозможность отстоять аулъ самимъ, недостатокъ времени получить помощь отъ Шамиля, и убѣдилъ отдѣлаться отъ мюридовъ, находившихся въ аулѣ и скорѣе призвать Русскихъ. Когда всѣ съ этимъ согласились, Кибитъ-хаджи отправилъ къ Евдокимову гонца, приглашая его спѣшить въ Унцукуль, а чтобы Русскіе не встрѣтили препятствія при переходѣ чрезъ единственный мостикъ на Койсу, обѣщалъ въ слѣдующую ночь караулъ тамъ составить изъ своихъ людей.

Получивъ это извѣстіе, маіоръ Евдокимовъ, находившійся въ аулѣ Ирганай, вывелъ скрытно двѣ роты Апшеронцевъ за аулъ, объявилъ имъ свое намѣреніе идти въ Унцукуль, объяснилъ всю опасность предпріятія, могущую подвергнуть всѣхъ безвыходному положенію и предоставилъ всякому, нечувствующему въ себѣ достаточно силы, остаться въ Ирганай. Единодушное «рады стараться, ваше высокоблагородіе» было отвѣтомъ... Тогда, присоединивъ человѣкъ 300 милиціонеровъ изъ покорныхъ ауловъ, бывшихъ въ его распоряженіи, Евдокимовъ выступилъ по ущелью Койсу.

Ночь была темная. Сырой Мартовскій (1842 г.) холодъ проникалъ насквозь. По дикому ущелью, неумолчно оглашаемому шумомъ бѣшенно несущейся по камнямъ рѣки, завывалъ порывистый вѣтеръ. Всѣ шли молча, въ раздумьи, и самъ Евдокимовъ не безъ большой тревоги. Неудача могла произойти весьма легко: Унцукульцы, увидѣвъ вмѣсто цѣлаго отряда кучку солдатъ (всѣхъ было 200 штыковъ) безъ пушекъ, могли опомниться и выказать вѣрность только что данному

Шамилю слову, уничтоживъ горсть гяуровъ, отрѣзавъ имъ всякую возможность отступленія, для чего достаточно было только занять въ тылу единственную скалистую тропинку и мостикъ нѣсколькими чело-
вѣками. Евдокимовъ испытывалъ сильную душевную борьбу; были минуты, когда онъ уже думалъ о возвращеніи, чтобы не рисковать головами столькихъ людей. Однако рѣшимость не отступать передъ разъ задуманнымъ дѣломъ взяла верхъ, и онъ сталъ торопить солдатъ, чтобы скорѣе достигнуть аула. За часъ до разсвѣта, колонна, встрѣ-
ченная на мостикѣ родственниками хаджи, достигла Унцукульскихъ садовъ. Скрывъ солдатъ въ виноградникахъ, Евдокимовъ послалъ ска-
зать Кибиту, что онъ пришелъ съ *авангардомъ отряда* и что генеральскій вскорѣ тоже появится. (Въ то время не было даже извѣстно, гдѣ собственно былъ отрядъ)..

До полутораста мюридовъ (размѣщенныхъ по одиночкѣ по всему аулу) и большая часть жителей совершенно спокойно спали, ничего не ожидая. Вдругъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣ-
лалась всеобщая тревога, крики, плачь бабъ, лай собакъ, суматоха; всѣ выскакивали съ просонковъ на улицу, не зная что происходитъ. Родня Кибита-хаджи кинулась по аулу бить мюридовъ, а эти, въ-
идя измѣну, бросились спасаться кто куда могъ. Нѣсколькихъ убили, че-
ловѣкъ 25 связали, съ полсотни успѣли вскочить въ мечеть и зава-
лили дверь, готовясь защищаться, часть успѣла выбѣжать за аулъ. Когда, наконецъ, собралась большая толпа жителей (въ Унцукулѣ было
нѣсколько тысячъ душъ), Кибитъ-хаджи объявилъ имъ, что прибылъ Русскій отрядъ, грозившій не оставить камня на камнѣ, и что онъ
счелъ за лучшее пожертвовать нѣсколькими пришельцами-байгушами,
причинявшими имъ столько непріятностей, чѣмъ подвергать гибели сво-
ихъ родныхъ и односельцевъ. Въ ту же минуту Евдокимовъ вывелъ
изъ садовъ свои роты, и Унцукульцы при едва мерцавшемъ разсвѣтѣ
увидѣли штыки...

Подѣхавъ къ толпѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ милиціоне-
ровъ, Евдокимовъ привѣтствовалъ своихъ старыхъ знакомыхъ и ска-
залъ имъ рѣчь, выразивъ удовольствіе видѣть ихъ опять вступающими
въ число Русскихъ подданныхъ, чѣмъ они избавляются отъ постоян-
ной тревоги за свои дома и семьи; что Русское правительство при-
метъ рѣшительныя мѣры для защиты ихъ отъ Шамиля и, оцѣнивъ ихъ
вѣрность, дастъ имъ средства увеличить благосостояніе посредствомъ
свободной торговли въ Русскихъ городахъ. Люди изъ партіи Кибита
выражали громко удовольствіе, желая поддержать и усилить располо-
женіе къ Русскимъ; осталая толпа слушала съ нѣкоторымъ недоумѣ-
ніемъ.

Между тѣмъ становилось свѣтло; слабость прибывшей колонны и замѣтное недоумѣніе Унцукульцевъ не уменьшали опасеній Евдокимова за исходъ дѣла, и онъ, ходя взадъ и впередъ по площадкѣ, среди густой толпы собравшагося народа, высматривалъ мѣсто, гдѣ бы можно поставить роты и на-скоро укрѣпиться до прибытія отряда. Проведя бессонную ночь, волнуемый опасеніями, онъ чувствовалъ лихорадочное состояніе и слабость.

Въ одно мгновеніе, когда онъ повернулся спиной къ толпѣ, изъ нея неожиданно выскочилъ какой-то фанатикъ, совсѣмъ юноша, лѣтъ 17—18-ти, и со всего размаха ударилъ Евдокимова огромнымъ кинжаломъ ниже лѣвой лопатки, такъ-что конецъ вышелъ насквозь, на дюймъ ниже сердца.. Евдокимовъ моментально выхватилъ пашку и наотмашъ рубнулъ убійцу по лицу, который, падая, успѣлъ повторить ударъ кинжаломъ по правому плечу Евдокимова, тоже упавшаго. Стоявшіе возлѣ милиціонеры нѣсколькими выстрѣлами прострѣлили фанатика, а взволнованный такимъ неожиданно-кровавымъ происшествіемъ Кибитъ-хаджи закричалъ, что нужно искупить стыдъ измѣны и уничтожить всю родню убійцы. Родня Кибита мгновенно бросилась въ аулъ, готовая произвести междоусобную рѣзню. Къ счастью, Евдокимовъ еще былъ въ памяти и успѣлъ сообразить, что рѣзня можетъ произвести лишь ожесточеніе и обрушиться на его солдатъ; онъ послалъ нѣсколькихъ своихъ милиціонеровъ догнать родныхъ Кибита и упросить ихъ никого не трогать, а лучше придти защищать его и не допускать до междоусобія.

Апшеронскія роты, услыхавъ выстрѣлы и зловѣщіе крики въ аулѣ, не ожидая приказаній, бросились туда и окружили домъ Кибита-хаджи, куда былъ внесено истекавшій кровью и обезпамятѣвшій Евдокимовъ, соединили наскоро домъ этотъ съ сосѣдней саклей, укрѣпивъ чѣмъ пошло — бревнами, камнями, — образовали родъ редюита и расположились, готовые защищаться до послѣдней крайности.

Хорошо случилось, что съ ротами былъ баталіонный врачъ Любомудровъ, который успѣлъ перевязать рану Евдокимова и остановить кровотеченіе. Прийдя въ себя, онъ прежде всего сознался Кибиту, что не знаетъ, гдѣ отрядъ Фези и упросилъ послать проворнаго человѣка розыскать генерала и передать ему записку о скорѣйшемъ движеніи войскъ къ Унцукулю, въ которомъ двѣ слабыя роты въ крайнемъ случаѣ могли продержаться два-три дня...

Между тѣмъ нѣсколько разъ останавливаемое кровотеченіе возобновлялось, пребывая повязки; безпамятство тоже повторялось неоднократно, и въ теченіи двухъ сутокъ Евдокимовъ былъ на волосъ отъ смерти. Наконецъ, 9 Марта, появился генералъ Фези съ отря-

домъ. Построивъ войска противъ сакли, гдѣ лежалъ раненый, онъ приказалъ кричать ура отважному покорителю Унцукуля. (Впрочемъ, это не помѣшало г. Фези въ донесеніи приписать главную причину успѣха себѣ...) За тѣмъ раненаго Евдокимова на носилкахъ отправили въ Темиръ-ханъ-шуру, гдѣ онъ пролежалъ два мѣсяца. Наградю его подвига были Георгіевскій крестъ и чинъ подполковника *).

VI.

Во время этихъ происшествій, отчасти въ связи съ ними, въ высшемъ командованіи Кавказомъ произошли перемѣны. Генераль Граббе съѣздилъ въ Петербургъ, развилъ тамъ свои предположенія, вызвалъ измѣненія во взглядахъ и насколько усилилъ свое вліяніе, на столько уронилъ вліяніе Головина. Въ результатъ было подчиненіе Граббе, кромѣ Кавказской линіи, еще всего Сѣвернаго Дагестана, переводъ Фези въ Россію и возвращеніе Клугенау на прежнее мѣсто. Къ веснѣ готовилась важная экспедиція въ Ичкерію, и генераль Граббе пригласилъ выздоровѣвшаго Евдокимова находиться при немъ.

Въ памятные Кавказу три кровавые дня (31 Мая, 1 и 2 Іюня 1842 г.), проведенные войсками въ Ичкеринскихъ лѣсахъ на пути въ Дарго, Евдокимовъ имѣлъ случай насмотрѣться на результатъ вторженія въ лѣса лѣтомъ и, безъ сомнѣнія, вынесъ небезполезный урокъ, пригодившійся ему впослѣдствіи. Несчастная экспедиція генерала Граббе стоила большихъ жертвъ и имѣла крайне-вредныя послѣдствія, вознесъ Шамиля на высоту рѣшительнаго побѣдителя Русскихъ. Онъ такъ усилился, что въ слѣдующемъ 1843 году уже самъ предпринялъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ насъ. Этотъ несчастный годъ составилъ цѣлую отдѣльную эпоху въ исторіи завоеванія Кавказа, эпоху крайне-поучительную. Въ моей «Исторіи Кабардинскаго полка» читатели найдутъ подробное ея описаніе; здѣсь же я ограничусь лишь нѣсколькими словами на счетъ участія въ тогдашнихъ событіяхъ Николая Ивановича Евдокимова.

Однимъ изъ тѣхъ толчковъ, которые въ критическія времена бываютъ роковыми, въ 1843-мъ году, на Кавказѣ, было истребленіе колонны подполковника Веселицкаго. Евдокимовъ, находившійся тогда недалеко съ нѣсколькими милиціонерами, предвидѣлъ катастрофу и

---

*) Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ Дербентѣ былъ знакомъ съ Евдокимовымъ и когда этотъ отправлялся въ Тифлисъ, въ учебный батальонъ, Бестужевъ далъ ему письмо къ брату своему Михаилу, въ которомъ, между прочимъ, выразился про Евдокимова слѣдующимъ пророческимъ образомъ: „voilà un brave officier pour le Caucase“ (вотъ храбрый офицеръ для Кавказа).

послалъ Веселицкому записку остановиться на высотахъ, не спускаясь въ Унцукулъ; но несчастный не послушалъ совѣта опытнаго человѣка и погубилъ себя со всѣми бывшими съ нимъ людьми; мало этого: погубилъ все наше положеніе. Непріятель, овладѣвъ двумя орудіями Веселицкаго и лишивъ осажденное укр. въ Унцукулъ всякой надежды на помощь, вынудилъ, наконецъ, геройскихъ защитниковъ сдаться. Шамиль торжествовалъ такую побѣду, какой горцы Восточнаго Кавказа никогда еще не торжествовали. Успѣхи непріятеля пошли быстрыми шагами впередъ.

При принятыхъ нами дальнѣйшихъ мѣрахъ противъ распространившагося повсемѣстнаго возстанія, Евдокимову было поручено съ небольшою летучею колонною охраненіе линіи по р. Сулаку, весьма важной тогда (какъ единственнаго пути сообщенія чрезъ Кизляръ съ Россіей). Дѣйствовалъ здѣсь Евдокимовъ отлично, быстро переходя съ одного пункта на другой и ловко маскируя свою слабость. (У него былъ всего батальонъ въ 500 человѣкъ, 4 легкихъ орудія и нѣсколько сотъ Донскихъ казаковъ). Съ прибытіемъ на помощь Дагестану генерала Фрейтага, Евдокимовъ присоединился къ нему и принялъ дѣятельное участіе въ освобожденіи осажденнаго укр. Низоваго, а затѣмъ и самой Темиръ-ханъ-шуръ, бывшей уже близкою къ паденію.

Генералы Фрейтагъ и Гурко оцѣнили по достоинству дѣятельность Евдокимова, и онъ былъ произведенъ въ полковники.

Въ 1844-мъ году онъ опять съ небольшою колонною былъ выдвинутъ впередъ, къ сторонѣ возмущившейся Акуши, и когда генералъ Лидерсъ съ огромнымъ отрядомъ нѣ рѣшался двигаться по открытой мѣстности, Евдокимовъ производилъ смѣлыя рекогносцировки и диверсіи съ своими двумя слабыми батальонами... Это было замѣчено даже въ Петербургѣ и поставлено на видъ главнокомандующему генералу Нейдгарту.

Вскорѣ полковникъ Евдокимовъ былъ назначенъ командиромъ Волжской казачьей бригады, населяющей окрестности Пятигорска. Для Евдокимова, конечно, назначеніе это было и почетнымъ, и дававшимъ ему возможность спокойно, съ болѣе чѣмъ въ Дагестанѣ удобствами, отдохнуть отъ предшествовавшихъ трудовъ; но со стороны начальства это было очевидное доказательство неумѣнія держать нужнаго человѣка на соответственномъ мѣстѣ: при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ Дагестанѣ, такой штабъ-офицеръ, какъ Евдокимовъ, стоилъ, пожалуй, больше нѣсколькихъ батальоновъ; а командовать казаками въ мирномъ углу счумѣлъ бы не хуже, и даже лучше, всякій другой, знакомый съ казачьимъ бытомъ.

Послѣ второй несчастной экспедиціи въ Дарго, въ 1845 году, рѣшено

было усилить постоянный составъ Кавказской арміи сформированіемъ новыхъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ, взявъ людей отъ 5-го корпуса, возвращавшагося въ Россію, и отъ нѣсколькихъ упраздненныхъ линейныхъ батальоновъ. Формированіе и командованіе однимъ изъ новыхъ полковъ, Дагестанскимъ, было поручено въ 1846-мъ году полковнику Евдокимову. Съ этимъ полкомъ *) Николай Ивановичъ пожалъ новыя лавры при осадахъ Салты и Гергебиля въ 1847 и 48 годахъ. При первомъ онъ былъ траншей-майоромъ и два раза водилъ свои батальоны на штурмъ. (Тутъ-то узналъ его лично князь М. С. Воронцовъ и оцѣнилъ по достоинству). При второмъ онъ занималъ отдѣльную важную позицію у Кудуха, обезпечивавшую наши сообщенія и грозившую лѣвому флангу непріятеля. Наградой былъ Владимиръ 3-й ст.

Въ 1849-мъ году, произведенный въ генераль-майоры Евдокимовъ, былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 20-й дивизіи, а въ 1850-мъ г. князь Воронцовъ, угадавшій въ немъ человѣка способнаго къ болѣе самостоятельной дѣятельности, назначилъ его начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, на обязанности котораго лежало охраненіе всего протяженія по р. Кубани до границъ Чернаго моря посредствомъ передовыхъ кордоновъ на Лабѣ, и смотря по обстоятельствамъ наступательными движеніями въ земли Черкесовъ, или сношеніями съ князьями и обществами многочисленныхъ племенъ Западнаго Кавказа.

Шестилѣтняя дѣятельность генерала Евдокимова въ этой части края не такъ близко мнѣ знакома, чтобы я могъ говорить объ ней подробно; но достаточно сказать, что ни разу за это время горцамъ не удавалось совершить одного изъ тѣхъ большихъ вторженій, какія имъ удавались въ прежнія времена, не взирая на благопріятныя для нихъ обстоятельства во время Крымской войны, когда освобожденные отъ нашего флота и укрѣпленій съ моря, поддерживаемые Турками и Англичанами, руководимые разными авантюристами изъ Поляковъ и проч., они возмечтали объ изгнаніи Русскихъ съ Кавказа; а Шамилевскій эмиссаръ Магометъ Эминъ, съ успѣхомъ пропагандируя мюридизмъ, уже достигалъ единства власти надъ разрозненными племенами. Между тѣмъ средства для охраны такого большаго раіона были у ген. Евдокимова ограниченныя, и требовалось много умѣнія и сообразительности, чтобы бороться со всѣми неблагопріятными обсто-

---

*) Въ 1864 году генераль-адъютантъ, графъ, кавалеръ 2-го Георгія и проч. Евдокимовъ былъ назначенъ шефомъ этого полка. Вотъ какъ шагнулъ этотъ человѣкъ, про котораго еще въ 1842-мъ году ген. Головинъ на одномъ представленіи написалъ: „давать такимъ людямъ ходъ значитъ явно потворствовать злу!“

ятельствами, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ считать не послѣднимъ — нерасположеніе къ Евдокимову командовавшаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи Заводовскаго, человѣка весьма хитраго, умѣвшаго поставить себя въ глазахъ высшихъ властей незамѣнимымъ, пользовавшагося особымъ вниманіемъ кн. Воронцова и не стѣсняявшагося въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, большею частью крайне-эгоистическихъ и далеко не-безупречныхъ.

Привожу здѣсь выписку изъ письма Н. И. Евдокимова къ генералу Клугенау, его старому начальнику и благодѣтелю, отъ 17-го Августа 1850 года, т.-е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія начальникомъ праваго фланга *).

«Назначеніемъ своимъ на правый флангъ я не могу похвалиться. Кордонная линія Кубани, Лабы и пространство, заключающееся между вершинами этихъ рѣкъ, составляетъ болѣе 700 верстъ. Мнѣ предстоитъ оборонять эту линію съ 12 полками казаковъ, изъ коихъ четыре разсыпаны на внутреннихъ постахъ и почтовомъ тракѣ, да съ 8-ю бат. пѣхоты, которыхъ большая доля должна занимать гарнизоны въ Лабинскихъ станицахъ и укрѣпленіяхъ. Съ большимъ трудомъ и съ опасностью для нѣкоторыхъ пунктовъ имѣю возможность сосредоточить отъ 10 до 12 ротъ и до 2 тысячъ казаковъ; но я не могу, не отдѣляясь отъ пѣхоты, предупреждать непріятеля на такомъ огромномъ пространствѣ, непріятеля, который теперь съ 6, 7-ю тыс. лучшей конницы можетъ бросаться на любой пунктъ и конечно не туда, гдѣ есть въ готовности войска. Угадать намѣренія непріятеля дѣло весьма трудное; лазутчиковъ почти нѣтъ, ибо ихъ по поимкѣ Магометъ-Эминъ (агентъ Шамиля) тотчасъ же убиваетъ; да притомъ они и не могутъ уже доставлять вполне удовлетворительно извѣстія, какъ это было прежде, потому что власть его уже такъ сильна, что Залабинскіе Черкесы, также какъ и Дагестанскіе горцы, идутъ туда, куда имъ приказано, не зная сами для какой цѣли. Словомъ сказать, Магометъ-Эминъ становится вторымъ Шамилемъ и съ такою же сильною властью на жизнь и смерть ослушниковъ его волѣ. Хотя въ этомъ случаѣ положеніе его и не совсѣмъ еще твердо, однако было уже много примѣровъ, и вотъ недавно онъ убилъ старшаго Махошевскаго князя по подозрѣнію въ сношеніяхъ его съ Русскими. Всѣ племена, обитающія между Лабою, Кубанью и берегомъ Чернаго моря, подпали подъ власть этого человѣка, а племена эти многочисленны, и если теперь, въ началѣ,

---

*) Нѣсколько писемъ Евдокимова къ Клугенау сохранились въ бумагахъ послѣднего и были переданы мнѣ покойнымъ его сыномъ, Владимиромъ, бывшимъ долго адъютантомъ у Евдокимова.

намъ не удастся поколебать почти утвердившееся уже надъ ними владычество Магометъ-Эмина, то дѣло съ горцами пойдетъ надолго и потребуетъ новыхъ усилій».

«Главкомандующій (князь Воронцовъ), въ подробности выслушавшій мой докладъ, совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе; но, ограниченный въ средствахъ, по обширности края, скупится въ пособіи войсками. На мнѣ лежитъ теперь бремя защиты слабой страны съ слабыми средствами, и потому-то мнѣ начинается приходить въ мысль, и очень часто, возможность переменъ мѣста службы».

«Чтобы предохранить нашъ поселенія на Лабѣ отъ бѣдствій неизбѣжныхъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ сильнымъ непріятелемъ и чтобы стѣснить самихъ Черкесовъ и вынудить ихъ къ миролюбивымъ сношеніямъ, я предложилъ утвердиться на р. Бѣлой. Князь Михаилъ Семеновичъ одобрилъ эту мысль и обѣщалъ съ будущею весною дать къ этому средства; но какъ пройдетъ время до весны—это Богъ знаетъ, ибо теперь, по причинѣ обмелѣнія рѣкъ, оно самое для насъ опасное. Впрочемъ, я вѣрю въ предопредѣленіе и, не имѣя возможности отвратить приговоръ судьбы, спокойно жду будущаго. Можетъ быть, она будетъ ко мнѣ милостива больше, чѣмъ я ожидаю».

«Вы вѣрно захотите знать что-нибудь о Магометъ-Эминѣ? Онъ Казикумыкскій уроженецъ; въ молодости или лучше юности вышелъ съ кѣмъ-то изъ этого ханства въ вольныя горныя общества и нѣкоторое время учился вмѣстѣ съ Шамилемъ, потомъ былъ постоянно при немъ, пріобрѣлъ его довѣренность и уваженіе къ высокимъ умственнымъ дарованіямъ. На военномъ поприщѣ онъ неизвѣстенъ, но въ послѣдніе годы командовалъ однажды сборищемъ въ Чечнѣ при построении Русскими крѣпости въ Урусъ-Мартанѣ, гдѣ однакоже не отличился особыми военными способностями и былъ отозванъ обратно къ особѣ Шамиля. Когда первый агентъ Шамиля въ здѣшнемъ краѣ Гаджи-Магометъ неизвѣстно по чьей волѣ умеръ, а второй Сулейманъ-эфонди, соскучась непостоянствомъ Черкесскихъ племенъ, возвратился въ Чечню, и заслуживъ за то неудовольствіе Шамиля, передался къ намъ: тогда-то Шамилъ отправилъ сюда Магометъ-Эмина. Сей послѣдній, дѣйствуя во всемъ по примѣру Шамиля, успѣлъ здѣсь гораздо болѣе обоихъ своихъ предмѣстниковъ и недалеко уже до того, чтобы сдѣлаться вторымъ Шамилемъ; ибо горцы, по удивительному своему легковѣрію, уже начали превозносить его шахомъ» (или шейхомъ? По неразборчивости письма не могу съ точностію опредѣлить, что хотѣлъ сказать Евдокимовъ, но полагаю, что второе, т.-е. шейхомъ; шахомъ же горцы, какъ суниты, едвали могли называть хотя бы и признаннаго владыкой; они бы скорѣе уже сказали падипахъ, но это

совсѣмъ невѣроятно со стороны Черкесовъ въ отношеніи къ агенту Шамиля)».

«Сулейманъ-эфенди, обласканный и одаренный отъ нашего правительства, пробылъ недолго у насъ: онъ выпросилъ себѣ отпускъ въ Мекку, получилъ порядочную сумму на путевые расходы, а возвратясь отправился прямо за Лабу къ Абадзехамъ, но тамъ схваченъ былъ Магометъ-Эминомъ, заключенъ въ яму, совершенно ограбленъ и только по просьбѣ многихъ Абадзехскихъ старшинъ, сохранившихъ къ нему дружбу, удержалъ на плечахъ голову, получилъ свободу изъ заключенія, но и теперь постоянно находится подъ надзоромъ муртазагатовъ Магометъ-Эмяна».

«Кавказъ удостоивается въ нынѣшнемъ году посѣщенія Государя Наслѣдника, и мы всѣ теперь озабочены приготовленіями для встрѣчи Его Высочества. Слава Богу, дарующему мнѣ случай увидѣть одного изъ нашихъ царственныхъ особъ. Петербургъ отъ насъ далеко; человѣку небогату трудно туда попасть и, если уже суждено лечь моимъ костямъ въ степяхъ Кавказа, то все же отрадиѣ для сердца Русскаго увидѣть здѣсь одного изъ тѣхъ, которыхъ мы привыкли чтить владыками нашей земли. Его Высочество будетъ въ Екатеринбургѣ и выѣзжаетъ оттуда по Лабинской линіи до Прочнаго Окопа въ Тифлисъ чрезъ Пятигорскъ и Владикавказъ, обратно чрезъ Дагестанъ и Ставрополь. Здѣсь будетъ онъ 19 Сентября».

Здѣсь, на правомъ флангѣ, однако, рядомъ съ утвержденіемъ репутаціи Евдокимова, какъ вполне способнаго генерала, возрасла и репутація его (уже зародившаяся въ Дагестанѣ) какъ запускающаго руки въ казенное добро и какъ человѣка, не возбуждающаго симпатіи. Въ чемъ именно заключались творимыя имъ на Кубани злоупотребленія, сказать не могу; вѣроятно все тѣже милиціонеры — на бумагѣ, все тѣже постройки постовъ и укрѣпленій солдатскими руками, изъ кое-какихъ матеріаловъ, добываемыхъ большею частью тутъ же, на мѣстѣ, но со смѣтными исчисленіями втрое или вчетверо противъ дѣйствительной стоимости; тѣже заготовки сѣна для зимнихъ движеній отрядовъ по тройной цѣнѣ и т. д. Все это дѣлишки, какъ я уже упоминалъ, творившіяся вездѣ и почти всѣми, даже нерѣдко въ большихъ размѣрахъ; но о другихъ говорили мало или и вовсе не говорили, а объ Евдокимовѣ трубили и, какъ водится, съ преувеличеніями. Объ немъ сочинялись анекдоты, принимавшіеся многими на вѣру и затѣмъ уже передавались какъ факты; вездѣ эти рассказы вызывали и смѣхъ, и злорадство, и презрѣніе, смотря по слушателямъ; а защитниковъ не являлось ни откуда... Долгое время, напримѣръ, ходилъ рассказъ о томъ, что когда Государь Александръ Николаевичъ въ

1850-мъ году прїѣзжалъ на Кавказъ и маршрутъ былъ составленъ по Лабѣ, то Евдокимовъ, не желая показать полуразвалившихся постовъ и укрѣпленій, выдумалъ, будто непріятель въ большихъ силахъ собирается напасть во время проѣзда по линіи, и по этому маршрутъ измѣнили. Одинъ изъ командировъ казачьихъ полковъ, Іедлинскій, большой шутникъ и острякъ, пользовавшійся покровительствомъ княгини Воронцовой, какъ побочный сынъ графа Потоцкаго, даже ввелъ этотъ эпизодъ въ офиціальную переписку съ ген. Евдокимовымъ, пославъ ему однажды донесеніе о разсѣяніи значительной непріятельской партіи, тогда какъ никакой партіи не было. На запросъ же, какую могъ онъ преслѣдовать партію, когда по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нигдѣ не было непріятели въ сборѣ, Іедлинскій отвѣчалъ, что «это была та самая партія, которая помѣшала Государю проѣхать по Лабинской линіи». Объ этомъ, впрочемъ я уже рассказывалъ во II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» и въ замѣткѣ «По поводу воспоминаній М. И. Венюкова», но повторяю здѣсь, чтобы напомнить читателю именно теперь, когда болѣе подробно характеризую Евдокимова,—лицо во всякомъ случаѣ историческое.

Исторія о партіи была чистѣйшая ложь, и Евдокимовъ въ дурномъ состояніи Лабинскаго кордона былъ ни причемъ, такъ какъ онъ лишь не задолго до прїѣзда Цесаревича былъ назначенъ начальникомъ праваго фланга, а за это былъ скорѣе отвѣтственъ главный начальникъ Заводовскій; да и стоило только подмазать и подблбить посты, чтобы высокій путешественникъ и не замѣтилъ ихъ дѣйствительнаго состоянія. Высшія власти въ краѣ это хорошо знали, однако анекдоту давали ходъ и вѣру.

Привожу здѣсь выписку изъ втораго письма Евдокимова, отъ 17 Октября 1850 г., къ Клугенау, съ которымъ онъ былъ вполнѣ откровененъ и не имѣлъ надобности стѣсняться.

«Въ предыдущемъ письмѣ моемъ, я, кажется, писалъ вамъ, что всѣ мы въ хлопотахъ, приготовляясь ко встрѣчѣ Государя Наслѣдника, удостоившаго посѣщенія Кавказъ. Еще въ началѣ Августа я говорилъ въ Кисловодскѣ князю М. С. (Воронцову), что проѣздъ Его Высочества по Лабинской линіи въ это время года опасенъ, ибо обмелѣніе рѣкъ даетъ возможность непріятелю къ набѣгамъ въ наши предѣлы, что положеніе края почти навѣрное указываетъ время опасныхъ безпокойствъ, именно то, когда Его Высочество изволитъ предполагать посѣтить Лабинскую линію, т.-е. 18 Сентября, и что, хотя за его особу нѣтъ опасенія, но ему будетъ непріятно, если по поводу обращенія войскъ на конвоированіе Его Высочества можетъ случиться что-либо непріятное для края. Главнокомандующій и П. Е. Коцебу оправдыва-

ли мое мнѣніе и готовы уже были довести это до свѣдѣнія Его Высочества, какъ пріѣхалъ командующій войсками (Заводовскій) и убѣдилъ всѣхъ, что опасенія напрасны. Написали маршрутъ, основанный на совершенномъ спокойствіи въ краѣ и представили на утвержденіе. Между тѣмъ, съ 8 Сентября появились свѣдѣнія о приготовленіяхъ горцевъ къ сбору, съ 12-го зашевелились всѣ Залабинскія племена, и на Бѣлую прибылъ Магометъ-Эминъ, находившійся дотолъ у Шапсуговъ. 14 ч. узнано навѣрно, что сборище стягивается на правомъ берегу Бѣлой, а 16-го, что оно тронется на линію 18 ч., т.-е. въ тотъ самый день, когда будетъ ѣхать по Лабѣ Наслѣдникъ. Начальникъ Черноморскаго кордона генералъ-лейтенантъ Рашпиль, въ подтвержденіе этого, донесъ, что цѣль сборища напасть на особу Его Высочества и что за тѣмъ уже оно обратится къ предположенной Магометъ Эминомъ цѣли: овладѣть Карачаевцами. Тутъ, безъ сомнѣнія основаніемъ служилъ расчетъ, что войска Русскія, разставленныя для обезпеченія проѣзда своего Государя, не успѣютъ сосредоточиться и слѣдовательно не будутъ въ силѣ противустоять огромной массѣ, собранной Магометъ-Эминомъ,—расчетъ совершенно основательный, но неудавшійся по слѣдующему случаю. Его Высочество, по причинѣ бурной погоды не могъ быть въ Новороссійскѣ и прямо чрезъ Тамань прибылъ въ Екатеринодаръ днемъ прежде, чѣмъ предполагалось по маршруту; отъ этого днемъ прежде онъ изволилъ прибыть въ Усть-Лабу и, выслушавъ предложеніе главнокомандующаго, согласился на перемѣну пути вмѣсто Лабы по Кубани. Поэтому въ тотъ же день, Его Высочество, проѣхавъ на Лабу до Некрасовской станицы и осмотрѣвъ берегъ этой рѣки, сколько допускала возвышенная мѣстность этого пункта, изволилъ возвратиться въ Усть-Лабу».

«Я въ числѣ прочихъ представлялся Его Высочеству въ Усть-Лабѣ, сопровождалъ его въ Некрасовскую, удостоился отвѣчать на нѣсколько сдѣланныхъ мнѣ разнородныхъ вопросовъ и былъ весьма милостиво отпущенъ для распоряженій на Лабѣ».

«Магометъ-Эминъ въ половину былъ уже готовъ, и по всѣмъ свѣдѣніямъ подтверждалось, что онъ двинется на Лабу 18 числа, именно потому, что въ этотъ день предназначалось проѣзжать Наслѣднику, какъ уже я сказалъ выше. Немного времени оставалось мнѣ на распоряженія; но я поскакалъ по линіи и все, что могъ сдвинулъ къ половинѣ дня 18-го числа въ ст. Воздвиженскую; выше же въ 10 верстахъ, въ укр. Темиргоевскомъ, въ тотъ же день начали устраивать паромную переправу. Сборище, стоявшее въ 25 ти верстахъ отъ Воздвиженской, въ назначенный день не вышло; на другой же день, т.-е. 19-го числа, узнавъ конечно, что Наслѣдникъ поѣхалъ по Кубани и

что войска стягиваются къ Лабѣ со всѣхъ сторонъ, оно не только не предприняло наступленія, но изъ опасенія, чтобы Русскіе не напали на него въ располхъ, отодвинулось къ Длинному лѣсу, гдѣ остановилось въ ожиданіи неприсоединившихся еще Убыховъ, Шапсуговъ и Бжедуховъ».

«Магометъ-Эминъ по вечерамъ стрѣлялъ изъ своихъ двухъ орудій, а я собиралъ войска для обороны линіи и формировалъ отрядъ для наступленія. Партіи его разбѣжали по Лабѣ. Одну изъ нихъ, довольно значительную, разогнали наши казаки у Воздвиженской; а самъ я съ гораздо бѣльшими силами стоялъ уже въ центрѣ линіи, въ ст. Константиновской. Такъ прошло время по 1-е Октября. Этотъ день давно уже былъ назначенъ для движенія нашего на Бѣлую, чтобы осмотрѣть берегъ этой рѣки и опредѣлить пунктъ для постройки крѣпости съ мостомъ чрезъ рѣку».

«Въ бытность мою въ Августѣ въ Кисловодскѣ, я отвѣчалъ князю М. С. на вопросъ о мѣрахъ къ защитѣ края, что не вижу другихъ какъ: или значительно прибавить войскъ, или съ меньшими средствами идти и утвердиться на Бѣлой, гдѣ и основать кордонную линію, чтобы упразднить Кубанскую и обезопасить Лабинскую. Князю понравился этотъ планъ; онъ потребовалъ меня на другой день, распрашивалъ подробно о способѣ исполненія и приказалъ подать записку, послѣ которой рѣшено было привести въ исполненіе предложенную мѣру и утвердиться на Бѣлой въ 1851 году, а въ началѣ Октября сдѣлать рекогносцировку Бѣлой, въ присутствіи командующаго войсками, о чемъ я самъ просилъ, объяснивъ, что предположеніе мое я основалъ на картѣ, а не на личномъ знаніи мѣстности рѣки Бѣлой».

«И такъ мы двинулись на Бѣлую прямо по тому направленію, по которому должны были найти сборище; но оно не показывалось. Магометъ-Эминъ рѣшилъ самъ идти за Лабу, какъ скоро мы станемъ двигаться на Бѣлую. Онъ думалъ заставить насъ этимъ къ возвращенію, но ошибся. У насъ хорошо были обезпечены наши станицы, и оставлено три отряда, изъ которыхъ два довольно значительные. Мы выступили на Бѣлую съ 2 т. пѣхоты, 3 т. конницы и 17 полевыми и конными орудіями, а Магометъ-Эминъ переправился не болѣе какъ съ 3 т.; ибо большая часть, при появленіи нашемъ за Лабой, разбѣжалась спасать семейства и имущество. Прогуливаясь въ гостяхъ одинъ у другаго, мы были спокойны, а Магометъ-Эминъ спѣшилъ и чрезъ сутки воротился догонять насъ, но не успѣлъ, ибо совершенно замучилъ лошадей и по неволѣ ограничился только наблюденіемъ за нашими движеніями. Мы забрали по пути до 12 т. барановъ съ 11-ю пастухами, сожгли множество собраннаго въ скирды

хлѣба и несмѣтное количество сѣна, заставившаго насъ дѣлать переходы по Бѣлой отъ 10 до 12 верстъ въ день. Магометъ-Эминъ напалъ на ст. Владимирскую, но увидя около оной отрядъ, повернулъ на Вознесенскую; дорогою онъ атаковалъ постъ Куксинскій, но тотъ же отрядъ дѣйствіемъ изъ четырехъ орудій заставилъ его идти далѣе. Въ Вознесенской, которую непріятель обложилъ и готовился ворваться, былъ хорошій мѣстный резервъ; покуда горцы совѣщались что сдѣлать, показался вдаль слѣдовавшій за партіею отрядъ, и Магометъ-Эминъ, бросивъ эту станицу, потянулся на Кубань, кажется, уже безъ цѣли, потому что съ полдороги повернулъ на Урупъ и безъ остановки пошелъ вверхъ по Лабѣ, для избѣжанія встрѣчи съ прочими нашими войсками. Онъ шелъ всю ночь и въ половинѣ другого дня переправился за Лабу».

«Вредъ сдѣланный его вторженіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: убитъ 1 казакъ, въ плѣнъ взятъ 1 мальчикъ, сожжено 400 стоговъ сѣна, и захвачено до 100 штукъ скота и овецъ, да въ одномъ изъ полупокорныхъ ауловъ ограблено 30 семействъ, въ наказаніе за пріемъ вышедшаго къ намъ Бесленейскаго князя».

«Дѣлъ серьезныхъ, какъ и видно изъ прописаннаго, не было нигдѣ. Возвышеніе воды въ Бѣлой отъ трехъ-дневнаго дождя, сопровождавшаго нашему походу въ первые дни, не допустило насъ перейти эту рѣку; но чрезъ посредство охотниковъ-казаковъ, переѣхавшихъ рѣку, мы сожгли довольно порядочный аулъ Темиргоевскаго князя Корбена. 8-го Октября воротились мы къ Лабѣ, 9-го переправились и распустили отрядъ, потому что и противники наши разбрелись тоже провѣрять цѣлость своихъ барановъ, которыхъ множество укрылось по лѣсамъ, потому что мы очень медленно шли и мало обращали вниманія на розысканіе».

«И такъ огромныя приготовленія Магомета-Эмина, пугавшія не только меня, но и всѣхъ нашихъ начальниковъ, кончились на этотъ разъ ничѣмъ. Но вы можете сами оцѣнить теперь силу этого чело-вѣка, который успѣлъ утвердить свое вліяніе надъ всѣми племенами, живущими между Лабою, Кубанью и берегомъ моря. Стремленіе его теперь къ тому, чтобы завладѣть Карачаевцами и возмутить Прикубанскихъ Ногаевъ. Это конечно трудно, но не невозможно. Въ настоящемъ году въ Кисловодскѣ убиты Русскими 5 почетныхъ Карачаевцевъ, которые взяли въ оружіе по поводу намѣренія начальника центра заарестовать ихъ за несогласіе на разбирательство спорнаго дѣла, возникшаго изъ-за похищенія двумя дочери князя Мусы Таганова, увезенной сказанными Карачаевцами, изъ коихъ одинъ изъ ней и женился, безъ согласія ея отца и матери. Это обстоятельство такъ сильно

подѣйствовало на умы Карачаевцевъ, что они, не взирая на интересъ, привязывающій ихъ къ миролюбивымъ съ нами отношеніямъ, писали къ Магомету-Эмину, чтобы онъ шелъ къ нимъ и располагалъ ими по своему желанію. Въ настоящее время, хотя все успокоилось, однако нельзя ручаться за прочность этого спокойствія, если мы не обратимъ дѣло въ другую сторону, чтобы заставить Магомета-Эмина думать не о распространеніи своей власти, а объ удержаніи той, которую теперь имѣетъ. На этомъ основаніи я занялъ теперь устройствомъ многихъ дѣлъ по флангу и главнѣйше постройкою моста черезъ Лабу, такъ чтобы къ веснѣ его окончить и располагать потомъ работою на Бѣлой. Посмотримъ, что Богъ намъ дастъ!»

*

Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня за такія длинныя выписки изъ частныхъ писемъ Евдокимова. Изъ нихъ не только видно, что онъ въ дурномъ состояніи кордона по Лабѣ въ 1850 году не былъ виновенъ, и что непріятель дѣйствительно во время проѣзда Наслѣдника-Цесаревича былъ въ сборѣ, слѣдовательно выше рассказанный остроумный анекдотъ былъ чистой клеветой, но и замѣчательная способность Евдокимова въ нѣсколько мѣсяцевъ познакомиться съ мѣстными обстоятельствами обширнаго края, умѣніе примѣниться къ нимъ и угадать лучшее средство дѣйствовать противъ непріятеля. Его планъ утвержденія на Бѣлой, осуществившійся (хотя въ недостаточномъ размѣрѣ) въ 1851 году, послужилъ основаніемъ завоеванія Западнаго Кавказа, а развитый впоследствии при кн. Барятинскомъ, постройкою въ 1857 году Майкопа, привелъ къ довершенію этого важнаго для Россіи дѣла, довершенію руками того же Евдокимова, достигшаго между тѣмъ, изъ скромнаго званія начальника праваго фланга, высокаго положенія командующаго большею половиною Кавказа и 100-тысячною арміею.

Чему же приписать такія злорадно-враждебныя, презрительныя отношенія къ Евдокимову? Впервые, низкое происхожденіе, «выскачка», что почти никогда не прощается людямъ, особенно, если они своими талантами выдаются изъ толпы. Въ челоуѣчествѣ, чтобы тамъ ни говорили, дурныя стороны преобладаютъ надъ хорошими, и зависть, злорадство, готовность нагадить ближнему, ради собственнаго мелкаго, дряннаго интереса, пренебречь крупными, общественными, были и будутъ вѣроятно всегда царить. Поэтому и Евдокимову — кантонисту, хаму, не прощались ни его превосходительный титулъ, ни его начальничество, ни его извѣстность. Даже въ Петербургѣ, когда онъ въ 1864 году въ первый разъ туда пріѣхалъ, былъ обласканъ покойнымъ

Государемъ, джурить у него и проч., высокопоставленные придворные не могли воздержаться отъ запусканія шпилекъ. По возвращеніи въ Ставрополь, Николай Ивановичъ рассказывалъ мнѣ кое-что по этому поводу и, нужно сознаться, онъ—этогъ воспитанникъ казармы и лагеря—показалъ больше такта, чѣмъ эти господа столичные свѣтила. Одинъ спросилъ у графа Евдокимова, въ которой губерніи записанъ онъ въ дворянскую родословную книгу?

— Отецъ мой былъ изъ крестьянъ Рязанской губерніи, сданъ въ солдаты, и потому мы въ родословныхъ книгахъ не записаны, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Другой, князь С., упрекнулъ Евдокимова за жестокое, *нечеловѣческое* обращеніе съ Черкесами, которыхъ выгнали изъ родины, и они погибли въ морѣ и въ Турціи.

— Я, ваше сіятельство, по простотѣ думалъ, что интересы Россіи и жизнь Русскихъ солдатъ дороже Черкесовъ; виноватъ, что ошибся.

На парадѣ, на Марсовомъ полѣ, когда впереди конной гвардіи ѣхалъ ея командиръ Николай Граббе, старикъ баронъ М. съ ироніей обратился къ графу Евдокимову:

— Это вашего печенія? (т.-е. быстро повышенный Граббе).

— Да, моего.

— Вѣроятно въ память отца, бывшаго вашего начальника?

— Нѣтъ; за то, что молодецъ.

Вовторыхъ, не прощалось Евдокимову, что онъ не обладалъ свѣтскими манерами. Весь озабоченный только служебными дѣлами или своими расчетами, вообще характера серьезнаго, Евдокимовъ былъ мало общителенъ, не умѣлъ и не любилъ принимать, угощать, доставлять удовольствія, задавать пиръ на весь міръ, какъ это дѣлало большинство Кавказскаго начальства, задабривая тѣмъ ближайшее общество. Не умѣлъ онъ также, да едва ли особенно и старался, любезностями и угожденіями привлекать къ себѣ разныхъ наѣзжавшихъ въ отряды адъютантовъ, аристократовъ и блюдолизовъ изъ Тифлисскихъ и Ставропольскихъ начальническихъ пріемныхъ; а эти, конечно, не упускали случая, возвратясь, рассказывать анекдоты, остроты, осмѣивать семейную обстановку и проч.

Втретьихъ, и это было не менѣе важно, Николай Ивановичъ былъ не совсѣмъ удачливъ на родню, особенно съ женской стороны, а она-то именно и преобладала и пользовалась огромнымъ вліяніемъ. Вредили они ему больше многихъ постороннихъ враговъ: скряжничество, готовность выжимать соки изъ всякой бездѣлицы (безъ его вѣдома), несимпатичная наружность, неумѣлое важничаніе, интриги противъ приближенныхъ и необходимыхъ по службѣ лицъ и противъ

всякаго, недостаточно низкопоклонничающаго или подозрѣваемаго въ насмѣшкѣ, въ неугодность многочисленнымъ родственникамъ, бывали тоже причиною враждебности и анекдотовъ. Даже самые приближенные, преданные ему и нечуждые его денежнымъ расчетамъ люди вынуждались къ враждебности, переносившейся на самого Евдокимова.

Однако, не взирая на все это, въ служебномъ отношеніи Евдокимовъ оставался въ глазахъ главнокомандующихъ человѣкомъ, которымъ нельзя было не дорожить. Ужъ на что, и самъ Н. Никол. Муравьевъ (Карскій), этотъ безкорыстный, строгій человѣкъ, конечно узнавшій по пріѣздѣ на Кавказъ объ репутаціи Евдокимова, отозвался объ немъ въ письмѣ къ военному министру весьма лестно, сказавъ, по поводу оставленія барономъ Врангелемъ должности начальника лѣваго фланга, что лучше всего было бы замѣнить его генераломъ Евдокимовымъ, но боится переводить его въ такое критическое время (война въ Крыму и подъ Карсомъ) съ праваго фланга, гдѣ, въ случаѣ возможнаго десанта союзниковъ къ Черкесамъ, можетъ угрожать намъ самая серьезная опасность. Князь же Барятинскій прямо на Евдокимова возложилъ главную работу въ дѣлѣ покоренія Кавказа, сначала на Восточномъ, а затѣмъ и на Западномъ. Не выѣзжая еще изъ С.-Петербурга на Кавказъ, князь Барятинскій исходатайствовалъ производство его въ генералъ-лейтенанты и назначеніе командующимъ войсками лѣваго крыла.

О блистательномъ исполненіи Евдокимовымъ задачи нечего распространяться: результаты у всѣхъ на памяти. Казавшаяся безконечною война — кончилась, и никакой заклятый врагъ Евдокимова не рѣшится сказать, что я преувеличиваю, приписывая главную долю успѣха ему, его умѣнію, его энергіи, настойчивости, вѣрности соображеній и неутомимости.

Однимъ изъ такихъ враговъ его былъ покойный генералъ Карцовъ, Александръ Петровичъ, человѣкъ, конечно, умный и образованный, но предубѣжденный. Онъ, въ качествѣ начальника главнаго штаба и послѣ помощника Великаго Князя Главнокомандующаго, имѣлъ возможность, какъ говорится, насолить Евдокимову, да и насолить... Но и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, на какомъ-то публичномъ обѣдѣ въ Петербургѣ, громогласно заявилъ, что покореніемъ Кавказа Россія обязана Евдокимову. Лучше поздно, чѣмъ никогда, и это дѣлаетъ честь покойному Карцову. Мнѣ, впрочемъ, придется вернуться еще къ ихъ отношеніямъ, когда рассказъ дойдетъ до 60-хъ годовъ и покоренія Западнаго Кавказа.

Награжденъ былъ Евдокимовъ щедро; но все же зависть и личные мотивы не помѣшали устранить человѣка въ цвѣтѣ силъ отъ вся-

каго дѣла. Привыкшій къ постоянной, обширной дѣятельности, не зная отъ скуки, что предпринять, онъ затѣялъ на подаренныхъ ему близъ Пятигорска земляхъ разнородныя, хозяйственныя предпріятія: развелъ сады, стада овецъ, табуны лошадей, началъ строить какіе-то салотопенные заводы и мельницы, разбросался во всѣ стороны, вездѣ встрѣчалъ неудачи; его обирали и надували, дошелъ до затрудненій денежныхъ; наконецъ, снизошедшій до роли «забытаго», безъ сомнѣнія, скрывая огорченія, раздражаемый дома, онъ умеръ, въ жестокихъ страданіяхъ отъ болѣзни печени. 55 лѣтъ онъ былъ оставленъ не у дѣлъ, а въ 1873 году скончался, на 64-мъ году.

Жена поставила на могилѣ, въ оградѣ новаго Пятигорскаго собора, памятникъ, кажется довольно дорого стоящій, но за то вполне безсмысленный: мраморный бюстъ, весьма мало съ покойнымъ сходный, *внутри* часовни, въ которую можно проникнуть, только попросивъ сторожа (не всегда присутствующаго) отворить ключемъ дверь...

Слѣдовало, напротивъ, поставить бюстъ такъ, чтобы всякій, проходя мимо, могъ замѣтить, обратить вниманіе и узнать, что здѣсь погребенъ человѣкъ, оказавшій Русскому государству такія крупныя заслуги. Дурныя стороны должны быть и будутъ забыты; современники тоже, одинъ за другимъ, уходятъ въ тотъ міръ, откуда нѣтъ возврата; съ ними исчезаетъ и вражда, и злопамятство; но дѣла и подвиги должны остаться въ памяти народной. Особенно молодымъ военнымъ посѣтителемъ Пятигорска было бы не безынтересно, даже не бесполезно, видѣть бюстъ и стараться узнавать при этомъ, въ чемъ состояли заслуги покойнаго, сѣумѣвшаго изъ кантонистовъ стать генералъ-адъютантомъ, графомъ, но — что еще важнѣе — историческимъ лицомъ.

Я иду еще дальше: ничего не было бы неумѣстнаго и преувеличеннаго, еслибы въ Грозной или Владикавказѣ графу Евдокимову былъ поставленъ памятникъ на счетъ государства. Князю Аргутинскому поставленъ памятникъ въ Темиръ-ханъ-шурѣ. Прекрасно. Но, при всѣхъ заслугахъ, при всѣхъ достойныхъ уваженія качествахъ, все же результаты дѣлъ князя Аргутинскаго не оказались ни столь блестящими, ни столь важными и рѣшительными для Россіи, какъ добытые дѣлами графа Евдокимова.

Теперь, по истеченіи двадцати лѣтъ, покореніе Кавказа отодвинуто и заслонено послѣдовавшими событіями. Завоеванія въ Средней Азіи и Восточная война 1877 года выдвинули новые взгляды, новыхъ дѣятелей. Но если безпристрастно вникнуть въ смыслъ этихъ событій, то есть-ли какое-нибудь сравненіе между фактомъ окончанія вѣковой борьбы, стоившей государству неисчислимыхъ жертвъ, связывавшихъ

намъ руки при всякомъ столкновеніи съ внѣшними врагами, окончательно отдавшимъ намъ въ вѣчное владѣніе Кавказъ, эту, по истинѣ, жемчужину среди остальныхъ владѣній Россіи, съ фактомъ овладѣнія песчаными пустынями Средней Азіи, или съ печальными результатами войны, завершившейся Берлинскимъ конгрессомъ 1878 года?..

Западная Европа правильнѣе судить о нашихъ дѣлахъ; она понимаетъ, что прочное овладѣніе Кавказомъ есть приростъ нашихъ силъ, а война 1877 года была истощительнымъ кровопусканіемъ, съ немалымъ вредомъ нашимъ финансамъ, нашему вліянію на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣйствительность пользы отъ завоеваній въ Азіи тоже подвергается сомнѣніямъ. Пока главнымъ нашимъ противникомъ въ Восточномъ вопросѣ была Англія, изъ Азіи хорошо было грозить ея Ахилесовой пятѣ—Индіи; но когда эта роль перешла къ Нѣмцамъ, то значеніе Закаспійскихъ владѣній потеряло въ этомъ отношеніи 90%. Ни Берлину, ни Вѣнѣ съ Аму-Дарьи угрожать нельзя; а имъ именно на руку, чтобы мы какъ можно дальше раскинулись, повсюду неся жертвы людьми и деньгами, да возбуждали подозрительность и враждебность Британіи...

Если же окончаніе Кавказской войны такое важное событіе въ исторіи Русскаго государства, то виновникамъ этихъ событій можно и памятники поставить.

(Продолженіе будетъ.)

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Д. Зиссермана *).

VII.

Въ дореформенныя времена, командиръ Кавказскаго пятибатальоннаго полка, въ которомъ было 150 офицеровъ и болѣе 6 тысячъ солдатъ, игралъ въ арміи далеко не ту роль, какую играютъ нынѣшніе командиры. Тогда отецъ-командиръ былъ очень и очень важный человекъ, съ большими правами и еще болѣе большими матеріальными средствами; онъ, въ своей штабъ-квартирѣ, былъ солнцемъ, вокругъ котораго обращались многія планеты, въ чаяніи свѣта, тепла и возможности существовать. Удовлетвореніе честолюбія, желаніе повышеній или лучшей жизненной обстановки, даже общее мнѣніе о полкѣ (чѣмъ тогда дорожили офицеры) зависѣли отъ него, также какъ лучшее или худшее матеріальное положеніе солдатъ, болѣе или менѣе обремененная служба, большее число награждаемыхъ крестами, меньшее число подвергаемыхъ наказаніямъ или притѣсненіямъ со стороны младшихъ командировъ.

Мечта всякаго военнаго человѣка была достигнуть почетнаго, важнаго и выгоднаго званія полковаго командира. Десятки лѣтъ тяжелой службы, полной всякихъ огорченій и лишеній, пренебреженіе всякимъ опасностямъ, распеканія и самодурныя гоненія разныхъ чальниковъ, все это выносилось ради дорогой мечты, увы, весьма редко тогда осушественяемой!.. Непотизмъ, протекціи, связи, привилегированныя положенія, разныя побочныя побужденія руководили нередко въ большинствѣ назначеній на эти столь желательныя мѣста.

Послѣ приведенной въ предшествующихъ главахъ характеристики дѣлъ главныхъ, дѣйствовавшихъ на Лѣвомъ крылѣ въ описываемое время, лицъ, слѣдовало бы сдѣлать тоже и въ отношеніи тогдашнихъ сырехъ полковыхъ командировъ 20-й дивизіи, которыхъ я хорошо зналъ не только по служебнымъ, но и по частнымъ отношеніямъ. И въ сущности пришлось бы говорить обо всѣхъ этихъ лицахъ почти одно лишь хорошее, однако воздержусь изъ искренняго желанія не возбуждать ни въ комъ ни малѣйшаго неудовольствія...

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1884 г., книжку 6-ю и 1-й выпускъ нынѣшняго года.
г. 18.

Раннею весною 1857 г. новый главнокомандующій, князь Барятинскій собрался объѣхать весь Сѣверный Кавказъ, начиная съ Лѣваго крыла.

Какъ только получено было официальное извѣстіе, начались распоряженія для встрѣчи и проводовъ высокаго гостя. Чтò значило въ тѣ времена встрѣтить, принять и проводить главнокомандующаго, особенно такого какъ князь Барятинскій, т.-е. своего же Кавказца, на Лѣвомъ крылѣ всѣмъ извѣстнаго, всѣми любимаго, во всѣхъ вселявшаго надежды на повышенія, награды и т. д., могутъ судить только очевидцы. Нужны были десятки лѣтъ постоянной войны и жизни среди Кавказской природы и Кавказскихъ дикарей, чтобы выработались все эти своеобразные обычаи, поражавшіе всякаго новичка и увлекавшіе большинство своею дикою поэзіею, столь свойственною Русской удалой натурѣ. Теперь, быть можетъ, это покажется чѣмъ-то баснословнымъ. Во всемъ проявлялись какіе-то гомерическіе размѣры: пиръ—на весь міръ; вина—бочками, жженка—котлами, тосты—сопровождаемые залпами изъ десятка пушекъ, тысячи ружей, безконечными ура!, десятки тысячъ солдатскихъ голосовъ, иллюминаціи—лѣса костровъ, и проч. и проч. Приказаній для этого не требовалось; довольно было только позволить, и все—отъ командировъ до послѣдняго барабанщика—съ увлеченіемъ готово было броситься на работу, и послѣ, стоя вдаль отъ мѣста пиршества, ничѣмъ собственно отъ него не пользуясь, солдаты искренно шумѣли и какъ бы торжествовали.

11-го Апрѣля мы съ генераломъ Евдокимовымъ выѣхали изъ Грозной обычнымъ путемъ, по Сунженской линіи, во Владикавказъ. Помню очень хорошо эту поѣздку. Погода была прекрасная, дорога сухая, безъ пыли; предъ каждой станицей встрѣчали насъ мѣстные власти съ рапортами о «благополучіи». И дѣйствительно во всемъ чувствовалось тогѣа какое-то благополучіе: тихо, не слышать кровавыхъ происшествій; въ ожиданіи пріѣзда князя Барятинскаго, все казалось радостно настроеннымъ; по крайней мѣрѣ мнѣ, всю почти дорогу бесѣдовавшему съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ, бывшимъ въ отличномъ расположеніи духа, такъ казалось.

Еслибы я велъ дневникъ и въ тотъ же день вечеромъ записалъ разговоръ нашъ, то безъ сомнѣнія могъ бы сообщить теперь что нибудь болѣе интересное, особенно изъ разсказовъ Евдокимова о временахъ его дѣятельности въ Дагестанѣ и на Правомъ флангѣ, о его взглядахъ на предстоявшія рѣшительныя дѣйствія въ Чечнѣ и проч. Къ сожалѣнію, никакихъ замѣтокъ у меня нѣтъ, и я только вспоминаю, что разговоръ вертѣлся на Ичкеринской экспедиціи генерала Граббе,

моихъ похороженіяхъ въ Элису въ 1849 году, на предложеніи Гаева писать о нашихъ дѣлахъ, на катастрофѣ 1843 г. въ Дагестанѣ. Мы перескакивали съ эпизода на эпизодъ, и, наконецъ, вспомнили о несчастной экспедиціи генерала Галафѣева въ Малую Чечню въ 1840 году, когда насъ на р. Валерикѣ такъ жестоко потрепали.

— Ну, почтеннѣйшій, надѣюсь, что съ нами уже этого не повторится, сказалъ Николай Ивановичъ, указывая на тянувшійся параллельно нашей дорогѣ лѣсистый хребетъ Черныхъ горъ, окруженный синеватой мглой; скоро доберемся мы до этихъ трущобъ и вырیمъ разбойниковъ оттуда.

Предъ станицей Слѣпцовской встрѣтилъ насъ начальствовавшій инженерною линіею, извѣстный Іедлинскій. На вопросъ его: «не прижете ли, наше превосходительство, назначить конвой?» Николай Ивановичъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, почтеннѣйшій. Зачѣмъ напрасно гонять каковъ? Опасности, особенно днемъ, нѣтъ никакой».

По этому поводу Іедлинскій поспѣшилъ отпустить одну изъ безсленныхъ своихъ остроутъ. Его будто бы спросили: какъ это генералъ Евдокимовъ такъ рискуетъ ѣздить безъ конвоя?

— Зачѣмъ ему конвой, когда у него вся *милиція въ карманѣ*?

Острота была подхвачена и разнеслась повсюду, вызывая безнечный, большею частью, злорадный смѣхъ.

Во Владикавказѣ мы ночевали, а на другой день, вмѣстѣ съ полковникомъ Кемпфертомъ, выѣхали на Военно-грузинскую дорогу въ долину, гдѣ были расположены роты Навагинцевъ для дорожныхъ работъ. Здѣсь, 13-го Апрѣля, рано утромъ, произошла первая наша встрѣча главнокомандующаго.

Князь Варятинскій весьма любезно принялъ генерала Евдокимова полковника Кемпферта (командира Навагинскаго полка), сказалъ и въ какую-то любезность, поздоровался съ ротой и, посадивъ къ себѣ коляску Евдокимова, поѣхалъ дальше. Только что тронулись мы въ Ларса, въ коляскѣ сломалось колесо, и оба генерала пересѣли въ карету Евдокимова, изъ котораго мнѣ пришлось выйти и болѣе версты до Владикавказа скакать на казачьей лошади, среди нѣмныхъ сотъ джигитовавшихъ Осетинъ и Кабардинцевъ.

Во Владикавказѣ, послѣ торжественной встрѣчи, среди огромной массы народа, разставленныхъ шпалерами войскъ, скачущихъ кругомъ всадниковъ, среди оглушительныхъ ура!, пушечныхъ выстрѣловъ и, жетса, колокольнаго звона, князь подѣхалъ къ дому командира Навагинскаго полка А. П. Опочинина, съ которымъ давно находился въ близкихъ, семейно-дружескихъ отношеніяхъ. За параднымъ обѣдомъ чались тосты и разливное море Шампанскаго; но достоинство соблю-

далось строжайше, и пусть читатель не думаетъ, что въ этихъ случаяхъ допускалось что-нибудь малѣйшее, выходящее за границы приличій и, тѣмъ болѣе, дисциплины. Князь Барятинскій въ самый разгаръ пировъ незамѣтно, но пристально умѣлъ слѣдить за дѣйствующими лицами, замѣчать слова и поступки, и—какъ говорится—наматывать себѣ на усъ; а разъ составивъ себѣ о человѣкѣ дурное мнѣніе, онъ съ трудомъ мѣнялъ его. Въ особенности съ брезгливостью относился онъ ко всякому поступку или слову, отзывавшемуся не деликатностью, нечистоплотностью, недостаточно хорошимъ тономъ. Я знаю примѣръ, какъ одинъ инженерный офицеръ Д. совсѣмъ было испортилъ свою карьеру, позволивъ себѣ въ 1853—54 году, въ пріѣздъ изъ Гурійскаго отряда въ Тифлисъ, отвѣчать князю (тогда начальнику главнаго штаба Кавказской арміи) на вопросъ: что дѣлается въ отрядѣ? какою-то сальною поговоркою, что «лучше не трогать... чтобы не звоняло»... Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ князь объ этомъ Д. и слышать не хотѣлъ, пока ему не представился случай отличиться, и тогда уже, въ 1859 году, по особому ходатайству барона Врангеля, Д. получилъ Георгіевскій крестъ и началъ повышаться по службѣ, достигнувъ теперь высокихъ степеней.

Погода вполне благопріятствовала путешествію и много содѣйствовала общему радостному настроенію. Между прочимъ главнокомандующій пожелалъ осмотрѣть работы, производившіяся уже нѣсколько лѣтъ, по почину бывшаго начальника Владикавказскаго округа барона Вревскаго, для открытія удобнаго сообщенія изъ Владикавказа, правымъ берегомъ Терека, въ Джераховское ущелье, въ верховьяхъ котораго жили Кистины въ нѣсколькихъ аулахъ. Вся поѣздка состоялась верхомъ.

Работы производились капитаномъ путей сообщенія Микулинымъ, который, само собою, постарался показать товаръ лицомъ: какіе-то мастера изъ Грековъ бѣжали впереди, заряжали и взрывали небольшія мины, эхо отъ взрыва скалы раздавалось продолжительнымъ громомъ въ горахъ, подъ гулъ рвущаго Терека. Проходя галлерею подъ скалистыми сводами, дорога, наконецъ, вырывается изъ тѣсины къ подножію крутаго подъема и узкой тропой, зигзагами, тянется вверхъ. Близъ перваго Кистинскаго аула насъ встрѣтилъ полубаталіонъ Навягинцевъ, подъ командою моего стараго сослуживца въ Дагестанскомъ полку, Конст. Ал. Ѳедосѣева (брата графини Евдокимовой), о которомъ я рассказывалъ во II-мъ томѣ. Здѣсь былъ устроенъ парадный завтракъ, сопровождаемый, по обыкновенію, залпами, шумомъ и трескомъ. Что касается самой дороги, то работа была, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная: высѣченныя въ скалѣ галлерей, выемки въ щебей-

рыхъ крутыхъ осыпяхъ, въ которыя врѣзывался путь и т. п. свидѣльствовали о преодолѣнныхъ трудностяхъ. Для военнаго движенія, съ орною артиллеріею и выюками, она была бы вполне удовлетворительна и избавляла отъ переправы чрезъ Терекъ, почти невозможной, особенно для пѣхоты; но не знаю, сколько на эту дорогу было брошено казенныхъ денегъ, и самая цѣль работы едва выдерживала даже снисходительную критику: съ этой стороны никакихъ ударовъ непріятелю не нанести не могли, потому что дальше, за Кистинскими аулами, янется самая непроходимая часть горъ по верховьямъ Ассы и Аргуна, дѣйствія отрядовъ чрезвычайно трудны и бесполезны, а для борьбы съ мелкими Кистинскими шайками, разбойничавшими въ окрестностяхъ Владикавказа на почтовой дорогѣ, было много другихъ средствъ, требовавшихъ гораздо менѣе денегъ и труда. Въ послѣдствіи, кажется, дорога эта и была брошена недоконченною... Вообще, баронъ Вревскій былъ страстный охотникъ до проектовъ, и рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ того, чтобы онъ не представилъ въ Тифлисъ какого-нибудь предположенія—то о постройкѣ укрѣпленія, башни, то о проведеніи дороги, то о движеніи отряда въ какое-нибудь ущелье, на какую-нибудь гору, и все это выставлялось крайне и экстренно необходимымъ, обѣщающимъ важнѣйшіе результаты и т. д. Большею частью въ Тифлисѣ, хоть нерѣдко скрѣпя сердце и урѣзавъ немножко матеріальныхъ средствъ, соглашались на эти представленія, и тогда баронъ Ипполитъ Александровичъ, чрезвычайно довольный, энергически приступалъ къ исполненію. Тратилась немалая сумма денегъ и солдатскаго труда, а при военномъ движеніи и нѣсколько жизней; но результаты были, по меньшей мѣрѣ, равны нулю, и самое предпріятіе скоро забывалось—для новаго однороднаго дѣла...

По возвращеніи съ увеселительной поѣздки на Джераховскую дорогу, ген. Евдокимовъ приказалъ мнѣ ѣхать впередъ до Грозной, осматривать всѣ приготовленія къ проѣзду и распорядиться, если что нибудь найду не такъ сдѣланнымъ. Такая уже была судьба моя: когда другіе располагались пировать, отдыхать, кейфировать, мнѣ приходилось взбираться на перекладную,—на этотъ инструментъ, дорого отовѣвавшійся на моихъ костяхъ,—или садиться за писаніе!

И опять загудѣлъ въ ушахъ монотонный звукъ колокольчика, опять пошла тряска и подкидываніе, опять покрякиваніе о скорѣйшей перепряжкѣ лошадей, опять угощеніе со стороны властей въ укрѣпленіяхъ и станціяхъ, съ которыми я, вслѣдствіе безпрестанныхъ проѣздовъ, былъ коротко знакомъ, и рассказы о происходящемъ во Владикавказѣ и проч. Особыхъ мѣръ съ моей стороны никакихъ не потребовалось:

всѣ сами изъ кожи лѣзли, чтобы наилучшимъ образомъ исполнить полученные приказанія и угодить начальству.

Въ Грозной въ это время свирѣпствовалъ *Самоваръ-наша*: чистилъ, прибиралъ, муштровалъ, но болѣе всего ругался, раздавалъ зуботычины и бѣсновался. Не успѣлъ я отдохнуть, какъ Рудановскій потребовалъ меня къ себѣ и показалъ полученное съ нарочнымъ отъ ген. Евдокимова письмо, что главнокомандующій отчасти измѣнилъ свой маршрутъ, что онъ будетъ скорѣе ночевать въ Червленной и въ Моздокѣ, что нужно сдѣлать всѣ соотвѣтственные распоряженія и для этого послать меня. Такимъ образомъ я не былъ въ Грозной въ теченіе 4-хъ дней пребыванія тамъ князя Барятинскаго и лишился удовольствія наблюдать высококомическія сцены, происходившія при приѣмѣ. Въ послѣдствіи, впрочемъ, меня познакомилъ съ ними нѣкто Монаенко, молодой офицеръ Тенгинскаго полка, превеселый малый, большой мастеръ рассказывать забавные анекдоты. Приготовленія къ приѣму главнокомандующаго дали обильную пищу таланту Монаенки, и мнѣ пришлось хохотать до упаду. Особенно отличался достойнѣйшій *Самоваръ-наша*. Онъ, напримѣръ, потребовалъ въ домъ, гдѣ приготавлился парадный обѣдъ для князя, всѣхъ наличныхъ офицеровъ, (большинство были линейныхъ баталіоновъ), осматривалъ какъ они одѣты, училъ ихъ какъ кланяться, и вообще дѣлалъ какъ бы репетицію обѣда...

— «Эхъ вы, офицеръ, поклониться какъ слѣдуетъ не умѣете», говорилъ онъ одному; или: «Эхъ вы, сюртукъ у васъ какъ ряса, или сапоги какъ у барабанщика, а еще поручикъ!» обращался онъ къ другому. И бѣдные штабсъ-капитаны или поручики, хорошо командовавшие ротами, весь вѣкъ вертѣвшіеся между казармой, гауптвахтой и лагеремъ, молча проглатывали эти милыя генеральскія остроты.

— Смотрите, когда главнокомандующій сядетъ за обѣдъ, вы продолжайте стоять кругомъ этого стола, какъ будто около закуски, да не касаться графиновъ и бутылокъ, а только такъ, для виду; а послѣ уже переходите въ ту комнату и садитесь гоже за столъ; да не шумѣть, не разговаривать и смотрѣть на меня,—какъ только увидите, что я какъ бы къ носу бѣлый платокъ поднесу, вы сейчасъ ура гаркните, да нѣсколько разъ и погромче.

И вотъ послушные гг. офицеры все это продѣлывали, кланялись, вертѣлись у стола какъ будто около закуски, за тѣмъ пунктуально исполнили и послѣднее приказаніе: какъ только увидѣли, что Рудановскій вынулъ носовой платокъ, гаркнули во все горло: ура! ура!.. Между тѣмъ, въ эту минуту никакого тоста никто не произносилъ, всѣ заняты были ѣдой. Князь Барятинскій выразилъ крайнее недо-

чѣннѣе, а большинство подумало, что въ той комнатѣ уже успѣли наизмѣняться. Евдокимовъ покраснѣлъ и вопросительно взглянулъ на Рудановскаго, а сей окончательно порыжѣлъ, завертѣлся на стулѣ и не зналъ что дѣлать. Наконецъ кто-то догадался встать и узнать причину смѣшности. Все объяснилось: несвоевременный выемъ Рудановскимъ платка изъ кармана... Шутя передалъ это Евдокимовъ князю, и тотъ добродушно разсмѣялся...

Представительница прекраснаго пола, вѣроятно увлеченная призоромъ Рудановскаго, тоже вздумала принять участіе въ приготовленіяхъ къ приѣму—по женской части: собирала въ тотъ же домъ нѣкоторыя дамы, осматривала костюмы, дѣлала репетиціи...

Нужно было видѣть, какъ рассказывалъ и представлялъ въ лирическихъ сценахъ Монаенко, чтобы понять весь комизмъ происшедшаго.

Въ это самое время я побывалъ въ Червленной, Наурѣ и Моздокѣ, исполнилъ что слѣдовало по части размѣщенія на ночлегахъ многочисленныхъ гостей, путешествовавшихъ въ свитѣ главнокомандующаго, по части ихъ угощенія, запряжки, конвоя и проч., въ теченіи трехъ сутокъ порядочно измучился ѣздой по жарѣ, въ пыли и возвратился въ Грозную вечеромъ. Сейчасъ же явился я къ генералу Евдокимову, только что оставившему князя, и передалъ отчетъ о всей поездкѣ.

— Ну-съ, почтеннѣйшій, спасибо вамъ за хлопоты; я знаю, что вы не особенно интересуютъ всѣ эти обѣды и балы, отъ которыхъ я бы готовъ откупиться чѣмъ угодно,—значить и жалѣть не о чемъ. Идите теперь отдыхать, а завтра предстоитъ проѣздъ чрезъ Чечню къ Хасавъ-юртѣ; придется вамъ и верхомъ немало потрястись. Пока князь всѣмъ доволенъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа.

Четырехдневное пребываніе князя Барятинскаго въ Грозной было постояннымъ торжествомъ; всѣ были въ восторгѣ, видя своего недавняго ближайшаго начальника въ высокомъ званіи намѣстника царскаго и главнокомандующаго, отъ котораго зависѣла теперь судьба сѣхъ. Но что болѣе всего кидалось въ глаза—это неподдѣльная радость, выражавшаяся Чеченцами: въ двухъ верстахъ отъ Грозной толпы туземнаго населенія съ женами и дѣтьми вышли на дорогу, становили коляску и заставляли князя выйти. Окруженный Чеченцами, князь прошелъ довольно далеко, отвѣчая на ихъ шумныя привѣтствія. Люди, такъ недавно еще намъ враждебные, не болѣе четырехъ-пяти лѣтъ переселившіеся подъ наше покровительство, уже успѣли испытать разницу между безпощаднымъ деспотизмомъ Шамилевскаго управленія

и нашимъ добродушнымъ режимомъ; они совершенно искренно привѣтствовали человѣка, давшего первый толчекъ этому переселенію (въ 1852 году) и устроившаго для нихъ самое рациональное управленіе; они употребляли все усилія выказать искренность своихъ чувствъ, прикасались къ поламъ княжескаго сюртука, низко снимали папахи, однимъ словомъ все обнаруживало непритворную радость. Но нужно забывать, что все это были вѣдь тѣже Чеченцы, которые въ 1851 и 52 годахъ упорно защищали каждую пядь своей земли на пути отрядовъ, двигавшихся подъ командой того же князя Барятинскаго; немало ихъ лучшихъ людей пало жертвами этихъ битвъ, немало добра потеряли они при разореніи ихъ ауловъ. Но выселившись къ намъ, они встрѣтили столько Русскаго беззлобія, столько помощи и участія, что, при всей враждебности къ гяуру-побѣдителю, и въ нихъ не могли не заговорить человѣческія чувства, тѣмъ болѣе лично въ отношеніи князя Барятинскаго, въ которомъ они видѣли человѣка съ достоинствами, совершенно въ духѣ воинственныхъ Азіятцевъ: храбрый, щедрый, великодушный, импонирующій полудикой толпѣ. Да и вообще мы въ отношеніяхъ къ Азіятскимъ народностямъ, покореннымъ нашимъ оружіемъ, не взирая на кровавыя жертвы, на ихъ упорную враждебность, коварство и часто черную благодарность, проявляли столько добродушія, весьма часто съ видимымъ уцербомъ нашимъ интересамъ, что неудивительно, если иногда замѣчаются между ними признаки искренняго расположенія, которымъ мы, однако, не умѣемъ воспользоваться. Хорошо знакомый съ этими народцами, я не могу не сказать, что мы въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, пересаливаемъ. Не слѣдуетъ, конечно, подражать Англичанамъ, съ сатанинскимъ безсердечіемъ истинныхъ кулаковъ, высасывающимъ соки изъ своихъ Азіятскихъ владѣній; но и не слѣдуетъ доводить добродушіе до забвенія интересовъ Русскаго народа и даже, какъ это сплошь и рядомъ на Кавказѣ бывало, отдавать во всемъ преимущество туземцамъ предъ своими. Тѣмъ болѣе это неумѣстно, что ни въ чемъ у насъ нѣтъ поддержки, нѣтъ опредѣленной системы, нѣтъ послѣдовательности, все подвержено вѣчнымъ перемѣнамъ и колебаніямъ, ибо предоставляется личнымъ усмотрѣніямъ, вдохновенію, капризамъ... И какъ достаточно одной ложки дегтя, чтобы испортить сороковую бочку меда, такъ достаточно одного самодурнаго поступка, одной необдуманной, неблагоприятной мѣры, чтобы исчезъ самый слѣдъ добраго расположенія къ намъ какихъ-нибудь Лезгинъ, Чеченцевъ или Туркменонъ, да не только расположенія, но даже слѣдовъ страха предъ нашей силой, и чтобы вдругъ вспыхнула ненависть и страстная вражда. Сколько примѣровъ

изъ недавняго прошлаго могъ бы я привести въ подтвержденіе моихъ словъ! Достаточно вспомнить Кавказскія событія во время послѣдней войны...

VIII.

22-го Апрѣля главнокомандующій выѣхалъ изъ Грозной. Это, безъ сомнѣнія, былъ первый случай, что за Аргуномъ появился поѣздъ изъ цѣлаго ряда экипажей, сопровождаемый одною конницею. До 1857 года безъ отрядовъ туда никто не ходилъ.

Осмотрѣвъ новое укрѣпленіе Бердыкель, поѣхали мы дальше и безъ выстрѣла достигли Шалинскаго укрѣпленнаго лагеря. Здѣсь встрѣтили князя батальоны Куринскаго полка. Шалинская поляна давно уже была традиціоннымъ мѣстомъ Куринцевъ для всякаго военнаго торжества; она—ближайшій театръ частыхъ встрѣчъ съ Чеченцами отъ Куринской штабъ-квартиры—кр. Воздвиженской; на Шалинской полянѣ въ 1852 году весь полкъ встрѣчалъ своего шефа, князя Михаила Семеновича Воронцова, который тогда возглашалъ покореніе Большой Чечни и обѣщалъ собравшимся Чеченскимъ толпамъ неприкосновенность ихъ земельной собственности.... Тогда пять батальоновъ Куринцевъ, со знаменами, подъ командою сына князя Воронцова, парадировали церемоніальнымъ маршемъ подъ звуки музыки любимаго княземъ Даргинскаго марша (что составило едва ли еще бывающую въ Чечнѣ картину), оглашая воздухъ восторженными ура! Казалось въ эту минуту, что и въ самомъ дѣлѣ настаетъ миръ въ Чечнѣ... И вотъ, чрезъ пять лѣтъ послѣ этого торжества, послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ дѣлъ въ той же Чечнѣ, Куринцамъ пришлось опять встрѣчать уже новаго вожда, все еще не въ полной увѣренности наступленія мира. За обѣдомъ тосты сопровождалсь батальнымъ огнемъ и проч. Къ ночи вся окрестность озарилась кострами, кругомъ гремѣла музыка, пѣсни, шумъ и ликованія. Непріятельскіе пикеты и мелкія партіи издали слѣдили за нами; беспокоить они насъ не рѣшались, и ночь прошла спокойно.

На другой день, все съ однимъ коннымъ конвоемъ, тронулись мы дальше въ глубь Чечни, къ Хобишавдонскимъ высотамъ. На половинѣ дороги стоялъ отрядъ полковн. Кемпферта. Послѣ осмотра войскъ, князь поздравилъ его съ производствомъ въ генералы, о чемъ приказъ былъ только что полученъ, и Кемпфертъ еще ничего не зналъ. Генералъ Евдокимовъ, зная мои дружескія отношенія къ Кемпферту, приказалъ мнѣ постараться найти у когонибудь хоть старые гене-

рыльскіе погоны, чтобы дать новому генералу возможность сейчасъ же надѣть ихъ. Не помню у кого, да чуть ли не отъ человѣка са-мого же Евдокимова, взялъ я погоны съ запаснаго сюртука и по-ѣхалъ передать Кемпферту. Обрадовался старый служака и про-изводству, и чрезвычайному вниманію князя Барятинскаго, такъ сильно, что совсѣмъ не находилъ словъ и только крѣпко жалъ всѣмъ руки.

У разореннаго аула Гельдыгона встрѣтилъ насъ баронъ Л. II. Николай со всѣми пятью батальонами Кабардинскаго полка, постро-енными въ одну линію. Совершенно такое же явленіе, какъ выше упо-мянутое, въ 1852 году на Шалинской полянѣ. На Кавказѣ, при исклю-чительно малой войнѣ, войскамъ почти не приходилось бывать цѣ-лыми полками, съ знаменами, музыкой и вообще парадировать. На насъ, повтому, такой рѣдкій случай не могъ не производить особаго впечатлѣнія. Принявъ же во вниманіе, что славный Кабардинскій полкъ, въ лицѣ главнокомандующаго, встрѣчалъ еще недавно бывша-го своего командира, встрѣчалъ въ самомъ сердцѣ Чечни, гдѣ годъ-другой тому назадъ происходили самыя кровавыя эпизоды войны, гдѣ даже движенія значительныхъ отрядовъ сопровождались ожесточенны-ми нападеніями непріятеля, гдѣ кромѣ свиста пуль, грома пушекъ, сигнальных рожковъ и дикаго гиканія Чеченцевъ ничего не слыша-лось, читатель не долженъ считать проувеличеніемъ, если я скажу, что эта встрѣча производила трудно передаваемое, возбуждающее впечатлѣніе. Большія толпы выѣхавшихъ сюда же Кумыкскихъ и Че-ченскихъ почетныхъ людей и старшинъ очевидно находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ непривычнаго имъ зрѣлища, и я слышалъ, какъ они вполголоса выражали свое удивленіе.

По всему пространству отъ р. Бессѣ до Мичпка, на ближайшихъ высотахъ Черныхъ горъ, видѣлись партіи Горцевъ, составлявшихъ какъ бы авангардъ Шамиля, расположеннаго тогда съ главными си-лами въ ущельи Хулхулау. Ни на какую серіозную попытку онъ не рѣшился, но на всемъ перѣздѣ нашимъ отъ Шали партіи вели съ нашими конными цѣпами перестрѣлку, изрѣдка бросая въ насъ съ дальнихъ разстояній ядра. Вся потеря наша ограничилась девятью ранеными. Благодаря широкимъ просѣкамъ, разработаннымъ спускамъ и подъемамъ чрезъ овраги, непріятель вынужденъ былъ держаться вдали, лишился любимыхъ мѣстъ для внезапнаго нападенія, и войска наши имѣли возможность двигаться почти безъ потерь.

Переночевавъ съ Кабардинцами на Хобишавдонѣ, мы проѣхали чрезъ укр. Куринское и Герзель-аулъ въ Хасавъ-юртъ — штабъ-квар-тиру Кабардинскаго полка, построенную въ 1847 году княземъ Ба-рятинскимъ. Здѣсь всѣ его знали и любили; здѣсь всякій камень на-

поминалъ ему столь недавнее прошлое и тотъ невѣроятный, по своей быстротѣ, шагъ на служебномъ поприщѣ, который въ шесть лѣтъ привелъ его изъ полковаго командира въ главнокомандующаго двухсот-тысячной арміей, въ намѣстника Кавказа....

26-го Апрѣля Кабардинцы на славу угостили князя обѣдомъ, вечеромъ, фейерверкомъ и проч. Происходили уже упомянутыя мною гомерическія проявленія специально-кавказскаго гостепріимства. Чтò и говорить, не обходилось безъ лести, безъ низкопоклонства, безъ доброй доли раболѣпія; но все это въ порядкѣ вещей и, во всякомъ случаѣ, при той обстановкѣ, при дѣйствительномъ расположеніи болѣпинства къ симпатичной военной личности князя Барятинскаго, не такъ кидалось въ глаза и не такъ претило, какъ за частую бываетъ въ *мирныхъ* мѣстностяхъ, при встрѣчахъ и проводахъ начальства, особенно когда ораторы изошряются въ произнесеніи напыщенныхъ па-негириковъ.

27-го числа была назначена усиленная рекогносцировка въ Аухъ. Отрядъ состоялъ изъ шести батальоновъ, шести эскадроновъ драгунъ, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, милиціи и десяти орудій.

Аухъ сильное и относительно богатое общество Чеченскаго племени. Несмотря на близость нашихъ укрѣпленій, оно долго сохраняло свою независимость. Нѣсколько разъ отряды проникали туда, разоряли нѣсколько ауловъ, несли немалыя потери, но результатовъ этимъ не достигалось никакихъ. Ауховцы умѣли отлично пользоваться гористо-лѣсистую мѣстностью, укрѣпили доступы завалами и чѣмъ-то въ родѣ укрѣпленія, носившаго у насъ названіе «*Гойтемировскихъ воротъ*». Зимой съ 1856 на 1857-й годъ укрѣпленіе это обходомъ было взято отрядомъ барона Николаи, и тотчасъ вырубленная широкая просѣка открыла намъ свободный доступъ въ Аухъ.

Мы выступили рано и въ десятомъ часу утра поднялись на одну изъ высотъ лѣваго берега рѣки Ярыкъ-су. При блескѣ весенняго солнца, намъ открылся прекрасный видъ на всю Ичкерію, на Андійскій хребетъ и цѣлую массу мѣстныхъ отроговъ, перекрещиваемыхъ глубокими балками. Виднѣлось множество ауловъ, разбросанныхъ по покатосямъ горъ. Зеленѣющія поля, группы фруктовыхъ деревьевъ, индѣ вьющіяся между ними дорожки, разсыпавшіяся по нимъ конныя и пѣшія цѣпи, кой-гдѣ дымки отъ рѣдкихъ выстрѣловъ, все это позлащенное яркими лучами солнца, подъ прозрачно-голубымъ сводомъ южнаго неба, представляло одну изъ тѣхъ очаровательныхъ картинъ, отъ которыхъ трудно бываетъ оторваться и которыя на долго сохраняются въ памяти. Вотъ такія-то мѣста, такая природа, такое солнце и небо, съ прибавленіемъ чего-то специфическаго Кавказскаго, «ein

gewisses Etwas¹⁾, трудно передаваемого, и составляютъ тотъ источникъ привязанности на всю жизнь къ Кавказу, отъ которой несвободенъ никто изъ долго тамъ бывшихъ, и источникъ повсическаго настроенія, овладѣвавшего мало мальски развитымъ, не погрязшимъ въ исключительно-матеріальныя интересы человѣкомъ. Для меня все это усиливалось тѣмъ, что въ теченіе всей четверть-вѣковой Кавказской службы, судьба перебрасывала меня изъ одного угла въ другой, и я вполне насладился созерцаніемъ подобныхъ картинъ, во всемъ величественномъ разнообразіи этой благословенной страны: цвѣтущая долина Алазани и грозное ущелье Аргуна или Аварскаго Койсу; раздолье Прикубанской степи и сдавленные громадами скалъ долины Дагестана; покрытыя снѣгомъ вершины Борбало и другихъ великановъ Кавказскаго хребта, и богатая тропическою растительностію мѣстности Гуріи и Имеретіи. Какое разнообразіе, какое богатство, щедрою рукою разбросанное на относительно небольшомъ пространствѣ! Да, великъ Русскій Богъ, благословившій усилія наши овладѣть этимъ Кавказомъ; но и велики же прегрѣшенія наши предъ нимъ....

Однако я вовсе не у мѣста отвлекся...

На упомянутой выше высотѣ состоялось совѣщаніе между княземъ Барятинскимъ, Григоріемъ Дмитріевичемъ Орбеляни, вызванными изъ Дагестана (гдѣ онъ командовалъ войсками) и генераломъ Евдокимовымъ, при участіи барона Николаи. Разсуждали о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ въ этой части края и рѣшили занять Буртунайскія высоты²⁾, устроивъ тамъ штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка и проложивъ дорогу между Буртунаемъ чрезъ Аухъ въ Хасавъ-юртъ.

Затѣмъ, утоливъ возбужденный движеніемъ и живительнымъ горнымъ воздухомъ голодъ, мы двинулись обратно на ночлегъ въ Хасавъ-юртъ.

28 ч. чрезъ Шелководскую пріѣхали мы въ Червлонную, эту всѣмъ бывавшимъ во время оно на Кавказѣ извѣстную станцію, родину красавицъ-казачекъ и удалыхъ Гребенскихъ казаковъ, давшую матеріалъ для одного изъ лучшихъ произведеній графа Льва Толстаго «Казакъ». Все населеніе встрѣчало князя Барятинскаго какъ стараго знакомаго, часто прежде бывавшаго у нихъ, когда онъ командовалъ Кабардинскимъ полкомъ, и еще раньше, когда въ 1845 году

¹⁾ Извѣстное нечто.

²⁾ Извѣстныя съ 1844 г., когда ген. Нейдартъ и Лидерсъ съ огромнымъ корпусомъ войска не рѣшились атаковать Шамиля, устроившаго церемоніальное шествіе своихъ полчищъ!...

приважалъ участвовать въ экспедиціи въ Дарго. Весьма неравнодушный къ прекрасному полу, самъ красавецъ, богатый, щедрый, онъ, именно, былъ одинъ изъ тѣхъ «Московскихъ», которые всегда пользовались особымъ вниманіемъ Червленскихъ *мамукъ*. Неудивительно, поэтому, если теперь встрѣча его какъ главнокомандующаго сопровождалась самыми оживленными шумными казачьими оваціями: джигитовка, стрѣльба, подхватываніе красавицъ на коня, пѣсни, хороводы и проч. продолжались за полночь предъ домомъ полковаго командира барона Розена, у котораго остановился князь.

На другой день, въ Науръ, столицъ Моздокскихъ казаковъ, у ихъ командира Едлинскаго, о которомъ я уже столько разъ упоминалъ, встрѣча, кромѣ обычныхъ пріемовъ, разнообразилась толпою Калмыковъ и Ногайцевъ обоого пола, пріѣхавшихъ изъ степей и забавлявшихъ насъ своей оригинальной пляской подъ звуки—простой Русской гармоніи...

Поздно вечеромъ, подъѣзжая къ Моздоку, весь поѣздъ былъ остановленъ въ теченіи 10—15 минутъ. Было очень темно, и всѣ мы, вѣхавшіе сзади, терялись въ догадкахъ о причинѣ остановки, полагая, что случилась поломка экипажа. Я выскочилъ изъ тарантаса и побѣждалъ впередъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что какіе-то люди бросились чуть не подъ колеса княжескаго экипажа и подали ему прошеніе, сопровождаемое громкими рѣчами потатарски. Потребовавъ переводчика, князь спросилъ ихъ подробно о дѣлѣ и приказалъ имъ утромъ явиться въ Моздокъ.

Вѣхали мы въ городъ причемъ-то въ родѣ иллюминаціи, сопровождаемые бѣгущими вдоль улицы толпами и криками «ура».

Изъ свиты главнокомандующаго самымъ близкимъ лицомъ къ нему въ это время былъ генеральнаго штаба подполковникъ Дмитрій Ильичъ Романовскій, впоследствии Ташкентскій преемникъ Черниева, личность довольно извѣстная. Будучи еще молодымъ инженернымъ офицеромъ, Романовскій за дуэль былъ разжалованъ въ солдаты на Кавказъ, въ Кабардинскій полкъ, гдѣ, подобно большинству сосланныхъ, чуть ли не скорѣе выдвинулся по службѣ, чѣмъ оставаясь неразжалованнымъ гдѣ-нибудь внутри Россіи. Князь Барятинскій, командовавшій Кабардинскимъ полкомъ, весьма естественно не забывалъ старыхъ подчиненныхъ вообще, а выдававшихся въ какомъ-нибудь отношеніи въ особенности. Во время Восточной войны 1853—54 г. Романовскій былъ вытребованъ въ войска, дѣйствовавшія подъ Карсомъ, щедро награжденъ, возвратилъ себѣ всѣ прежнія преимущества, отправился въ Академію, вышелъ въ Генеральный Штабъ и назначенъ состоять въ распоряженіи Кавказскаго главнокомандующаго. Близости

къ столь всемогущему тогда князю Барятинскому, при наилучшемъ расположеніи Д. А. Милютинъ, считавшаго долгомъ вообще протектировать всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, давала Романовскому цѣльное право рассчитывать на самую блестящую карьеру; но, по пословицѣ: «чѣмъ ближе къ солнцу, тѣмъ болѣе жжется»,—произошло нѣчто совсѣмъ противное. Въ одинъ прекрасный день Романовскому объявляютъ, что князь желаетъ перевести его въ Ширванскій полкъ, вѣроятно съ цѣлью назначить впоследствии командиромъ полка. Совершенно озадаченный Дмитрій Ильичъ на отрывъ отказался отъ такого предложенія. Быть произведеннымъ въ полковники и прямо ѣхать принимать полкъ, это онъ, само собою, съ удовольствіемъ согласился бы исполнить; а оставаться подполковникомъ, командовать батальономъ, расположеннымъ гдѣ-нибудь въ глухомъ аулѣ Дагестана, послѣ блистательнаго положенія въ Тифлисѣ, гдѣ всѣ мѣстные тузы, всякихъ вѣдомствъ и ранговъ, оказывали ему особую атенцію,—уѣхать, да, чего добраго, быть забытымъ и остаться безъ полка,—нѣтъ, на это онъ не рѣшился... Князь же Барятинскій, въ свою очередь, былъ изъ тѣхъ отъ самаго рожденія избалованныхъ баръ, которые противурѣчія и прекословія ихъ волѣ не терпѣли: дѣлай что велятъ, не разсуждая, хотя бы касалось твоей будущности, и предоставь мнѣ остальное; а не хочешь, вонъ съ глазъ моихъ! Таковы взгляды у большинства нашихъ сильныхъ міра сего.

Когда Д. А. Милютинъ доложилъ, что Романовскій не соглашается на переводъ въ Ширванскій полкъ, ему велѣно было въ 24 часа уѣхать изъ Тифлиса. Помню, какъ всѣ тогда были озадачены: Романовскій, которому вчера все поклонялось, считая его за одно изъ восходящихъ свѣтилъ, вдругъ, неожиданно, въ отвратительное время (кажется въ Февралѣ 1858 г.), сѣлъ на перекладную и укакалъ въ Петербургъ!.. Всѣхъ занималъ вопросъ: былъ ли въ рѣшеніи князя Барятинскаго простой капризъ, или открылась въ чемъ нибудь вина Романовскаго и не позволилъ ли онъ себѣ выказывать гдѣ нибудь своего вліянія? Этого послѣдняго князь не простилъ бы ни за что...

Въ Петербургѣ Романовскому поручили редакцію «Русскаго Инвалида»; а за тѣмъ уже Д. А. Милютинъ двинулъ его и въ генералы, и на мѣсто Черняева въ Ташкентъ, и къ Георгію на шою, и въ свиту Его Величества; но какія-то темныя дѣла по интендантскимъ поставкамъ или что-то въ этомъ родѣ, о чемъ носились въ Петербургѣ слухи, переданныя въ высшія сферы графомъ В. Д., издѣлившимъ въ Ташкентъ для участія въ дѣлахъ противъ Туркменъ, опять прервали столь блистательно двинувшуюся карьеру Романовскаго. Онъ былъ отозванъ изъ Ташкента, нѣкоторое время занималъ мѣсто начальника штаба

Казанскаго округа, попалъ послѣ совсѣмъ въ опалу, жилъ въ Петербургѣ безъ всякаго дѣла, писалъ кое-что въ «Русской Старинѣ» и уѣхалъ на лѣто (кажется 1883 г.) въ Казань, тамъ заболѣлъ и *въ госпиталѣ* умеръ.

Д. И. Романовскій былъ человекъ съ большими способностями, и жалъ, что онѣ не были употреблены съ большою пользою. Писалъ онъ очень хорошо и хотя ему дѣлаетъ честь, что онъ, забывъ личныя отношенія, посвятилъ князю Барятинскому цѣлый панегирикъ въ Русской Старинѣ (1881 г. Февраль); но не совсѣмъ хорошо, что съ точки зрѣнія дѣйствительности этотъ панегирикъ грѣшитъ весьма сильно и что авторъ какъ-то преимущественно выдвинулъ въ немъ себя, такъ даже, что и вся статья выходитъ написанною какъ бы для возможности выставить себя пѣкоторымъ образомъ вліявшимъ на судьбы Кавказа... Къ этой статьѣ я надѣюсь вернуться, когда придется поподробнѣе говорить о намѣстничествѣ князя Барятинскаго.

IX.

Теперь возвращаюсь къ прерванному разсказу о путешествіи чрезъ Чечню до Моздока.

Утромъ 28 Апрѣля, предъ выѣздомъ изъ Хасавъ-юрта, потребовалъ меня къ себѣ Романовскій и отъ имени главнокомандующаго предложилъ написать статью для газеты «Кавказъ» о путешествіи по Лъвому крылу, съ тѣмъ чтобы по пріѣздѣ въ Моздокъ она была ночью готова и могла бы утромъ быть прочитана князю, а затѣмъ отослана въ Тифлисъ для напечатанія.

— Слушаю-съ.

Что-же другого штабсъ-капитанъ и могъ отвѣчать подполковнику, передающему приказанія главнокомандующаго?

Такимъ образомъ, когда въ Моздокъ, послѣ ужина, всѣ разошлись спать, я долженъ былъ сѣсть за работу и, утомленный непрерывными переѣздами, неудобствами безалаберной походной жизни, до 3-хъ часовъ утра строчилъ газетную корреспонденцію, въ извѣстномъ офиціозномъ тонѣ. Не успѣлъ я вздремнуть часа два, какъ меня разбудили.

— Пожалуйте къ главнокомандующему; пришелъ ординарецъ.

Что за притча? Неужели эта пустяшная статейка въ газету «Кавказъ» такъ его интересуетъ, что онъ въ 6-мъ часу утра требуетъ меня прямо, минуя Романовскаго, которому я долженъ былъ ее предварительно прочитать?

Нечего дѣлать. Вскочилъ, въ нѣсколько минутъ одѣлся, пробѣжалъ наскоро ночное писанье (которымъ остался крайне недоволенъ, какъ очевидно вымученнымъ наборомъ словъ) и отправился къ дому Моздокскаго Ротшильда, Армянина Улуханова (братъ жены Шамяля), гдѣ останавливался главнокомандующій. Доложили, и я тотчасъ былъ потребованъ.

Я уже готовъ былъ развернуть «сочиненіе» и начать читать, когда князь, своимъ особеннымъ, немного въ носъ, снисходительно-повелительнымъ тономъ, сказалъ мнѣ:

— Ночью подали мнѣ доносъ на все управленіе кочующими Ногайцами. Ихъ обираютъ, обкрадываютъ и притѣсняютъ. Я хочу знать, насколько все это справедливо и отправляю васъ теперь же туда, въ степь. Вы вѣдь знаете Татарскій языкъ, и вообще, я увѣренъ, вы отлично это исполните; потребуйте содѣйствія отъ командира Кизлярскаго казачьяго полка. Какъ только соберете всѣ свѣдѣнія, выѣзжайте и догоняйте меня гдѣ я буду—на Кубани, или на Лабѣ.

— Слушаю, ваше сіятельство; а статью для газеты прикажете передать подполковнику Романовскому?

— Да, передайте ему и скажите, чтобы въ Екатериноградѣ, гдѣ мы сегодня будемъ ночевать, прочиталъ мнѣ ее и отослалъ печатать.

Я поклонился и вышелъ, не чувствуя земли подъ собою...

Прежде всего побѣжалъ я къ генералу Евдокимову доложить о полученномъ приказаніи. Николай Ивановичъ выразилъ удовольствіе, что главнокомандующій обратилъ на меня вниманіе и, разрывая мнѣ отправляться по назначенію, потребовалъ, чтобы я написалъ ему о результатѣ моего дознанія.

Затѣмъ я передалъ Романовскому черновую статью для газеты, получилъ курьерскую подорожную и черезъ часъ уже мчался назадъ, внизъ по Тереку, окутанный облаками пыли, немилосердно встряхиваемый перекладною телѣгою, но весь погруженный въ соображенія—что выйдетъ изъ всей этой, неожиданной для меня, оказіи; погруженный въ разныя пріятныя мечтанія о повышеніяхъ, о возможности перевода въ Тифлисъ, въ число счастливицевъ, составляющихъ свиту главнокомандующаго, о переводѣ тѣмъ же чиномъ въ гвардію, и т. д. и т. д., чуть не до головокруженія... Дальше пошли воспоминанія о другомъ, не менѣе могущественномъ властителѣ Кавказа, князѣ Воронцовѣ, который также меня, маленькаго чиновника, замѣтилъ, отличилъ, давалъ порученія и вѣроятно двинулъ бы выше по службѣ, еслибы не интриги, зависть и обычныя людскія слабости. Мысли толпились массою, перепутываясь то догадками о предстоящемъ, то

вспоминаніями о минувшемъ, то дѣломъ Ногайцевъ. Наконецъ безсонная ночь, утомленіе и все это недавнее возбужденіе произвели свое дѣйствіе: глаза слипались, какое-то мучительное состояніе не сна, не дремоты, а горячечнаго полузабвенія, чуть не галлюцинаціи, охватили меня; слышался мнѣ только уныло-монотонный звукъ колокольчика, да зрѣдка какой-нибудь возгласъ ямщика-Ногайца, гнавшаго лошадей скачь. Науръ, Червленая, Щедринъ, все это почти промелькнуло мимо меня; я машинально перелѣзалъ изъ телѣги въ телѣгу и чрезъ нѣсколько версты отъ станицы уже опять впадалъ въ то же состояніе...

Къ вечеру я добрался до Каргалинки, къ командиру Кизлярскаго казачьяго полка, полковнику Суходольскому, у котораго и остался ночевать, передавъ ему просьбу приготовить къ утру переводчика и лошадей до перваго Ногайскаго кочевья.

Изъ пребыванія въ станицѣ Каргалинской я помню только, что Суходольскій (котораго я, впрочемъ, встрѣчалъ уже прежде въ Грозной) показался мнѣ столько же похожимъ на командира казачьяго полка, сколько деревенскій пономарь похожъ на кавалергарда... Съ виду — скорѣе всего какой-нибудь непримѣнный засѣдатель нижняго земскаго суда, а по взглядамъ на дѣла вообще и отношенія къ начальству особенно — человекъ вполне «временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма», которому слѣдовало сидѣть совѣтникомъ какой-нибудь палаты, въ вицъ-мундирѣ съ бархатнымъ воротникомъ, а не ходить дѣйствительнымъ въ черкеску, съ кинжаломъ на поясѣ, и полкомъ командовать... Въ Грозной былъ саперный офицеръ Давыденко, человекъ съ нѣкоторымъ запасомъ остроумія и «злющій на языкъ», такъ онъ Суходольскаго, пріѣхавшаго въ отрядъ за наградой, прозвалъ «Мурликинъ чудотворцемъ», — что всѣхъ очень разсмѣшило. Теперь однако никакъ не могу сообразить и объяснить, что тутъ было смѣшнаго и остроумнаго.) Но дѣло не въ этомъ. Господинъ Суходольскій, которому я изсказалъ сущность даннаго мнѣ порученія, весьма замѣтно принялъ горюну Ногайскаго начальства и старался выразить мнѣ, что все это преувеличенія, кляузы, что Ногайцы никогда не пропускаютъ случая жаловаться на своихъ приставовъ, и т. п.; что онъ, какъ ближайшій сосѣдь, знаетъ всѣхъ этихъ чиновниковъ и не думаетъ, чтобы они себя позволили что-нибудь подобное и, вѣроятно, я самъ, познакомившись съ ними, приду къ тому же заключенію. Я отвѣчалъ, что былъ бы очень радъ возможности донести главнокомандующему о ложности жалобы, но что буду совершенно безпристрастенъ и постараюсь добиться правды.

Проведя безпокойную ночь, благодаря неугомоннымъ комарамъ, которыхъ здѣсь, въ низовьяхъ Терека, міриады, я всталъ очень рано

и послѣ чая, усѣвшись на перекладную съ двумя урядниками, знавшими хорошо языкъ Ногайцевъ, уѣхалъ въ степь.

Въ концѣ Апрѣля степь еще не успѣваетъ выгорѣть и потому не наводила обычной тоски и унынія; запахъ травъ, мяты и еще какихъ-то пряныхъ растений пріятно щекоталъ обоняніе; дышалось легко, и аппетитъ возбуждался скоро. Дорожка пролежала малозамѣтной колеей; кое-гдѣ въ сторонѣ видѣлись войлочные кибитки, паслись косяки лошадей; на песчаномъ бурханѣ стоялъ оборванный Ногаецъ-пастухъ, пристально вглядывавшійся своими узкими Монгольскими глазами въ необычное явленіе—тройку съ Русскими сѣдоками; кое-гдѣ, испуганный колокольчикомъ, взлеталъ сѣробѣлый стрепетъ, мгновенно опять падая въ траву; высоко подъ синимъ сводомъ неба, едва замѣтной точкой, плавно описывалъ круги орелъ; солнце начинало припекать. на горизонтѣ все скрывалось за какой-то синевато-сѣрой дымкой...

Вотъ впечатлѣнія, сохранившіяся до сихъ поръ въ моей памяти объ этой поѣздкѣ по степи, не той степи, роскошной, цвѣтущей и благоухающей, которою такъ восхищался Гоголь, а Ногайской, составляющей вступленіе въ Среднеазіатскія безводныя пустыни, съ ихъ сыпучими песками, ностерпимымъ зноемъ и всѣми муками для путника.

Около полудня пріѣхалъ я къ ставкѣ пристава, состоявшей изъ одного небольшого деревяннаго дома, двухъ-трехъ небольшихъ флагелъ и духана, единственныхъ представителей Европейской осѣдлости среди обширнаго кочеваго населенія. Весь этотъ административный штабъ носитъ названіе Терекли-Мектепъ. Самъ приставъ, маіоръ Затрапезный, очевидно былъ уже приготовленъ къ надвигавшейся грозѣ. Онъ вѣроятно зналъ, что Ногайцы рѣшились жаловаться намѣстнику, а можетъ быть изъ Моздока кратчайшимъ путемъ, или даже изъ Каргалинки ночью ему поспѣшили дать знать о моемъ пріѣздѣ. Я засталъ его, повидимому, совершенно спокойнымъ; на мое заявленіе о причинѣ пріѣзда онъ сказалъ, что все это затѣя нѣсколькихъ негодяевъ Ногайцевъ, которыхъ онъ смѣнилъ съ должностей старшинъ за притѣсненія ближайшихъ людей; что въ ихъ жалобѣ нѣтъ ни слова правды, что я могу убѣдиться въ этомъ, разсмотрѣвъ всѣ дѣла его управленія и т. д. Затѣмъ послѣдовало приглашеніе къ обѣду, отъ котораго я отказаться не могъ, не только, чтобы не оскорблять отказомъ, но и потому, что въ такихъ мѣстахъ если не обѣдать у мѣстнаго начальства, значитъ въ буквальномъ смыслѣ голодать: ни за какія деньги ничего достать нельзя. Я попросилъ только разбить мнѣ подальше въ сторонѣ кибитку, ссылаясь на духоту ночью въ комнатѣ; въ сущности же я хотѣлъ избавить и себя, и особенно Ногайцевъ, являющихся ко мнѣ, отъ постоянного надзора и подслушива-

нія. Г-нъ Затрапезный очень уговаривалъ меня оставаться у него, гдѣ все хорошо устроено, въ ѳкнахъ и сѣтки, и ставни, а въ кибиткѣ будетъ-де не менѣе душно, и скорпіоны попадаютъ, вообще весьма неудобно; но я остался при своемъ, и послѣ обѣда, верстахъ въ двухъ отъ ставки, мнѣ разбили кибитку, куда я и перевелъ свою резиденцію. Помѣщеніе оказалось прекрасное, просторное; воздухъ отличный: спалось въ немъ такъ, что, безъ сомнѣнія, позавидовалъ бы обладатель роскошнѣйшей спальни въ любомъ дворцѣ.

Благодаря случайному совпаденію моего пріѣзда съ временемъ выбора старшинъ и рѣшенія разныхъ общественныхъ дѣлъ, я недолго ожидалъ прибытія вызванныхъ мною представителей Караногайскаго племени. Дня черезъ два мою кибитку уже окружали нѣсколько сотъ человѣкъ самыхъ типичныхъ Ногайскихъ субъектовъ, тучныхъ, съ лоснящимися лицами, насквозь пропитанныхъ бараньимъ жиромъ, распространяющихъ кругомъ себя особенный, однимъ кочевникамъ лишь свойственный, запахъ.

До ихъ пріѣзда я перечиталъ множество разныхъ дѣлъ и переписокъ приставскаго управленія, да въ сопровожденіи урядниковъ побывалъ въ ближайшихъ, по степи разбросанныхъ, кибиткахъ, разспрашивая о житьѣ-бытьѣ и разныхъ дѣлахъ, въ связи съ занимавшими и меня вопросами. Знаніе Татарскаго языка много облегчало мнѣ сношенія со всякими Кавказскими туземцами; но Ногайцы говорятъ такимъ особымъ нарѣчіемъ, что, безъ помощи казачьихъ урядниковъ я бы многого не понималъ, хотя меня Ногайцы большею частью хорошо понимали.

Результатомъ моего дознанія было полное убѣжденіе въ справедливости жалобъ, и уже на третій день я замѣтилъ въ маіорѣ Затрапезномъ совершенную перемену: онъ не могъ скрыть озлобченности и безпокойства, пересталъ увѣрять меня въ томъ, что это затѣи двухъ-трехъ человѣкъ, а не всего народа, и я видѣлъ, какъ къ нему по двое, по трое безпрестанно призывались тучнѣйшіе, т. е. богатѣйшіе и почетнѣйшіе изъ Ногаевъ. Бывшіе со мною урядники очевидно были недовольны такимъ исходомъ дѣла и старались увѣрять меня, что это-де все народъ кляузный, что они все врутъ и проч., даже иногда рѣшались переводить не совсѣмъ вѣрно, что я однако замѣчалъ и тутъ же обнаруживалъ. Было ли то простое желаніе держать сторону Русскаго человѣка противъ Азіятовъ, или исполненіе чьихъ-либо наставленій, сказать трудно.

Удивительно какъ у насъ вездѣ, по всей Россіи, всосалось это стремленіе не обнаруживать злоупотребленій, прикрыть, оправдать берущихъ и, напротивъ, выставить на растерзаніе жалобщика, донос-

чика. Ужъ, кажется, сколько переносъ народъ отъ всѣхъ этихъ земскихъ ярыгъ, воеводъ, дьяковъ, подъячихъ, всякаго рода приказныхъ, полицейскихъ, судейскихъ и иныхъ, имя же имъ легіонъ, да не одинъ простой народъ въ селахъ, а всѣ вообще, и горожане, торговые люди, и казаки отъ своихъ доморощенныхъ пьявицъ, и духовные отъ консисторій, однимъ словомъ всѣ стороны,—между тѣмъ какъ дойдетъ до разбора, въ девяти случаяхъ изъ десяти примутъ сторону обвиняемаго и постараются его оправдать. Сколько еще и въ новѣйшее время было оглашено дѣлъ о злоупотребленіяхъ уѣздныхъ полицейскихъ и т. п. господъ и почти всѣ присяжными оправданы. Чему приписать такой взглядъ Русскаго народа на взяточничество? Вѣроятно тысячелѣтней привычкѣ и полному убѣжденію, что начальство на то-де и существуетъ, чтобы брать... И еще слава Богу коли по божески беретъ, не послѣднюю шкуру сдираетъ и, взявши, хоть дѣло сдѣлаетъ!

«Кто Богу негрѣшенъ, Царю невиновать?» Тутъ и выразилось все міровоззрѣніе на взяточничество.

Такимъ образомъ, съ одной стороны сами служащіе всегда готовы были поддерживать своихъ попавшихся сочленовъ (что, впрочемъ, и естественно), съ другой стороны прямое начальство тоже считало какъ бы святою обязанностью прикрыть и защитить своихъ подчиненныхъ, особенно обвиняемыхъ помимо прямого начальства, задѣтаго этимъ въ самолюбіи, съ третьей стороны народъ благодушно къ обвиняемымъ относился, какъ вообще въ большинствѣ онъ относится къ *«лежащему»*, и, прощая обиды, показывалъ въ ихъ пользу... Спрашивается, что удивительнаго, если наказаніе рѣдко постигало виновныхъ, зло продолжало практиковаться, и отъ вкоренившихся порядковъ отвыкаютъ съ такимъ трудомъ и отвыкаютъ еще только въ болѣе видныхъ центрахъ; тамъ же, вдали, въ Сибири или на другихъ окраинахъ, по видимому, и не начали отвыкать...

Исполнивъ данное мнѣ порученіе и составивъ тутъ же донесеніе главнокомандующему, я распрощался съ Терекли-Мектепомъ, съ Караногайцами, съ бараниной—единственной пищей въ теченіи нѣсколькихъ дней (отъ которой мнѣ просто претить стало), отправилъ урядниковъ къ г. Суходольскому съ благодарственнымъ письмомъ и, усѣвши въ любезно предложенный мнѣ г. Затрапезнымъ тарантасъ, 9 Мая уѣхалъ напрямикъ, степью, въ Моздокъ, откуда на курьерскихъ поскакалъ дальше, чрезъ Ставрополь, на Кубань, гдѣ рассчитывалъ встрѣтить князя Барятинскаго.

Вотъ подлинное мое донесеніе.

По волѣ вашего сіятельства, я былъ командированъ въ Караногайскія степи, для дознанія истины доноса, сдѣланнаго Ногайцемъ Эліасомъ

Аджіевымъ, о злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ, чинимыхъ народу приставамъ маіоромъ Затрапезнымъ.

По заведенному обычаю, въ началѣ Мая мѣсяца каждаго года Караногайцы собираются въ Терекли-Мектепъ (приставскій станъ) для выбора головъ, старшинъ и другихъ должностныхъ лицъ, а равно для рѣшенія всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, я имѣлъ случай видѣть весь почти Караногайскій народъ и узнать степень справедливости доноса Эліаса Аджіева.

На всѣ мои вопросы, самые почетные Ногайцы и весь собравшійся народъ единогласно объявили, что показаніе Эліаса не только совершенно справедливо, но не заключаетъ еще и 5-й доли тѣхъ жестокихъ злоупотребленій, которыя дѣлаютъ пристава—подполковникъ Шейхъ-Али и маіоръ Затрапезный, а также ихъ помощники, переводчики и даже писаря.

Подъ предлогомъ отыскиванія корчемной соли, съ Ногайцевъ берутъ штрафы по 200 и болѣе рублей, смотря по состоянію; ко мнѣ являлось до 10 человекъ, со слезами на глазахъ объявлявшихъ объ этихъ поборахъ. По жалобамъ нѣкоторыхъ, заведены приставамъ, для соблюденія формальности, слѣдственные дѣла; но этимъ порядкомъ, само собою, удовлетворенія никто не получаетъ. Вообще, какъ видно было изъ жалобъ Ногайцевъ, они дѣйствительно до крайности стѣснены дѣйствіями корчемной стражи солянаго откупа, потворствуемой мѣстными властями.

Что касается поборовъ, дѣлаемыхъ за кочеваніе на Кумъ, въ дачахъ спорныхъ съ Калмыками, всѣ подтвердили показаніе Эліаса.—Тоже самое сказали Ногайцы и въ отношеніи притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ на ярмаркахъ и въ отношеніи сбора съ нихъ приставомъ въ свою пользу овецъ, лошадей и скота. Кромѣ маіора Затрапезнаго, дѣлаютъ это и помощникъ его Чхейдзе, и переводчики какъ его, такъ и главнаго пристава, и даже отъ ихъ имени торгующій при ставкѣ Армянинъ Григорій Аслановъ, принимающій, сколько я могъ замѣтить, весьма дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія. У всѣхъ этихъ лицъ на Караногайской степи пасутся табуны и стада, слишкомъ убѣдительно доказывающіе истину.

Выборы должностныхъ лицъ дѣлаются тоже подъ вліяніемъ приставовъ; избираются всегда люди состоятельные, платящіе за это значительныя суммы, пополняемыя послѣ жестокими поборами съ бѣднаго народа.

Однимъ словомъ, показаніе Эліаса Аджіева было подтверждено всѣмъ обществомъ, которое не только не порочило его поведенія, но объявило, что именно за его смѣлыя и откровенныя слова противу притѣсненій мѣстныхъ начальствъ, онъ несправедливо подвергается разнымъ угнетеніямъ и приговоренъ, по настоянію пристава, къ выселенію изъ общества.

Кромѣ обстоятельствъ, изложенныхъ въ представляемомъ при семъ показаніи Эліаса, общество подало мнѣ бумагу (у сего прилагаемую) съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ злоупотребленій. Здѣсь открылось одно новое, весьма важное обстоятельство. Съ нихъ собираютъ ежегодно по *семи тысячъ* руб. сер. на содержаніе въ 4-хъ пунктахъ 120 подставныхъ лошадей, для развѣздовъ пристава, его помощника, переводчиковъ и разсыльныхъ. Не смотря на такой огромный общественный сборъ, при развѣздахъ этихъ лицъ, у Ногайцевъ ловятъ въ табунахъ лошадей, гоняютъ ихъ на большое разстояніе, по неизвѣстнымъ имъ надобностямъ, не только безъ всякой за то платы, но даже безъ удовлетворенія за павшихъ или испорченныхъ лошадей.

Почтительнѣйше донося обо всемъ этомъ вашему сіятельству, считаю долгомъ доложить, что строгое формальное изслѣдованіе можетъ открыть всѣ подробности тѣхъ злоупотребленій и притѣсненій, на которыя Ногайцы,

жалуются. Безъ этого конечно, трудно удостовѣрить ихъ справедливость; но смѣю сказать, что столь единодушныя жалобы болѣе 600 человекъ, съ которыми я говорилъ, едва ли могутъ бросать еще тѣнь сомнѣнія на ихъ истину, въ особенности если принять въ соображеніе, что приставъ получаетъ въ годъ содержанія 300 р., а издерживаетъ на одну канцелярію свою, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, до *двухъ тысячъ* рубл. сер. въ годъ.

При всей боязни мщенія со стороны мѣстныхъ властей, Ногайцы, только въ надеждѣ на защиту правительства и устраненіе злоупотребленій на будущее время, рѣшились объявлять свое настоящее положеніе, громко выражая неудовольствіе на приставовъ, которые сами дѣлаютъ злоупотребленія и потворствуютъ въ этомъ случаѣ своимъ помощникамъ и переводчикамъ-Армянамъ, поселившимся въ степи, съ видимою цѣлью наживаться.

№ 135.

9 Мая 1857 года

Терекли-Мектешъ.

Проскакавъ по адской дорогѣ, устланной камнями сухой грязью, ухабами, рытвинами и всѣми прелестями нашихъ грунтовыхъ дорогъ болѣе 500 верстъ, я на другой день ночью пріѣхалъ въ Усть-Лабу, гдѣ отъ смотрителя почтовой станціи узналъ, что главнокомандующаго ожидаютъ утромъ въ штабъ-квартирѣ Ставропольскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ старой крѣпости, верстахъ въ трехъ отъ станціи.

Воспользовавшись оставшимися до утра нѣсколькими часами, я легъ на столъ и проспалъ какъ убитый до 7 часовъ; затѣмъ, пересодѣвшись по формѣ, отправился въ полковой штабъ и представился полковому командиру полковнику Моренцу (котораго встрѣчалъ когда-то въ Воронцовскія времена въ Тифлисѣ, гдѣ онъ служилъ въ корпусномъ штабѣ), суетившемуся у почетнаго караула.

Часовъ въ 11 со стороны Екатеринодара появился поѣздъ, сопровождаемый нѣсколькими сотнями Черноморскихъ казаковъ. Князь Барятинскій, выйдя изъ коляски, осмотрѣлъ почетный караулъ, составленный изъ видныхъ, отлично одѣтыхъ людей, маршировавшихъ превосходно; но—нашего «лѣвофланговаго», т.-е. Кабардинскаго шику, этой своеобразной молодцоватости, воинственности, этой массы Георгиевъ на груди, здѣсь не было. Самое «здравіа желаемъ, ваше сіятельство» и ура были вовсе не то, что раздавалось у насъ, въ Чечнѣ...

Обойдя всѣхъ выстроившихся офицеровъ, князь на самомъ концѣ вдругъ замѣтилъ меня.

— Какъ, вы уже здѣсь?

«Точно такъ, ночью пріѣхалъ».

— Исполнили порученіе?

«Исполнилъ ваше сіятельство».

— Ну, пойдомте, разскажитсѣ, въ чемъ дѣло.

Войдя вслѣдъ за княземъ и свитой въ залу дома полковаго командира, я въ числѣ разныхъ лицъ замѣтилъ совершенно незнакомаго мнѣ генерала въ свѣтскомъ мундирѣ. На вопросъ мой, обращенный къ адъютанту главнокомандующаго князю Гр. Грузинскому—кто этотъ генералъ, онъ отвѣчалъ: начальникъ главнаго штаба Милютинъ (Дмитрій Алексѣевичъ ѣхалъ тогда изъ Петербурга къ своей должности въ Тифлисъ, встрѣтилъ князя Барятинскаго между Моздокомъ и Ставрополемъ и присоединился къ поѣзду). Я давно съ особымъ уваженіемъ относился къ извѣстному автору знаменитой «Исторіи войны 1799 г. въ Италіи» и потому съ понятнымъ вниманіемъ разсматривалъ нашего новаго начальника штаба, произведшаго на меня самое пріятное впечатлѣніе совершеннымъ отсутствіемъ того особеннаго «генеральства», которымъ отличается большинство превосходительствъ.

Князь Барятинскій, обратясь къ Дмитрію Алексѣевичу, сказалъ: «вотъ капитанъ З., котораго я посылаю въ Ногайскія степи съ особымъ порученіемъ».

— Очень радъ познакомиться, сказалъ Д. А., подавая мнѣ руку. Въ чемъ заключалось ваше порученіе?

Въ залѣ было много постороннихъ лицъ, и потому я ограничился краткимъ отвѣтомъ, что нужно было удостовѣриться въ справедливости жалобы, поданной князю на мѣстное управленіе и что у меня приготовленъ письменный докладъ.

Дмитрій Алексѣевичъ доложилъ главнокомандующему, что такъ какъ сейчасъ нужно садиться за завтракъ, а послѣ спѣшить выѣздомъ въ станицу Темнискую, чтобы доѣхать за свѣтло, то не прикажетъ ли онъ мнѣ ѣхать туда же и вечеромъ сдѣлать подробный докладъ? Князь согласился и тутъ же отдалъ приказаніе полковнику Моренцу позаботиться объ моемъ путешествіи.

Такимъ образомъ, я совершенно неожиданно очутился въ поѣздѣ главнокомандующаго на Правомъ крылѣ Кавказской линіи.

Переѣхавъ чрезъ Кубань на паромъ, мы не вдалекѣ были встрѣчены командиромъ Лабинской казачьей бригады генераль-майоромъ Войццкимъ, и съ этого пункта началось торжественное шествіе.... Г. Войццкій оказался мастеромъ, предъ которымъ наши встрѣчи на Лѣвомъ крылѣ являлись весьма мизерными: нѣсколько сотенъ казаковъ гарцовали и джигитовали всю дорогу; въ станицахъ раздавался колокольный звонъ и пушечная пальба; толпы бабъ и дѣвокъ бѣжали впереди и рядомъ съ экипажемъ князя, усыпая путь цѣлыми массами зелени и полевыхъ цвѣтовъ; ура гремѣло, не смолкая!...

Въ станицѣ Тенгинской, гдѣ не оказалось ни одного такого обшпирнаго помѣщенія, въ которомъ можно было бы усадить всѣхъ обѣдать, устроили родъ навѣса изъ вѣтвей съ зеленью и угостили обѣдомъ на славу. Шампанское лилось рѣкою, самыя дорогія вина, тончайшія яства и проч. подавались въ изобиліи. Кругомъ толпились казаки, казачки, солдаты; все это кричало ура; шумъ, выстрѣлы, музыка.... Послѣ обѣда князь ушелъ въ домикъ, гдѣ былъ устроенъ его ночлегъ; толпа окружила и это мѣсто, продолжая свои возгласы. Стоило князю подняться со стула, чѣмъ сейчасъ замѣчалось въ окна, раздавалось безконечное ура! такъ что наконецъ послѣдовало рѣшительное приказаніе удалить толпу и водворить тишину. Не думаю, чтобы былъ тогда хоть одинъ человѣкъ, не исключая, конечно, самого князя Барягинскаго, который бы не видѣлъ всей искусственности этихъ якобы народныхъ восторговъ....

Часу въ девятомъ вечера потребовали меня къ главнокомандующему и, въ присутствіи Д. А. Милютина, я послѣ нѣсколькихъ словесныхъ объясненій, прочиталъ вышеприведенное донесеніе.

— Что же вы полагаете нужнымъ сдѣлать? спросилъ меня князь.

«Полагаю, ваше сіятельство, что необходимо назначить формальное слѣдствіе, поручивъ его особой комиссіи изъ лицъ, которыхъ вамъ угодно будетъ назначить, а между тѣмъ устранить приставовъ отъ должностей; потому что пока они на своихъ мѣстахъ, Ногайцы будутъ опасаться давать правдивыя показанія».

— Не слишкомъ ли это строго будетъ?

«Я только осмѣлился выразить мое мнѣніе, полагая, что это въ интересѣ открытія истины».

— Кого же бы намъ назначить въ слѣдственную комиссію? Не поручить ли предсѣдательство командиру Кизлярскаго полка Суходольскому, какъ ближайшему сосѣду?

«Какъ будетъ угодно вашему сіятельству. А быть можетъ предоставить назначеніе Ставропольскому губернатору, которому Ногайское управленіе подчиняется, прибавивъ жандармскаго штабъ-офицера?»

— Хорошо; сдѣлайте на своемъ рапортѣ надпись, что я поручаю Ставропольскому губернатору назначить слѣдствіе, съ участіемъ жандармскаго штабъ-офицера, и полагалъ бы предсѣдателемъ комиссіи назначить полковника Суходольскаго, устранивъ между гѣмъ приставовъ отъ должностей.

Когда надпись была сдѣлана и княземъ тутъ же подписана, онъ приказалъ мнѣ на другой же день ѣхать въ Ставрополь, передать дѣло губернатору, объяснить ему словесно подробности и затѣмъ

виться въ Пятигорскъ, куда князь Барятинскій намѣренъ былъ прийти изъ-за Лабы, послѣ осмотра Майкопа и другихъ пунктовъ, предназначенныхъ къ занятію войсками.

На другое утро, предъ выѣздомъ изъ Тенгинской, главнокомандующій принималъ лицъ, возвращавшихся въ Усть-Лабу; въ числѣ ихъ представлялся и я. Князь очень любезно подалъ мнѣ руку, поблагодарилъ за исполненіе порученія и прибавилъ: «такъ я васъ увижу въ Пятигорскѣ».

Вскорѣ Тенгинская опустѣла, и только валявшіеся на площади пыленные вѣтки, цвѣты, вѣтки напоминали о шумномъ торжествѣ; все мѣстное начальство, торчавшее цѣлые сутки на вытяжку на всѣхъ углахъ, вдругъ исчезло, и я, едва-едва, послѣ настойчивыхъ требованій, добился, чтобы привели мнѣ лошадей. Черезъ Вознесенскую и Тенгирговскую до Тифлисской пробрался я безъ всякаго конвоя благополучно, хотя въ послѣднюю пріѣхалъ уже почти ночью. Къ утру я былъ въ Ставрополѣ.

Ставропольскимъ губернаторомъ былъ тогда Петръ Александровичъ Брянчаниновъ (братъ извѣстнаго архіепископа Игнатія), человекъ умный, образованный, серьезный. Я объяснилъ ему подробно всю суть дѣла, передалъ мой рапортъ съ резолюціею намѣстника и получилъ отъ него заявленіе, что онъ немедленно назначить слѣдственную комиссію, согласно желанію князя, подъ предсѣдательствомъ полковника Суходольскаго *).

У г. Брянчанинова я встрѣтился съ Г. К. Властовымъ, бывшимъ Кабардинцемъ, бросившимъ почему-то военную службу и въ чинѣ надворнаго совѣтника назначеннымъ для особыхъ порученій къ намѣстнику. Въ Ставрополѣ Г. К. Властовъ пріѣзжалъ тогда по какому-то слѣдственному дѣлу, касавшемуся права на рыбныя ловли въ низовьяхъ Терека, или на какія-то спорныя земли между казаками и Кумыкскими князьями. Мы были знакомы съ 1855 года, когда я пріѣзжалъ въ укр. Куринское разслѣдовать злоупотребленія при раздачѣ провіанта мирнымъ Чеченцамъ (о чемъ разсказано во II-мъ томѣ), а Властовъ командовалъ тамъ 2-мъ батальономъ Кабардинскаго полка.

Разговорившись о моемъ Ногайскомъ порученіи и приказаніи князя явиться въ Пятигорскъ, мы условились ѣхать туда вмѣстѣ, что для меня вдвойнѣ было пріятно: во первыхъ, Георгій Константиновичъ Властовъ прекрасный человекъ и пріятный собесѣдникъ; во вто-

---

*) Кажется, благодаря этому предсѣдательству, слѣдствіе приняло такое направленіе, что результатовъ почти никакихъ не послѣдовало. Тогда только я вспомнилъ, какъ г. С., при нашемъ свиданіи, уже заявлялъ свои симпатіи къ Ногайскимъ администраторамъ...

рыхъ, у него былъ тарантасъ, и я, такимъ образомъ, избавлялся хоть на нѣкоторое разстояніе отъ инструмента пытки, называемаго «перекладною».

Въ Пятигорскѣ мы узнали, что князь Барятинскій наканунѣ прибылъ въ Кисловодскъ, гдѣ намѣренъ былъ остаться дня два. Поэтому мы тотчасъ же поѣхали туда и часу въ пятомъ представились князю, жившему въ домѣ Реброва, гдѣ всегда и князь Воронцовъ останавливался; это извѣстный домъ, описанный Лермонтовымъ въ «Герое нашего времени», нынѣ развалины.

Принять я былъ княземъ опять самымъ внимательнымъ образомъ; подробный докладъ о передачѣ дѣла губернатору и проч. вызвалъ благодарность.

На другой день главнокомандующій выѣхалъ въ Пятигорскъ, гдѣ ему давали обѣдъ, а вечеромъ, при живописнѣйшей иллюминаціи въ Елисаветинской галереѣ, былъ танцевальный вечеръ. Видъ оттуда, ночью, на вырисовывавшіяся рѣзкими очерками горы и у подножіи мерцавшіе огни дѣйствительно былъ прекрасенъ.

Въ Пятигорскѣ мы застали и генерала Евдокимова. Князь Барятинскій выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Владикавказъ чрезъ Налчикъ, т. е. чрезъ Кабарду; а большинству свиты, въ томъ числѣ и мнѣ, приказано было ѣхать почтовой дорогой, чтобы не встрѣтилось въ одномъ направленіи недостатка въ лошадяхъ.

Изъ Владикавказа, послѣ ночлега, главнокомандующій уѣхалъ въ Тифлисъ, а мы возвратились въ Грозную къ обычнымъ занятіямъ и дѣламъ, нарушеннымъ для меня такими неожиданными приключеніями.

(Продолженіе будетъ).

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Л. Зиссермана *).

Х.

По возвращеніи въ Грозную, я нашелъ у себя письмо Фадѣева отъ 28-го Апрѣля. Вотъ что писалъ онъ мнѣ, между прочимъ:

«Въ послѣднее время у васъ была великая *томиша* **) по случаю проѣзда князя и, должно быть, этотъ проѣздъ былъ не только церемонный, а еще болѣе политическій. Вѣроятно у князя было съ Евдокимовымъ довольно раціональное объясненіе; я узнаю подробности его по возвращеніи князя; но въ ожиданіи, если вы знаете что нибудь, скажите нѣсколько словъ: это останется при мнѣ, и я вамъ скажу тогда въ свою очередь одно слово о грядущемъ Лѣваго крыла».

«Пишу къ вамъ объ дѣлѣ. Я говорилъ о васъ нѣсколько разъ начальнику штаба (Д. А. Милютину), и онъ заочно васъ довольно знаетъ и проситъ вашего содѣйствія въ одномъ дѣлѣ, занимающемъ теперь начальство. Иностранная газеты, особенно *Journal de Constantinople*, врутъ о Кавказѣ немилосердно, такъ что вывели изъ терпѣнія не только Кавказское начальство, но и правительство. Я перебранивался нѣсколько разъ съ послѣднею газетою пофранцузски, но она нейдетъ, а только разругала меня въ послѣднихъ нумерахъ и взвела разную клевету на моихъ предковъ».

«Противъ вранья иностранныхъ газетъ, весьма вреднаго для насъ, еще болѣе непріятнаго Барятинскому, есть только одно средство — публичность, и публичность не только ограниченная нѣсколькими интересными событіями, но такая, въ которой бы обнаруживалась въ полной связи совокупность нашихъ дѣйствій; тогда въ дѣйствительномъ ходѣ дѣла не останется мѣста, гдѣ бы иностранные безстыдные враги могли прссунуть свои рассказы о проигрываемыхъ нами здѣсь генеральныхъ сраженіяхъ и прочіе вздоры. Въ этомъ смыслѣ было на дняхъ и высочайшее повелѣніе. Государю угодно, чтобы наши дѣйствія обстоятельно публиковались въ «Кавказѣ» и «Инвалидѣ», и потомъ изъ нихъ дѣлалась бы сокращенная, но никакъ не голая, а по возможности интересная выборка, сводъ для Бельгійской газеты

*) См. выше, стр. 273.

**) *Томиша* — у Грузинъ и Татаръ игра, торжество, сунатоха, смотря по смыслу рѣчи. Русскіе на Кавказѣ часто употребляли это, какъ и нѣкоторые другіе туземныя слова, когда хотѣли придать словамъ мѣстный колоритъ.

le Nord. Статьи, цѣликомъ назначенныя въ эту газету, съ подписью сочинителя, если онъ желаетъ, будутъ переведены и отосланы туда. Такое предположеніе было уже обсуждено здѣсь и получило, наконецъ, силу по высочайшей волѣ. Князя уже не было, когда пришла бумага, и Милютинъ призвалъ меня на совѣщаніе. Я ему сказалъ, что писанье въ Тифлисѣ, извлекаемое изъ однихъ матеріаловъ, никогда не будетъ имѣть достаточной живости, чтобы возбудить интересъ иностранныхъ читателей, для которыхъ домашняя, семейная сторона Кавказа гораздо любопытнѣе официальной; въ Тифлисѣ можно писать только статьи политическія и общія. Разумѣется, чрезъ такую публикацію возрастетъ интересъ «Кавказа» (газеты) и придастся ему важность, которой онъ теперь не имѣетъ. Для этого и назначены ему средства, и труды сотрудниковъ (извините за плеоназмъ) будутъ достаточно вознаграждаемы. Кромѣ того, князь сказалъ мнѣ самъ, что онъ обратитъ особенное вниманіе на людей, которые примутъ въ этомъ дѣлѣ настоящее участіе, разумѣется, когда эти люди въ состояніи выполнить задачу; а теперь, когда должно было уже рѣшиться неоткладывая, начальникъ штаба поручилъ мнѣ списаться съ сотрудниками, которыхъ можно найти на Кавказѣ, по крайней мѣрѣ по одному на каждый отдѣльный край; я сказалъ ему, что вы хорошо знаете лѣвое крыло и Дагестанъ и что я прежде съ вами посовѣтуюсь, а потомъ доложу ему. Онъ поручилъ мнѣ попросить васъ объ этомъ отъ его имени. Теперь дѣло вотъ въ чемъ. Надо имѣть сотрудниковъ для официальныхъ статей, печатаемыхъ по волѣ главнокомандующаго, на 5 пунктахъ, по дѣленію Кавказа. Объ лѣвомъ крылѣ вы возьметесь писать сами, за что вамъ будутъ очень благодарны, а газета будетъ вамъ выплачивать аккуратно деньги; это дѣло уже не редактора, а начальства, и цензуры не будетъ, кромѣ начальника главнаго штаба. Статьи вы можете писать по благоусмотрѣнію, когда есть что сказать, по одной въ мѣсяцъ или два. Въ статьяхъ должно не только излагать рядъ событій, но представлять дѣйствительную фizioномію края и нашего положенія, характеръ непріятеля, интересные случаи, разумѣется въ занимательной формѣ, чтобы на нихъ не было отпечатка казеннаго труда и, главное, безъ преувеличенія и похвалы. Европѣ рассказали такія дивныя вещи о паршивыхъ горцахъ, что она серіозно считаетъ ихъ какими-то героическими типами и питаетъ къ нимъ въ настоящее время такую же симпатію, какъ бывало къ Грекамъ во время ихъ войны за свободу. Это-то чувство и надо разсѣять дѣйствительностью. Вы можете прямо писать для иностранной газеты, въ этомъ случаѣ покороче и подливая мѣстнаго колориту. Статьи присылайте ко мнѣ; я ихъ буду читать Милютину и

немедленно извѣщать васъ о томъ; а распоряженіе о вознагражденіи будетъ сдѣлано. Если вы имѣете свой взглядъ на эту вещь (отличный отъ нашего), напишите, я передамъ его, и напишите подробнѣе. Если въ сношеніяхъ, на примѣръ, съ Дагестаномъ вамъ будетъ что сказать объ немъ, пишите, не стѣсняясь однимъ вашимъ раіономъ. Вотъ вамъ еще моя просьба. Вы знаете много людей: къ кому обратиться за этимъ въ Дагестанѣ? Кто тамъ можетъ взяться за такое дѣло? И если вы имѣете въ виду другихъ еще, на другихъ пунктахъ, на примѣръ при Вревскомъ, напишите мнѣ; я доложу объ нихъ отъ вашего имени. Все это дѣло такое, которымъ здѣсь интересуются чрезвычайно, и вы можете много выиграть дѣятельнымъ участіемъ, чего я вамъ отъ души желаю».

Послѣдствіемъ этихъ приглашеній была статья, напечатанная въ «Современникѣ» (1857 г. Октябрь) подъ заглавіемъ «Современное состояніе Кавказа». Я старался выяснитъ, главнымъ образомъ, то совершенно фальшивое представленіе, которое искусственно возбуждалось въ Европейской публикѣ офиціозными газетами Англіи и Франціи, изъ нихъ переходило и въ Нѣмецкія, на счетъ рыцарства Кавказскихъ горцевъ—героевъ, гибнущихъ, якобы отстаивая лишь свою независимость... Мнѣ вовсе не нужно было прибѣгать для этого къ какимъ-нибудь измышленіямъ и, въ свою очередь, становиться орудіемъ контръ-обмана: я достаточно хорошо зналъ Кавказскихъ туземцевъ, чтобы имѣть основаніе свести ихъ съ пьедестала, на который Западъ старался ихъ вознести, изъ вражды къ Россіи и, само собою, безъ малѣйшей симпатіи къ нимъ, и еще съ меньшою готовностью оказать имъ открытую поддержку. Если въ обуювавшемъ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Европейскую интеллигенцію филлеленизмъ было много фантазій, идеальничанія и напускнаго увлеченія потомками классическихъ героевъ древняго міра, потомками, выродившимися въ большинство въ комерсантовъ, ничего общаго съ Ликургами, Периклами, Демосфенами или Леонидами не имѣющихъ, то «кольми паче» было этого напускнаго тумана на счетъ милѣйшихъ Лезгинъ, Чеченцевъ и, даже лучшихъ изъ Кавказскихъ горцевъ, Убыховъ, Шапсуговъ и проч.?

Европѣ нужно было эксплуатировать борьбу горцевъ, также какъ ненависть Поляковъ, для нанесенія возможнаго вреда Россіи, а затѣмъ выбросить *выжатый лимонъ*. Лица, стоявшія во главѣ правительствъ, особенно въ Англіи, очень хорошо знали, что Кавказскіе *рыцари* почти исключительно дикари-хищники, которымъ нужна свобода грабить и жить безъ всякой узды, безъ всякаго уваженія къ правамъ другаго племени; что Шамиль—умный горецъ, ведущій

борьбу изъ личнаго честолюбія, изъ за мечты основать наслѣдственную власть надъ Кавказомъ, отчасти изъ мусульманскаго фанатизма, увлекаемый къ тому же подстрекательствами Турціи и совершеннымъ невѣжествомъ по части политическаго знакомства съ силами Россіи, ея отношеній къ другимъ государствамъ и т. д.; что князья разныхъ Черкесскихъ родовъ, сознавая неизбежность потери вліянія при Русскомъ владычествѣ, поддерживаемые Турецкими пашами, подстрекали массы къ борьбѣ, а подстрекать было тѣмъ легче, что горцы боялись потерять торговлю по Черноморскому побережью съ Турецкими кочермами, на которыя сбывался живой товаръ для гаремовъ.

Руководители западноевропейской политики всё это очень хорошо знали, но считали (да и до сихъ поръ считаютъ) нужнымъ отуманивать свою публику стереотипными фразами о Русскомъ кнутѣ, о стонахъ благородныхъ рыцарей, гибнущихъ подъ гнетомъ варваровъ-Московитовъ и проч., давно всѣмъ извѣстное!... Казалось бы, какъ столь цивилизованныхъ Англо-Французо-Нѣмцевъ можно столько лѣтъ водить за носъ подобными нелѣпостями, а вотъ, подите же, все таже изъѣзжанная «Klute» дѣйствуетъ и до сихъ поръ, возбуждая традиционную враждебность къ Россіи, даже тогда, когда не только кнутъ, но и вообще тѣлесныя наказанія почти вышли изъ употребленія, а въ Англійскомъ парламентѣ еще на дняхъ высокіе лорды настаивали на сохраненіи въ Британской арміи плетей и кошекъ...

На ту же тему о гибнущихъ Черкесскихъ рыцаряхъ, отстаивающихъ свою свободу, случилось мнѣ читать ходившіе по рукамъ Малороссійскіе стихи Шевченки. Конечно, мечтателямъ-поэтамъ, да еще въ условіяхъ, въ какихъ находился Шевченко, простительно увлекаться вообще, а «свободой» въ особенности; но все таки странно звучали эти Малороссійскія скорби о горькой долѣ Черкесовъ, безчинствовавшихъ въ Черноморіи, населенной чистѣйшими Малоруссами, потомками Запорожской Сѣчи и гайдачины...

И такъ, статья моя, кромѣ очерка театра войны на Лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи, нашего положенія тамъ въ 1857 году и предположеній о предстоявшихъ дѣйствіяхъ, заключала и характеристику горцевъ со стороны ихъ изувѣрства, алчности и продажности, чему приводились фактическіе примѣры. Особенно забавляла меня фраза Французскаго публициста, сообщенная въ письмѣ Оадѣва, что: «кто бы могъ подумать, что и эти герои *имода* любятъ деньги, какъ другіе люди!»

Ни одинъ замыселъ, ни одно предпріятіе Шамиля и его набобовъ не оставались для насъ тайной. Безпредѣльная алчность—родовая черта почти всѣхъ этихъ народцевъ. Каждую ночь въ лагери отря-

довѣ, во всѣ крѣпости, являлись укутанные башлыками (чтобы не быть узанными) десятки лазутчиковъ, передавая всякія свѣдѣнія и довольствуясь рублемъ, полтинникомъ, не рѣдко бросаемыми съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Были, конечно, многіе просто плауы, приходившіе, не имѣя что сообщить, отдѣлывавшіеся пустыми фразами, что ничего новаго нѣтъ, что караулы вездѣ выставлены и т. п., но все-таки протягивавшіе руку за подачкой.

Въ 1852-мъ году былъ такой случай. Командиру Куринскаго полка барону Меллеру-Закомельскому дали знать, что у наиба Большой Чечни очень легко захватить два орудія, если войска наши скрытно успѣютъ пробраться въ аулъ (названіе я забылъ). Предложеніе было заманчиво, но исполнить предпріятіе оказывалось невозможнымъ: на пути къ аулу наиба были разбросаны нѣсколько деревушекъ и хуторовъ, которыхъ нельзя было обойти; а узнать непріятель про движеніе отряда, успѣхъ невозможенъ и только потери неизбежны. Однако Меллеръ-Закомельскій зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло: всѣ обитатели попутныхъ деревушекъ и хуторовъ были куплены и когда наши войска ночью двигались мимо ихъ саклей, они держали своихъ собакъ, не давая имъ лаять, а нѣкоторые указывали ближайшія, удобныя дороги... На разсвѣтѣ отрядъ достигъ аула, засталъ наиба и всѣхъ жителей спящими, орудія были захвачены, плѣнные, разный хламъ тоже. При отступленіи началось отчаянное преслѣдованіе, въ которомъ самое дѣятельное участіе приняли люди, указывавшіе ночью дорогу и державшіе собакъ...

Отослалъ я статью Оадѣву въ Іюнь и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что скажутъ въ Тифлисѣ. Только чрезъ два мѣсяца получилъ я отъ него письмо изъ Каджоръ (лѣтнее пребываніе высшихъ властей), которое опять же помѣщаю здѣсь почти цѣликомъ, какъ характеристику времени, взглядовъ и т. д.

«Вѣроятно вы безъ труда угадали, любезнѣйшій А. Л., отчего я такъ долго не писалъ вамъ о вашей статьѣ. Она не была еще окончательно доложена. Милютину я прочиталъ ее на другой день, а князю только часъ тому назадъ, сегодня, 1-го Августа. Ваша статья имѣла у начальства отличный успѣхъ; нашли, что она совершенно достигаетъ цѣли и очень хорошо написана. На этотъ счетъ вы получите, вѣроятно вмѣстѣ съ симъ, письмо отъ начальника главнаго штаба. (Дѣйствительно, было письмо отъ Д. А. Милютина, но, къ сожалѣнію, не сохранилось). Надо вамъ сказать, что ваша первая статья о проѣздѣ князя чрезъ Чечню была принята начальствомъ не очень благоприятно, уже не знаю почему, и вслѣдствіе того сначала смотрѣли на новый трудъ вашъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; но иль нетрудно

было разубѣдить самымъ дѣломъ, представивши его съ должной стороны. (Далѣе слѣдуютъ комплименты и отзывы начальства). Статью напечатаютъ въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ, полагаю въ «Современникѣ». По-французски она будетъ переведена, только еще не знаю, кому поручить это дѣло: оффиціальныхъ переводчиковъ у насъ много, да толку въ нихъ мало, а самому мнѣ некогда. Какъ увидите по напечатаніи, въ ней перемѣнъ нѣтъ, кромѣ двухъ-трехъ словъ; но два мѣста выпущены. Первое, гдѣ вы говорите о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять при возстаніи Чеченцевъ, отъ словъ: «поэтому слѣдовало воспользоваться плодами Ахульгинской экспедиціи» до красной строки; начальство нашло, что это не совсѣмъ справедливо, и при этомъ Граббе живой человекъ, и его дѣйствія рано еще подвергать публичному разбору» *). Второе, гдѣ вы описываете нынѣшнюю нерѣшительность въ сопротивленіи горцевъ, отъ словъ: «Шамиль постигъ все это» до словъ: «на Чечню Шамиль махнулъ уже рукой», по причинамъ, которыя я вамъ скажу при свиданіи, но не могу здѣсь писать» **).

«На счетъ новыхъ трудовъ вы можете писать о Кавказѣ что хотите; на примѣръ, очень хорошо было бы познакомить публику съ Чечней, какъ вы сдѣлали, написать статью о послѣдней экспедиціи и результатахъ ея. Вы можете выставить Евдокимова съ самой лучшей стороны; здѣсь это будетъ хорошо принято. Разумѣется, нужно, чтобы эта статья была написана интересно для публики, но не какъ безлестристка, а серьезная, военно-статистическая статья».

Послѣдовалъ я совѣту Фадѣева и доставилъ еще двѣ статьи о дѣйствіяхъ нашихъ въ Чечнѣ въ 1857—1858 г., тоже напечатанныя въ «Современникѣ». Панаевъ и Некрасовъ, когда я въ Мѣ 1858 года пріѣхалъ въ С. Петербургъ, высказали мнѣ большое удовольствіе за эти статьи, хотя, казалось, подобныя вещи мало гармонировали съ духомъ и направленіемъ «Современника».

---

*) Что именно я тогда писалъ, конечно, не помню; но взглядовъ своихъ на Кавказскія событія не измѣнилъ и все касающееся эпохи 1839—40 г. подробно изложилъ въ Исторіи Кабардинскаго полка.

**) Еще бы! Я не нуждался въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ и смекнулъ, въ чемъ заключался мой промахъ: выставя нерѣшительности горцевъ въ сопротивленіи, я тѣмъ самымъ умалялъ заслуги побѣждавшихъ сопротивленіе, слѣдовательно и самого главнокомандующаго. Но я не ошибался, ибо сопротивленіе дѣйствительно было ужъ далеко не то что прежде: возбужденіе, увлеченіе успѣхами уже исчезли. Салты, Гергебилъ, Ичкеринскія рѣзни не повторялись; дрались горцы уже больше изъ подъ палки Шамиля. А что Шамиль въ 1857 г. махнулъ уже рукой на Чечню, это тоже вѣрно; только я не совсѣмъ точно выразился: онъ ужъ былъ увѣренъ, что отстоять ее не въ силахъ, хотя продолжалъ отстаивать; за Дагестанъ же еще не отчаявался.

XI.

Лѣто 1857 года прошло для меня въ письменныхъ работахъ и весьма частыхъ разѣздахъ съ ген. Евдокимовымъ по всѣмъ направленіямъ обширнаго района, для осмотра работъ по разнымъ постройкамъ и проч. Кругомъ свирѣпствовала холера, и въ Грозной почти ежедневно слышался звукъ похороннаго марша, или глухая дробь барабановъ.... Жертвы уносились большею частью изъ госпиталя. Въ общемъ, впрочемъ, смертность не доходила до особенно грозныхъ цифръ. Въ одинъ вечеръ жаркаго, душнаго Іюльскаго дня, я тоже почувствовалъ нѣкоторую тошноту и нѣчто въ родѣ озноба. Понятно, сейчасъ же мелькнула мысль: холера! Пока явился докторъ, ко мнѣ зашелъ Вадимъ Давыдовъ, сынъ извѣстнаго партизана-поэта Дениса Давыдова, тотчасъ предложилъ бывшіе постоянно съ нимъ *Veratrum* и какіе-то порошки. Холеры у меня не оказалось, и чрезъ день былъ я совсѣмъ здоровъ. Вспомнилъ теперь объ этомъ, чтобы кстати сказать нѣсколько словъ о покойномъ толстякѣ-Давыдовѣ. Хорошій былъ человекъ, хорошо игралъ въ карты, но не наследовалъ отъ отца ни военной удали, ни поэтическаго таланта, и «киверъ звѣрски на бекрень» не подходилъ къ его большущей головѣ. Выпущенный въ генеральскій штабъ, онъ не отличался особыми познаніями, но за то и особыхъ претензій не высказывалъ; добрякъ, ни въ комъ нерасположенія не возбуждавшій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ я его въ Пятигорскѣ, гдѣ онъ пилъ № 17 Есентуки, лечась отъ немощной толстоты и одышки. За тѣмъ видѣлъ его раза два въ Петербургѣ запаснымъ генераломъ, а послѣ прочиталъ въ газетахъ о смерти. Миръ праху его!

Изъ этой холерной эпохи вспоминаю еще происшествіе, производившее на меня чрезвычайное впечатлѣніе. Былъ я какъ-то вечеромъ въ гостяхъ у упомянутаго въ предыдущихъ главахъ смотрителя госпиталя Руновскаго, и долго возился съ двумя его маленькими дочерьми (страстно люблю маленькихъ дѣтей!), особенно съ меньшою, Олей, ребенкомъ лѣтъ трехъ, замѣчательной красоты. Ребенокъ былъ очень веселъ, и въ свое время увели его спать. Ушелъ я домой часовъ въ 11-ти, а на разсвѣтъ меня разбудили ужаснымъ извѣстіемъ, что малютка умерла отъ сильнѣйшаго холернаго припадка!

Побѣждалъ я къ Руновскимъ и засталъ бѣдняжку Олю уже на столѣ. Какъ прелестный ангельчикъ, идеальная эмблема невинности, лежало это крошечное созданіе среди цвѣтовъ. Блѣдное личико, впол-

нѣ сохранившее свою красоту, выражало что-то въ родѣ испуга или упрёка...

Я былъ просто пораженъ! Мнѣ сдавило горло; я не находилъ слова утѣшенія рыдавшей въ отчаяніи матери; мной овладѣлъ простъ какой-то ужасъ; но оторвать глазъ отъ малютки я не могъ. Нѣсколь-ко часовъ тому назадъ игралъ я съ этимъ рѣзвившимся ребенкомъ: здоровый румянецъ, блестящіе глазки, звонкій хохотъ, сама жизнь, полная здоровья и движенія жизнь,—и вдругъ, безжалостная, безмысленная смерть!... Въ первомъ часу начались у ребенка обычные холерные припадки (она вечеромъ поѣла нѣсколько грушъ), а въ четвертомъ ея уже не стало.

Бывшій тогда въ Грозной офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка Корadini нарисовалъ акварельный портретъ умершей, въ видѣ ангела среди цвѣтовъ. И дѣйствительно, нельзя было лучше воспроизвести образъ этого прекраснаго созданія.

Кстати уже нѣсколько словъ и о Корadini. Уроженецъ Итальянскаго города Лукки, онъ пріѣхалъ въ Россію искать работы и—карьеры. Попалъ онъ въ Тифлисъ учителемъ рисованія въ гимназію; начало неблестящее, но вѣдь у насъ искони дверь открыта «особенно для иностранныхъ»... Познакомившись съ высшимъ служебнымъ обществомъ (куда учителя рисованія изъ Русскихъ, конечно, не допустили бы), сдѣлавъ нѣсколько портретовъ, Корadini въ 1851-мъ году срисовалъ голову Хаджи-Мурата (извѣстный Шамилевскій наибъ, о которомъ я подробно рассказывалъ въ II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» и особо въ «Русской Старинѣ» 1880-го года, гдѣ и портретъ Хаджи-Мурата приложенъ). Эта работа заслужила особое вниманіе князя М. С. Воронцова, который былъ тогда весьма взволнованъ происшествіемъ съ Хаджи-Муратомъ, и Корadini воспользовался случаемъ: какъ бывшій офицеръ *Луккской арміи*, онъ попросилъ опредѣленія въ Русскую армію и былъ зачисленъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ... И, такимъ-то образомъ, учитель рисованія превратился въ драгунскаго офицера! Въ полку его приняли самымъ дружелюбнымъ образомъ, во 1-хъ, какъ художника, который и не замедлилъ воспроизвести весьма бойко почти всѣхъ офицеровъ полка въ общей группѣ, въ которой фигурируетъ и онъ самъ съ карандашомъ въ рукѣ, и всѣ очень похожи, и въ оригинальныхъ позахъ; во 2-хъ, какъ иностранца и не кладущаго охулки на руку въ товарищескихъ кутежахъ. Службы, само собою, Корadini никогда не зналъ, да и не несъ, а вѣчно при чемъ-нибудь числился. У насъ это вообще, а на Кавказѣ въ особенности, было весьма возможно; людей *счита-*

шихся на службѣ, получавшихъ жалованье и награды, но вѣкъ свой ничего не дѣлавшихъ, было немало, хотя на это не разъ обращалось вниманіе начальства и отдавались строжайшіе приказы.

Осенью 1856 года Корadini ѣхалъ откуда-то на почтовыхъ, и въ Георгіевскѣ, на станціи, засѣлъ по неимѣнію лошадей. Люди нашихъ временъ хорошо знакомы съ этимъ невыносимымъ терзаніемъ, терзаніемъ и физическимъ, и нравственнымъ, которое было извѣстно подъ названіемъ ѣзды на почтовыхъ, да еще въ осеннюю или весеннюю распутицу. Уже чего стояли одни смотрители, «почтовой станціи диктаторы», писаря, старосты, не говоря о телѣгахъ, клячахъ и дорогахъ, промазлыхъ комнатахъ съ клоповниками, міріадами мухъ, угарами зимою, вонью лѣтомъ!.. Продавъ нѣсколько часовъ, Корadini опять обратился къ писарю съ требованіемъ лошадей, но получилъ отказъ въ грубой формѣ. Тогда онъ пошелъ жаловаться къ воинскому начальнику, который и послалъ вѣстового солдата спросить, почему не даютъ лошадей офицеру, ѣдущему по службѣ. Но и это не помогло: писарь сказалъ солдату, что никакого военнаго начальства онъ знать не хочетъ. Когда же Корadini потребовалъ у него книгу, чтобы записать жалобу, то этотъ грубіанъ, при вѣстовомъ, швырнулъ ее съ словами: «на, пиши, сколько хочешь»... Книга попала Корadini въ грудь... Результатомъ этой выходки было мгновенное извлеченіе изъ ножекъ шашки и нанесеніе писарю до 20 удловъ, искрошившихъ его въ битокъ... Арестъ, слѣдствіе, судъ. По тогдашнимъ порядкамъ, потребовали заключенія на состоявшееся рѣшеніе отъ генерала Евдокимова, какъ начальника 20-й дивизіи, при которой состоялъ Нижегородскій полкъ. Я постарался составить заключеніе такъ, что все наказаніе ограничилось четырехмѣсячнымъ содержаніемъ въ крѣпости Грозной, гдѣ Корadini все время или рисовалъ акварельные портреты, или игралъ на биліардѣ...

Впослѣдствіи, во время похода 1859 г. къ Гунибу, Корadini очень удачно нарисовалъ портреты всѣхъ наибовъ и знатнѣйшихъ горцевъ, являвшихся съ покорностью къ князю Нарятинскому; затѣмъ князь поручилъ ему приводить въ порядокъ свою Тифлисскую бібліотеку; послѣ онъ опять былъ въ полку во время дѣйствій на Западномъ Кавказѣ, наконецъ дослужился до майорскаго чина и вышелъ въ отставку, а въ послѣднее время я читалъ въ газетахъ, что онъ представилъ какой-то проектъ памятника Императору Александру II-му, одобренный высшими сферами. Человѣкъ во всякомъ случаѣ оригинальный!...

Въ первыхъ числахъ Сентября (1857), не помню однако по какому дѣламъ, генералъ Евдокимовъ послалъ меня въ Тифлисъ. У меня

было письмо отъ него къ главнокомандующему и офіціалныя бумаги къ начальнику штаба.

На другой день по прїѣздѣ, вышелъ я утромъ изъ гостинницы, направляясь къ начальству являться. На Головинскомъ проспектѣ вдругъ на встрѣчу мнѣ самъ князь Барятинскій, верхомъ, съ большой свитой генераловъ, адъютантовъ и проч. Я сталъ во фронтъ, отдавая уставную честь, и хотя разстояніе было довольно большое, однако князь меня узналъ, остановилъ лошадей и подозвалъ къ себѣ.

— Здравствуйте; вы зачѣмъ здѣсь?

— По порученію генерала Евдокимова, ваше сіятельство; имѣю письмо къ вашему сіятельству и бумаги къ начальнику штаба, по которымъ я долженъ дать нужныя разъясненія.

— Хорошо; дайте письмо и идите къ начальнику штаба; я за вами пришлю послѣ.

Погода была великолѣпная. На Головинскомъ проспектѣ было много народа, обратившаго на всю сцену особое вниманіе, и когда я возвратился къ тротуару за брошеннымъ тамъ пальто, меня осматривали съ особымъ любопытствомъ. Такъ въ глазахъ туземцевъ высоко стоялъ намѣстникъ, что имъ показалось удивительнымъ, что онъ оставилъ лошадь и удостоилъ разговоромъ какого-то обыкновеннаго оберъ-офицера, даже не съ аксельбантами... Впрочемъ, поклоненіе туземцевъ князю Барятинскому, не столько, быть можетъ, его званію намѣстника, сколько лично ему, можно объяснить его пріемами, импонировавшими массѣ восточнаго люда. Выѣзжалъ князь въ театръ, напримѣръ (всего нѣсколько десятковъ сажень разстоянія) не иначе, какъ съ скачущими впереди экипажа казаками, съ пылающими факелами въ рукахъ. Пріемы просителей во дворцѣ обставлялись особою торжественностью: комендантъ разставлялъ всѣхъ военныхъ, а чиновникъ особыхъ порученій гражданскихъ; допускали говоръ и жужжаніе только до минуты, когда князь начиналъ шествіе изъ внутреннихъ покоевъ; но тутъ уже раздавалось настойчивое *тсъ* и *тиши*, а затѣмъ громогласное: «главнокомандующій изволить идти», и мгновенно уже все замирало... Торжественность усугублялась тѣмъ, что въ тоже мгновеніе раздавался вблизи оглушительный громъ пушки, возвѣщавшій полдень и какъ бы появленіе князя. Вездѣ, гдѣ только представлялись случай и возможность, ставились такого рода декорации; тогда какъ предмѣстникъ князя Барятинскаго М. С. Воронцовъ (о Муравьевѣ я уже и не говорю) импонировалъ, вѣроятно образованному меньшинству, своею простотою: ходилъ пѣшкомъ по Тифлису, подъ руку съ княгиней, безъ всякихъ провожатыхъ, выѣзжалъ безъ конвойныхъ, о

факелахъ не было и рѣчи, на пріемахъ было даже иногда ужъ и чрезъ чуръ свободно и т. д.

Такое работѣльное отношеніе къ князю Барятинскому существовало однако, почти безъ исключеній, и у Русской части населенія Тифлиса, т.-е. у сановниковъ, и у чиновниковъ,—у первыхъ даже больше. Тутъ играло роль уже не импонированіе факелами, надъ которыми въ тихомолку острили, а мало симпатичныя, но увы! столь свойственныя человѣчеству эгоистическія чувства... Въдъ ни отъ одного изъ предмѣстниковъ князя Александра Ивановича нельзя было получить столько благъ, въ видѣ добавочныхъ, арендныхъ, единовременныхъ, «въ видѣ опыта» и проч. и проч!..

Это пребываніе въ Тифлисѣ сохранилось у меня въ памяти очень смутно. Долго ли я пробылъ, чѣмъ разрѣшились дѣла, по которымъ я пріѣзжалъ, рѣшительно не помню; вспоминаю лишь три обстоятельства: во первыхъ, что покойный генералъ Кеслеръ, тогда начальникъ инженеровъ, ѣхавшій въ свитѣ князя, когда я встрѣтилъ ихъ, рассказывалъ мнѣ послѣ, что они ѣхали на окраину города «Колючая балка», въ которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ, во время грозы, дождевыми потоками снесло нѣсколько домовъ бѣднѣйшихъ жителей, для осмотра мѣстности и принятія мѣръ къ предотвращенію такого бѣдствія на будущее время, и что князь Барятинскій, замѣтивъ, какъ Кеслеръ обмѣнялся со мною рукопожатіями, спросилъ у него, откуда онъ меня знаетъ, и тотъ рассказалъ о моемъ пребываніи въ штабѣ Самурскаго полка. (См. II-й т. «Двадцать пять лѣтъ»). При этомъ князь Александръ Ивановичъ послалъ мнѣ въ догонку нѣсколько комплиментовъ.

Вовторыхъ, былъ я весьма любезно принятъ Д. А. Милютинимъ, которому, кромѣ объясненій по порученіямъ г. Евдокимова, я подаль отъ себя записку о важномъ значеніи администраціи покорными туземцами, о необходимости спеціально образовывать для этого офицеровъ, о настоятельной нуждѣ въ устройствѣ для туземцевъ школъ, о развитіи путей сообщенія и проч., безъ чего одно завоеваніе оружіемъ еще не упрочиваетъ нашей власти. Какая судьба постигла записку—не знаю.

Втретьихъ, былъ я у Д. И. Романовскаго, тогда весьма близкаго къ князю человека, который рассказалъ мнѣ, что хотя князь и весьма хохоталъ, читая въ газетѣ «Кавказъ» мой рассказъ подъ заглавіемъ «маіоръ Дуркановичъ» (см. объ этомъ тоже въ томѣ II), однако же сдѣлалъ Романовскому, какъ военному цензору, замѣчаніе, а меня хотѣлъ арестовать на гаубтвахтѣ за осмѣяніе штабъ-офицера, въ которомъ Дагестанскіе офицеры, конечно, узнаютъ своего батальо-

нерам Спасъ меня отъ ареста Романовскій, кажется, убѣдивъ князя, что это можетъ огорчить Н. И. Евдокимова.

Вскорѣ замелькали предо мною Душетъ, Анануръ; курьерская тройка неслась по берегу шумящей Арагвы; въ сотый разъ любovalся я живописнымъ ущельемъ, вдыхалъ горный воздухъ на перевалѣ, вспоминая мои различные походы въ теченіи уже пятнадцати лѣтъ пребыванія тогда на Кавказѣ, и многократные переѣзды по этой дорогѣ въ разные времена года. Почти каждая станція, Квешетскія постройки, посты и укрѣпленія на сѣверной сторонѣ горъ до Владикавказа были связаны для съ меня личными воспоминаніями. И какіе контрасты: первый проѣздъ на службу въ Іюнь 1842, верхомъ на клячѣ, или на перекладной едва двѣ станціи въ сутки,—мальчикомъ, стремившимся къ неизвѣстному будущему, безъ опыта, безъ поддержки, безъ всякихъ почти средствъ, къ канцелярской службѣ, къ которой не чувствовалъ никакой склонности,—и опять этотъ переѣздъ капитаномъ Кабардинскаго полка, по порученіямъ съ самаго главнаго театра войны, отъ человѣка, предназначеннаго совершить главную часть задачи великаго дѣла, послѣ свиданія и объясненій съ главными руководителями судебъ Кавказа!... Да, многое бываетъ въ жизни человѣка, надъ чѣмъ нельзя не задуматься. Что это,—такъ суждено, игра случая, предопредѣленіе свыше, логическое послѣдствіе причинъ, не всегда намъ извѣстныхъ, по невниманію или неразумнѣнію незамѣчаемыхъ? Почему два человѣка, повидимому въ совершенно-одинаковыхъ условіяхъ находящіеся, вдругъ разойдутся такъ различно, такъ иногда діаметрально противоположно?..

А Терекъ реветъ, тѣлѣга грохочетъ по камнямъ, колокольчики гудятъ въ ушахъ, казакъ все склоняется на плечо ямщика, то засыпая, то открывая мутные глаза; встрѣчные Осетины соскакиваютъ съ своихъ двухколесныхъ повозокъ и съ крикомъ сворачиваютъ съ дороги, толкая острой палочкой своихъ лошадокъ и бычковъ; запыленные, усталые солдаты вскакиваютъ отдавать честь несущемуся мимо офицеру,—все это сливается въ какую-то общую картину, и я ее вижу и теперь, чрезъ 28 лѣтъ, всю освѣщенную яркими лучами солнца, облитую тѣмъ особеннымъ, лишь южной осени свойственнымъ свѣтомъ, вижу какъ будто она у меня передъ глазами!

Вечеромъ я былъ во Владикавказѣ.

XII.

Къ осени готовились усиленныя дѣйствія и, такъ какъ *Самоваръ-паша* окончательно осѣлся во Владикавказѣ, орудуя всею бумажною частью, не прямо до военныхъ дѣйствій относившеюся, то въ Грозную, въ качествѣ начальника штаба, былъ присланъ полковникъ генеральнаго штаба П. Д. Зотовъ, о которомъ впослѣдствіи придется говорить подробнѣе.

Военныя дѣйствія открылись въ Октябрѣ движеніемъ въ Малую Чечню. Генералъ Евдокимовъ собирался осуществить свои слова, сказанныя мнѣ во время проѣзда въ Апрѣлѣ по Сунжѣ во Владикавказъ. Слѣдовало ожидать жаркихъ дѣлъ, потому что населеніе Малой Чечни искони славилось наибольшею воинственностью, наилучшимъ умѣньемъ пользоваться своею мѣстностью, созданною для самой отчаянной обороны, и потому еще, что здѣсь намъ не приходилось наносить непріятелю такихъ ударовъ, какіе выпадали на долю Большой Чечни и Дагестана. Напротивъ, въ Малой Чечнѣ мы нѣсколько разъ терпѣли нешуточные неудачи, что, само собою, чрезвычайно возвышало духъ и самоувѣренность населенія. Наконецъ, было извѣстно, что въ трупобахъ, изъ которыхъ отряду предстояло выкурить жителей, поселились на половину самые враждебно-нафланатизированные Чеченцы, выходцы изъ покорныхъ плуловъ, оставшихся на плоскости, на половину смѣсь изъ бѣглецовъ разныхъ туземныхъ племенъ: Ингушей, Кабардинцевъ. Кистинъ и др., большею частью людей, извѣстныхъ своими хищническими подвигами въ окрестностяхъ Владикавказа и на Сунженской линіи. Однимъ словомъ, тутъ былъ все народъ, который дешево не отдастъ своихъ послѣднихъ удобныхъ убѣжищъ, ибо уходить дальше въ горы—значило идти на встрѣчу голоду; а покориться онъ не могъ и изъ крайне озлобленной вражды противъ Русскихъ, и изъ боязни наказаній за прежніе грѣхи. Однако, пока это населеніе гнѣздилося на ближайшихъ покатосяхъ Черныхъ горъ, Малую Чечню нельзя было считать покорною, а сообщеніе между Грозною и Владикавказомъ и окрестности этого послѣдняго, на почтовой дорогѣ въ Россію, не были обезпечены; по этому ген. Евдокимовъ и рѣшилъ покончить съ ними основательно.

Плоскость между Сунжей и Черными горами, по теченію многочисленныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Сунжу (Гойта, Мартанъ, Валерикъ, Рошня и мн. др.) уже давно была въ нашихъ рукахъ. Кровавый опытъ 1840 года (неудачное дѣло отряда ген. Галафѣева на Вале-

рикѣ) и печальныя воспоминанія объ экспедиціи 1845 г. въ Дарго не пропали даромъ: съ 1846 года начались систематическія рубки просѣкъ, поселеніе казачьихъ станицъ, постройка укрѣплений, и результаты были достигнуты не-эфемерные. Оставалось довершить дѣло, что и было цѣлью движенія, о которомъ теперь рассказываю.

19-го Октября нѣсколько колоннъ были такъ направлены, чтобы совершенно незамѣтно занять ближайшія мѣстности, съ которыхъ легко бы было въ одинъ переходъ достигнуть опредѣленнаго пункта, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія; для бѣльшаго же отвлеченія вниманія непріятеля произвели, по обыкновенію, диверсію за Аргунъ. Кромѣ начальниковъ колоннъ, никто не зналъ цѣли движенія; въ письменныхъ приказаніяхъ указано было выступить для расчистки старыхъ просѣкъ.

20-го числа, уходя отъ генерала Евдокимова съ кучей бумагъ, съ которыми я у него пробылъ въ этотъ разъ чуть не три часа сряду, я получилъ отъ него приказаніе покончить все въ штабѣ поскорѣе, чтобы въ 5 часовъ быть уже готовыми къ выступленію. Помню затруднительное мое положеніе въ тотъ день: я обѣщалъ какому-то казаку Грозненской сотни быть крестнымъ отцомъ его новорожденной дѣвочки и въ три часа долженъ былъ явиться въ церковь; но я едва успѣлъ туда къ 5-ти часамъ и уже совсѣмъ по походному. Обрядъ крещенія, при всей торопливости священника, все же продолжался столько времени, что почти совсѣмъ стемнѣло. Сгущенный мракъ церкви, едва мерцающія нѣсколько свѣчекъ, монотонное чтеніе, возбужденные нервы, родъ какого-то особаго безпокойства—не то предъ ожидаемою опасностью, не то предъ возможностью опоздать къ выѣзду начальства и догнать въ темнотѣ, не могу опредѣлить; но я весьма тревожно простоялъ все время и на вопросъ, какое имя дать новорожденной, почти машинально сказалъ: Софія, вспомнивъ почему-то о моей сестрѣ. Только что окончился обрядъ, я попросилъ батюшку благословить и меня, и отца крестницы, тоже уходившаго въ походъ съ сотней и, вскочивъ на лошадь, поспѣшилъ къ дому командующаго войсками; но онъ уже выѣхалъ. Догналъ я его только верстахъ въ двухъ-трехъ за крѣпостью.

— Вы гдѣ это, почтеннѣйшій, запропастились? Вѣрно по сердечнымъ дѣламъ?

«Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, по церковнымъ. Сейчасъ только окрестилъ дѣвочку у казака и прямо изъ церкви прискакалъ».

Выступленіе поздно вечеромъ въ этотъ разъ было противъ обыкновенія генерала, не любившаго ночныхъ движеній. Мы шли съ небольшими остановками всю ночь, сходясь на опредѣленныхъ мѣстахъ съ колоннами генераловъ Мищенко, Кемперта и полк. Баженова. Вездѣ

было совершенно спокойно, и такъ ловко было замаскировано наше движеніе, что Шамилевскія сборища стояли на р. Бассъ, ожидая Русскій отрядъ въ Большую Чечню, а жители Малой Чечни, съ полнѣйшею безпечною, ни разъѣздовъ, ни карауловъ не содержали...

Погода была туманная, сырая, но безъ дождя и теплая. Ночное движеніе очень утомило всѣхъ; какая-то сонливая вялость замѣчалась въ отрядѣ, обыкновенно столь оживленномъ на походѣ; ни выкликовъ: «послать N. N. къ генералу» или: «на право, на лѣво раздайся» (когда нужно было верхомъ обгонять на узкой дорогѣ пѣхоту), ни хохота отъ остротъ ротныхъ балагуровъ, ни громыханія артиллеріи; даже ѣрканія лошадей не слышно было: онѣ тоже, какъ нѣкоторые солдаты, спали на ходу. Двигалась механически какая-то длинная полоса едва различаемыхъ въ темнотѣ предметовъ, изрѣдка лишь освѣщаемыхъ мгновенно вспыхивавшимъ огонькомъ какого-нибудь страстного курильщика, который не исполнялъ отданнаго приказанія не курить.

На разсвѣтѣ 21 ч. переправились мы чрезъ Гойту и по старой, заросшей просѣкѣ, чрезъ овраги и балки, подошли къ ущелью Мартана, гдѣ открылось намъ значительное поле Устарханъ, поросшее такими высокими стеблями кукурузы, что даже конные люди скрывались въ нихъ. Глубокій черноземъ размокъ, и прилипавшая къ ногамъ грязь затрудняла движеніе.

Стало совсѣмъ свѣтло, и тогда только Чеченецъ, выѣхавшій на арбѣ въ поле, къ ужасу своему, увидѣлъ двигающійся отрядъ. Сдѣлавъ выстрѣлъ изъ винтовки, онъ бросилъ свою арбу и пустился бѣгомъ къ аулу, а казаки за нимъ,—первая добыча была пара его бычковъ...

Съ первымъ выстрѣломъ все встрепелось; сонливость вдругъ исчезла; всѣ инстинктивно почувствовали, что настаетъ минута жаркаго боя, что едва ли кончится дѣло перестрѣлкой въ цѣпи и канонадой издали, что потребуются жертвы кровожадному богу войны...

Приказано было прибавить шагу. Кавалерія принять въ право и на рысяхъ занять дороги отъ Рошни, чтобы не допустить подкрѣплений изъ сосѣднихъ ауловъ; колонна Мищенки (Куринцы) двинута прямо; Кемпферту приказано идти на лѣво, вверхъ по Мартану, правымъ берегомъ, для обезпеченія лѣваго фланга Мищенки отъ нападений изъ за лѣса. Баженову поручено занять у подъема мѣсто, разбить лагерь, прикрывая пока обозъ.

Генералъ Евдокимовъ, давъ время колоннѣ Мищенки отойти версты двѣ-три, поѣхалъ за нею; въ конвоѣ у насъ были Грозненская и Гребенская сотни. Подходя къ ущелью, мы увидѣли цѣпь ауловъ, при-

мыкавшихъ съ права къ лѣсу, тянувшихся вверхъ по крутому косо-гору; дорога чрезъ нихъ прерывалась оврагами, обрывами и т. п.; вообще мѣстность для наступленія крайне неудобная. Количество скопившагося здѣсь населенія далеко превзошло наши свѣдѣнія.

Съ приближеніемъ къ саклямъ войскъ раздалась выстрѣлы, и по лѣсамъ пошли оклики и гиканія. Жители спѣшили спасать семейства, скотъ и что можно было захватить поцѣннѣе изъ скуднаго имуществва; все уходило выше, къ истокамъ рѣчки, гдѣ мѣстность представляла уже совершенно недоступныя горныя трущобы.

У головныхъ сакель мы уже встрѣтили мародеровъ, одиночныхъ солдатъ, шнырявшихъ въ чащи найти что-нибудь, гонявшихся за курицей или теленкомъ, поджигавшихъ крыши и т. п. Это было, къ сожалѣнію, обычное явленіе, трудно устранимое даже при самомъ строгомъ надзорѣ. Нерѣдко подобные люди платились жизнью, натыкаясь неожиданно на скрывавшагося въ сакляхъ врага. Генералъ Евдокимовъ приказалъ мнѣ взять казаковъ и нагайками гнать всѣхъ этихъ мародеровъ впередъ къ своимъ ротамъ.

Исполняя это приказаніе, я наткнулся на ужасную сцену. Чеченка, здоровая баба лѣтъ 40, встрѣтила вошедшаго въ саклю солдата ударомъ топора по головѣ, такъ что онъ со стономъ свалился на землю, обливаясь кровью, а сама выскочила въ дверь, надѣясь скрыться; но тутъ же наткнулась на другаго Куринца, который и воткнулъ ей штыкъ въ грудь по самое дуло...

— Какъ тебѣ не стыдно бабу колоть, негодяй ты этакій, крикнулъ я ему; вотъ я тебя къ полковому командиру отведу.

«Да она, вотъ, ваше благородіе, товарища топоромъ зарубила; такъ нешто ее жалѣть?»

И какъ будто правъ былъ: вѣдь зажигать и уничтожать аулы все равно прикажутъ послѣ; гдѣ же тутъ, въ пылу такихъ кровавыхъ занятій, требовать отъ солдатъ рыцарскихъ отношеній къ женщинамъ?.. Вообще война и идеализація на тему гуманности—мечтанія пустыя... Я оставилъ двухъ казаковъ, чтобы доставили раненаго на перевязочный пунктъ, и отправился дальше, гоня предъ собою съ десятокъ отсталыхъ. Ауль тянулся узкой полосой; все круче и круче поднималась дорога вверхъ, примыкая къ опушкѣ крупнаго чинароваго лѣса съ одной стороны; съ лѣвой стороны, поросшая густымъ мелколѣсьемъ, была обрывистая покатость къ рѣчкѣ, по берегу которой кое-гдѣ виднѣлись сакли, сарайчики и мельнички. Дальше, правый берегъ былъ еще круче, покрытый густымъ лѣсомъ, чрезъ который должна была двигаться колонна генерала Кемпфера; но тамъ ничего не было слышно,—очевидно колонна приняла далеко лѣ сторону.

Все время впереди слышалась жаркая перестрѣлка, частые пушечные выстрѣлы и звуки рожковъ, игравшихъ наступленіе. Выѣзжая за крайнія сакли аула, я сталъ встрѣчать носилки съ ранеными. На вопросъ мой, чтò тамъ происходитъ впереди, отвѣчали: «плохо; Чеченцы заняли балку и не даютъ ходу; очень много народа перебили». И погнавъ коня и въ полуверстѣ, среди лѣса, засталъ генерала Мищенко, окруженнаго нѣсколькими солдатами. Я передалъ ему, какимъ образомъ очутился тутъ и спросилъ о положеніи дѣла.

— Очень радъ, что вы такъ кстати появились, сказалъ мнѣ Василій Кузьмичъ, своимъ спокойнымъ голосомъ, съ видомъ невозмутимаго хладнокровія; скачите пожалуйста назадъ и доложите Николаю Ивановичу, что мой лѣвый флангъ совсѣмъ открытъ, и оттуда меня разстрѣливаютъ. Я съ начала движенія послалъ мою 10-ю роту низомъ, по рѣчкѣ, именно съ цѣлью не допустить Чеченцевъ пробираться на обрывъ и стрѣлять въ насъ съ боку; но очевидно рота или остановилась гдѣ-нибудь, встрѣтивъ препятствіе, или сбилась съ направленія. Впередъ тоже не могу двигаться, потому что глубокая балка съ лѣсной чащей занята Чеченцами, и мнѣ уже рѣшительно не кого послать въ обходъ: людей изъ фронта вышло уже немало.

«Слушаю-съ». И поскакалъ я назадъ.

Генерала Евдокимова встрѣтилъ я въ аулѣ. Выслушавъ меня, онъ приказалъ бывшей въ конвоѣ сотнѣ Гребенцовъ на рысяхъ идти къ ген. Мищенкѣ и, спѣшившись, поддержать его цѣпи до прибытія пѣхоты, а мнѣ ѣхать дальше назадъ, встрѣтить двѣ роты новосформированнаго 20-го стрѣлковаго баталіона, которымъ генералъ на всякій случай приказалъ двигаться за нимъ, и одну направить бѣгомъ къ Мищенкѣ, а съ другой идти разыскивать 10-ю роту Куринаскаго полка, вѣроятно задержанную въ какой-нибудь трупобѣ непріателемъ. Кромѣ того посланъ казакъ въ лагерь съ приказаніемъ направить тотчасъ впередъ баталіонъ Виленскаго полка.

Было это часовъ около двухъ пополудни. Какъ уже сказано, день былъ пасмурный, безъ дождя; но легкій влажный туманъ, знакомый только людямъ, жившимъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Юга, проникъ глубоко въ почву, и она размокла; лошади скользили, солдатамъ было тяжело идти, тѣмъ болѣе послѣ безсонной ночи и 20-ти-верстнаго перехода. Однако, когда я передалъ стрѣлкамъ приказаніе, откуда взялись свѣжія силы! 2-я рота бросилась почти бѣгомъ впередъ, а 1-ю съ капитаномъ Журавлевымъ я повернулъ правымъ плечомъ и скорымъ шагомъ направился къ обрыву, чтобы спуститься къ рѣчкѣ и идти на поиски за Куринцами.

Не успѣлъ я добѣжать до края обрыва, какъ открылась слѣдующая картина. Внизу, плотно примкнувъ къ стѣнкѣ сакли, стояла кучка Куринцевъ, человекъ 70—80, а нѣсколько Чеченцевъ съ невѣроятною дерзостью взобрались на крышу этой сакли и какъ только кто-нибудь отдѣлится отъ кучки изъ-подъ стѣны, въ него попадаетъ пуля; два-три человека уже лежали жертвами попытки. Дальше въ нѣсколькихъ саженьяхъ сидѣли еще Чеченцы съ винтовками наготовѣ. Такимъ образомъ командовавшій ротой подпоручикъ Ольшевскій не считалъ возможнымъ тронуться, безъ очевидной жертвы еще десятка людей, и главное, не зная гдѣ будетъ конецъ его движенію по дну глубокаго оврага, въ которомъ его могутъ просто разстрѣлять... Ему оттуда ничего не было видно; онъ слышалъ гдѣ-то впереди перестрѣлку, но далеко-ли это, туда-ли приведетъ его движеніе по дну оврага, гдѣ лагерь, онъ не зналъ. Положеніе его оказывалось затруднительнымъ; Чеченцы же никогда не бывали такъ дерзки, какъ замѣтивъ малѣйшее колебаніе въ Русскихъ рядахъ.

Въ самую минуту моего появленія съ ротой надъ обрывомъ, я увидѣлъ поразительную сцену, до сихъ поръ совершенно ясно стоящую у меня предъ глазами. Одинъ солдатъ, вѣроятно раньше отдѣлившійся отъ роты и лежавшій за кустомъ, замѣтивъ наше появленіе, рѣшился подняться и идти къ намъ; но въ то же мгновеніе изъ-за другаго куста выскочилъ Чеченецъ, и двухъ взмаховъ шашки было достаточно, чтобы солдатъ повалился трупомъ. А Чеченецъ, схвативъ его ружье, бросился назадъ и скрылся за кустомъ. Все это совершилось на глазахъ нашихъ и стоявшихъ внизу съ быстротой неимоверной: просто опомниться не успѣли. Первою мыслию моею было броситься внизъ выручать Ольшевскаго, но переговоры съ Журавлевымъ вызвали другое соображеніе: ползти безъ дороги, по скользкой кручѣ, не имѣя возможности стрѣлять, значило подставлять себя прицѣльнымъ выстрѣламъ противника и напрасно увеличить число жертвъ. Мы поэтому рѣшились испытать прежде другое средство: разставили порѣже людей и открыли чрезъ головы Куринцевъ огонь по крышѣ сакли. Какъ только зашуршали пули Лютихскихъ штуцеровъ, Чеченцы исчезли съ крыши, и главная опасность для Ольшевскаго была устранена: онъ могъ начать отступленіе, прикрываясь тою же саклею отъ выстрѣловъ изъ-за кустовъ и камней, и какъ только иной ретивый Чеченецъ показывался опять на крышѣ или отъ берега, готовый стрѣлять, сверху въ него пускали нѣсколько пуль, и онъ мгновенно скрывался. Такимъ образомъ, съ трудомъ взбираясь по скользкой крутизнѣ, Куринцы кое-какъ выбрались наконецъ наверхъ, оставивъ на днѣ оврага болѣе десятка товарищей;—вынести ихъ не было

никакой возможности, и даже ружья и патронташи остались въ рукахъ непріятеля, что было крайне досадно и случилось на Кавказѣ рѣдко.

Стрѣлковыя роты, только что составленныя изъ взятыхъ въ полкахъ людей, еще плохо владѣли своимъ новымъ оружіемъ; да и самыя Лютихскіе штуцера были мало удобны, требовали много времени для заряжанія, спокойствія и особой снаровки при стрѣльбѣ съ подсошекъ. Мы тогда едвали нанесли какой-нибудь значительный уронъ Чеченцамъ; но, слава Богу, успѣли выручить попавшую въ тиски роту.

На вопросъ Ольшевскаго, что ему теперь дѣлать, я рѣшился подъ моею отвѣтственностью направить его въ лагерь, а самъ съ ротой Журавлева поспѣшилъ опять къ аулу, чтобы идти къ колоннѣ ген. Мищенко, гдѣ предполагалъ найти ген. Евдокимова.

Пока происходило описанное выше, Чеченцы, бывшіе предъ Куринцами, очевидно получили покрѣпленія и рѣшились перейти въ наступленіе. Толпа челоуѣкъ въ триста, выйдя незамѣтно изъ защищаемаго оврага, сдѣлала залпъ по стоявшей на полянкѣ среди рѣдколѣсья 1-й ротѣ Куринскаго полка и бросилась въ шашки... Но Чеченцы наткнулись на достойныхъ соперниковъ: ихъ встрѣтили штыками, прикладами. Произошла рѣшительная рукопашная схватка. Ротный командиръ капитанъ Шидловскій и его субалтернъ-офицеръ должны были взяться за ружья отъ убитыхъ солдатъ; фельдфебель, замѣчательный молодецъ изъ солдатскихъ дѣтей, молодой, красивый, предметъ обожанія всѣхъ Воздвиженскихъ бабъ, былъ окруженъ нѣсколькими Чеченцами и какъ разъяренный левъ дорого продалъ свою жизнь: не одинъ врагъ съ разможенной головой повалился къ его ногамъ, пока свалили этого удалца..

Уже наша кучка сильно рѣдѣла, много храбрыхъ Куринцевъ пошло на вѣки, много лежало истекая кровью; кругомъ трещала адская стрѣльба, у полковника Мищенко некого было двинуть на подмогу 1-й ротѣ. Въ эту минуту подскочила къ нему Гребенская сотня, посланная по моему докладу, мигомъ спѣшилась и кинулась въ дѣсъ. Противъ Чеченскихъ шашекъ блеснули Гребенскія, и чрезъ нѣсколько минутъ, покрывая землю вражьими трупами, погнали Куринцы и казачи непріятеля назадъ въ оврагъ. Велѣдъ затѣмъ подоспѣла и 2-я рота стрѣлковъ; ген. Мищенко рѣшительно пошелъ впередъ, раздалось ура! а ошеломленный, ослабленный непріятель бросился бѣжать. Оврагъ былъ пройденъ; верстахъ въ двухъ выше оказалась открытая поляна, на которой колонна и стянулась.

Когда я подошелъ съ 1-й ротой стрѣлковъ, дѣло почти кончалось; изрѣдка лишь еще раздавались выстрѣлы. Генералъ Евдокимовъ, дож-

давшись прихода Виленцевъ, приказалъ имъ наскоро нарубить деревь-евъ, устроить засѣку и остаться въ ней на ночь, чтобы не дать Чеченцамъ возможности опять возвратиться и занять только что пройденную трущобу. Командиръ Виленскаго баталіона, если не ошибаюсь полковникъ Л., обратился ко мнѣ съ такими словами: «вотъ, мы, чужіе; такъ насъ на жертву оставляютъ». Я безъ церемоніи разъяснилъ ему всю нелѣпость его словъ, прибавивъ, что съ такими молодцами, какъ его баталіонъ, можно, кажется, быть внѣ всякихъ опасеній и что онъ за честь долженъ бы считать, что ему командующій войсками даетъ такое порученіе. Удивительно, какъ большинство этихъ приходившихъ изъ Россіи штабъ-офицеровъ, проводшихъ всю жизнь исключительно на ученіяхъ и ремешковой службѣ, были не то чтобы трусливы, а мало воинственны, мало подготовлены къ дѣйствительной боевой службѣ, лишены всякой инициативы и рѣшимости самую малость сдѣлать безъ особаго приказанія, безъ разъясненія и помочей! Да, печальная система военного воспитанія, приведшая къ Крымскимъ дѣламъ, ясно отпечатлѣвалась на этихъ господахъ!...

Колонна генерала Миценки, подобравъ всѣхъ раненыхъ и убитыхъ, отправилась въ лагерь, куда и мы, послѣ указанія Виленцамъ пункта для устройства засѣки, отправились уже въ совершенной темнотѣ. Вдали, въ лѣсахъ, слышны были вопли и завываніе женщинъ, мычаніе голоднаго скота; около насъ кое-гдѣ стоны раненыхъ, говоръ въ рядахъ солдатъ; а изъ лагеря, уже освѣщеннаго десятками костровъ, доносились залихватскія пѣсни, съ акомпаниментомъ кларнетовъ и бубновъ.... Пройденный колонною Миценки путь свѣтился заревомъ горѣвшихъ сакель и копенъ свезеннаго въ аулъ сѣна и кукурузы; искры большими снопами носились поверху, долго держась въ плотной влажной атмосферѣ, а клубы густаго дыма фантастическими узорами окутывали ближайшій лѣсъ...

Усталый до крайности, я былъ очень доволенъ, когда генералъ Евдокимовъ, слѣзая съ коня, сказалъ своей свитѣ: «Ну-съ, господа, пора намъ и отдохнуть». Я поспѣшилъ къ своей палаткѣ, гдѣ засталъ ординарца отъ генерала Кемпферта.

— Ты что?

— «Генералъ приказали просить ваше благородіе пожаловать сейчасъ; очень важное дѣло есть».

— Хорошо, иду.

Важное дѣло оказалось не только важнымъ, но и превосходнымъ: въ отличной суконной палаткѣ, ярко освѣщенной нѣсколькими стеариновыми свѣчами, накрытый столъ, затѣмъ великолѣпныя щи, жарен-

ные фазаны, разные десерты и отмѣнное Кахетинское, не говоря о хересѣ, ликерѣ и проч.

Кто не проводилъ цѣлыхъ сутокъ, почти не слѣзая, на конѣ, кто не испытывалъ такихъ ощущеній, какія впрочемъ не въ первый разъ выпали на мою долю 20-го Октября 1857 года, тотъ едва-ли и представитъ себѣ всю полноту удовольствій отъ такой трапезы, при такой обстановкѣ. Я же, грѣшный человѣкъ, и теперь, чрезъ 28-мь лѣтъ, при одномъ воспоминаніи слюнки глотаю, не объ однихъ фазанахъ и Кахетинскомъ, конечно, а болѣе о той свѣтлой эпохѣ надеждъ, ожиданій, сильныхъ ощущеній, этой кипучей, воинственно-поэтической жизни, которая замѣнилась теперь недужною старостью, разочарованіемъ, невольными помышленіями о близости конца, наконецъ о сошедшихъ въ могилу всѣхъ тогдашнихъ товарищахъ-соратникахъ...

Въ теченіе семи дней оставался отрядъ въ Малой Чечнѣ; вырубались въ разныхъ направленіяхъ просѣки, осматривались дороги, ведущія въ верховья Аргуна, выжигались аулы, брошенные населеніемъ. Шамиль прислалъ старшаго сына Джемаль-Эдина съ значительнымъ сборищемъ горцевъ и нѣсколькими пушками защитить жителей; но это покрѣпленіе оказалось уже запоздавшимъ. Джемаль-Эдинъ, въ непривычной роли предводителя толпы горцевъ, не рѣшался предпринять что-нибудь серіозное, вѣлъ перестрѣлки съ дальнихъ разстояній, производилъ въ виду нашемъ передвиженія; но все это ни чуть не препятствовало намъ продолжать свое дѣло; потери же наши ограничивались едва нѣсколькими ранеными, и то благодаря взятымъ у насъ 21-го числа нарѣзнымъ ружьямъ, бившимъ гораздо дальше обыкновенныхъ горскихъ винтовокъ.

Пройдя по Гойтѣ, Энгелику, Мартану до Воздвиженской, очистивъ всю эту мѣстность отъ враждебнаго населенія, мы 29-го Октября расположили отрядъ на Аргунѣ у Бердыкея, для отдыха и приготовленія къ предстоявшимъ дѣйствіямъ въ Большой Чечнѣ, а сами съ ген. Евдокимовымъ уѣхали въ Грозную.

XIII.

На сколько благоволилъ ко мнѣ Н. И. Евдокимовъ, на сколько онъ постоянно высказывалъ мнѣ довѣрія, поручая важныя и обыкновенно самыя спѣшныя служебныя порученія, на столько же болѣе и болѣе проявлялось неблаговоленіе и враждебность со стороны ближней къ генералу родни, обрѣтавшейся при немъ, къ сожалѣнію, въ недостаточномъ количествѣ и пользовавшейся, при расположеніи и сочувствіи

ея п—ства и при громадномъ вліяніи ея на супруга, возможностью достигать своихъ цѣлей, нерѣдко противорѣчившихъ интересамъ самого Николая Ивановича. Не говоря о томъ, что слишкомъ большая близость посторонняго человѣка къ генералу возбуждала ихъ зависть и опасенія, они въ отношеніи меня имѣли и другой поводъ нерасположенія: я былъ неостороженъ въ разговорахъ насчетъ генеральской родни, даже, быть можетъ, и самой генеральши.... Само собою, я не позволялъ себѣ какихъ-нибудь клеветъ, а самыя невинныя замѣчанія и остроты, да вообще никогда не умѣлъ маскироваться и потому считался недостаточно глубокопочтительнымъ при встрѣчахъ въ частныхъ собраніяхъ и домахъ.

Трудно, почти чрезъ тридцать лѣтъ, вспомнить подробности, служившія поводомъ къ сплетнямъ и неудовольствіямъ, да и кое-какія сохранившіяся въ памяти такъ ничтожны и пошло-провинціальны, что совѣстно разсказывать; а между тѣмъ нѣсколько такихъ пошлостей были поводомъ цѣлаго переворота въ моей службѣ. Только потому и упоминаю я объ нихъ.

Въ послѣднее время враждебность ко мнѣ проявлялась въ усиленныхъ размѣрахъ; къ родственникамъ присоединился еще какой-то старый другъ дома, докторъ Демиденко, почему-то тоже не влюбившій меня; я же, вмѣсто того, чтобы хотя для вида выказать смущеніе, сожалѣніе, искать объясненій и примиренія, оставался совсѣмъ равнодушнымъ и, очень быть можетъ, еще подливалъ масла въ огонь, продолжая по прежнему смѣшивать собесѣдниковъ анекдотами, сравненіями и т. п.

Кончилось тѣмъ, что, по возвращеніи изъ Малой Чечни, Николаю Ивановичу была принесена жалоба на неуваженіе, непочтительность, невѣжливость и проч. и проч., да вѣроятно уже въ весьма настойчивой формѣ...

Начало имѣвшихъ постигнуть меня ударовъ состояло въ томъ, что, придя съ бумагами къ генералу, я встрѣтилъ въ залѣ лакея, объявившаго мнѣ приказаніе на будущее время безъ доклада не входить. Возбѣшенный грубостью формы такого распоряженія (до тѣхъ поръ я всегда входилъ безъ доклада въ кабинетъ), я ушелъ совсѣмъ, съ намѣреніемъ явиться только по требованію и объясниться съ Николаемъ Ивановичемъ. Объясненіе произошло въ тотъ же вечеръ.

— Какъ вамъ нестыдно, почтеннѣйшій, затѣвать съ бабами клкія-то дразги, показывать неуваженіе, невѣжество и проч.? Уже не говорю, что это непростительно въ отношеніи дамъ вообще, но тѣмъ болѣе въ отношеніи супруги вашего начальника. Я считалъ васъ за умнаго человѣка и не ожидалъ такихъ выходовъ.

Хотя въ тонѣ рѣчи и въ выраженіи лица Ник. Ив. ясно видно было, что онъ крайне тяготится вынужденною обязанностию *обсуждать* меня, что ему досадило и непріятно надоѣданіе какими-то пошлостями, бабьими сплетнями, чѣмъ мои преступленія, тѣмъ не менѣе его неудовольствіе и упреки произвели весьма сильное, глубоко за-
дѣвающее впечатлѣніе. Я очень уважалъ покойнаго Евдокимова, какъ одного изъ рѣдкихъ, могу сказать, перваго встрѣченнаго мною генерала, вполне соответствовавшаго своему назначенію, истинно Кавказскаго военнаго начальника, всякимъ распоряженіемъ и дѣйствіемъ внушавшаго невольную увѣренность въ успѣхъ всего имъ предпринимаемаго. Я гордился его расположеніемъ, выражавшимся въ нерѣдкихъ бесѣдахъ со мною, молодымъ оберъ-офицеромъ, о дѣлахъ минувшихъ и текущихъ, о его взглядахъ на наши отношенія къ туземцамъ, на наши задачи на Кавказѣ, нерѣдко даже съ откровенною оцѣнкою высшихъ Кавказскихъ дѣятелей... Все это было вовсе не похоже на обыкновенное расположеніе генераловъ къ своимъ адъютантамъ, расположеніе, такъ сказать, частно-домашнее; нѣтъ, это были особые отношенія, для меня и поучительныя, и лестныя. Потому-то выраженное неудовольствіе смутило меня гораздо больше, чѣмъ самое громовое генеральское распеканіе, съ отправленіемъ на гаубтвахту или угрозой «Макаромъ, телятъ гоняющимъ». Я не нашелъ что и сказать, хотя приготовлялъ цѣлую рѣчь, и въ оправданіе началъ бормотать что-то въ родѣ: «помилуйте, въ чемъ я высказалъ неуваженіе и т. п.».

— «Да, чертъ знаетъ, въ какихъ-то мазуркахъ, въ какихъ-то неприличныхъ движеніяхъ руками, развѣ я знаю! Однимъ словомъ, такъ нельзя», громче обыкновеннаго и съ очевидною досадою отвѣчалъ мнѣ Евдокимовъ, повернулся и сталъ уходить изъ кабинета.

Мнѣ ничего больше не осталось какъ уйти тоже. Признаюсь, я былъ сильно сконфуженъ и разстроенъ. Что дѣлать? Почему-то я рѣшился пойти къ пріѣхавшему тогда въ Грозную ген. Рудановскому (уже назначенному помощникомъ командующаго войсками Лѣваго крыла) и съ нимъ объясниться. Результатъ былъ неутѣшительный: Рудановскій зналъ уже о жалобахъ на меня; съ нимъ говорилъ объ этомъ Евдокимовъ, выразившійся, что, при всемъ нежеланіи, болѣе ничего не остается какъ разстаться со мною; но такъ какъ встаетъ важное дѣло во Владикавказѣ объ опредѣленіи личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ, то онъ намѣренъ поручить мнѣ производство этого дѣла, и такимъ образомъ я все же останусь на Лѣвомъ крылѣ.

Думалъ я отказаться отъ этого порученія и уѣхать въ полкъ, но это значило бы окончательно возбудить неудовольствіе Евдокимова, и потому я согласился.

Пришлось разставаться на время съ военными дѣйствіями, съ личнымъ участіемъ въ исполненіи важнѣйшихъ распоряженій, съ тою привычною, привлекательною сферою дѣятельности, которая тогда составляла для меня единственный жизненный интересъ.

На другой день состоялся приказъ о назначеніи дежурнымъ штабъ-офицеромъ капитана Гончарова, а мнѣ отправляться во Владикавказъ производителемъ дѣлъ комиссіи для разбора личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ. Гончарову я не позавидовалъ, хотя самъ къ этому мѣсту прежде готовился; потому что, съ перенесеніемъ штаба во Владикавказъ, дежурный штабъ-офицеръ становился уже окончательно лишь канцелярскимъ чиновникомъ и непосредственнымъ подчиненнымъ Самоваръ-паши.

Когда я явился къ ген. Евдокимову предъ отъѣздомъ за приказаніями, онъ очевидно старался какъ бы смягчить впечатлѣніе предшествовавшаго распеканія.

— Вотъ, почтеннѣйшій, это дѣло во Владикавказѣ важное; я давно думалъ поручить его вамъ, какъ знающему туземцевъ и условія ихъ быта; отъ правильнаго разрѣшенія правъ на земли зависитъ спокойствіе въ краѣ; нужно это привести въ ясность и скорѣе окончить. По этому предмету нужно намъ подробнѣе потолковать, но теперь намъ некогда, а завтра выступаемъ въ Большую Чечню. Отправляйтесь со мною; мы тамъ, по вечерамъ, на досугъ поговоримъ.

Движеніе въ Большую Чечню не представляло въ этотъ разъ особаго интереса. Главное занятіе было расчистка старыхъ и рубка новыхъ просѣкъ. Мы выступили изъ Грозной 1-го Ноября, заняли 2-го ч. любимую Евдокимовскую позицію Чахумбаръ и работали на встрѣчу отряда барона Николаи, рубившему лѣсъ отъ Гельдыгена. Такимъ образомъ, кромѣ обычной дороги на Шали по Бассу, открывалось еще свободное сообщеніе параллельно, ближе къ устью Аргуна и теченію Сунжи, и изгонялись еще кое-гдѣ скрывавшіеся въ лѣсахъ небольшіе аулы. Незначительныя перестрѣлки съ непріателемъ происходили ежедневно; одинъ разъ только горцы попытались серіозно атаковать колонну барона Николаи, подвезли на близкое разстояніе свою артиллерію и открыли огонь по работавшимъ; но быстро двинутые драгуны и казаки, за которыми слѣдовали бѣгомъ три баталіона Кабардинцевъ, бросились на непріателя, изрубили нѣсколько человѣкъ и обратили его въ бѣгство. Упадокъ духа Чеченцевъ былъ уже въ то время на столько очевиденъ, они уже такъ убѣдились въ безсиліи Шамиля

защитить ихъ, что въ сборищѣ, дѣйствовавшемъ противъ насъ, едва-ли набиралось какихъ-нибудь двѣ сотни Чеченцевъ; Дагестанскіе же горцы, согнанные изъ-подъ палки, не имѣвшіе интереса въ Чеченскихъ дѣлахъ, принесли уже достаточно жертвъ на чуждое имъ дѣло, объединившіе въ послѣдніе годы до крайности, непривыкшіе къ лѣсной войнѣ, оказывались не тѣми противниками, какихъ мы встрѣчали здѣсь прежде, или нѣсколько дней тому назадъ въ Малой Чечнѣ. Войскамъ приходилось бороться съ погодой, съ трудами и лишеніями походной жизни зимою, побуждать топоромъ и лопатой, а боевыхъ лавровъ уже не гдѣ было срывать.

Въ теченіе четырехъ дней я по прежнему состоялъ при генералѣ Евдокимовѣ, выѣзжалъ за нимъ и исполнялъ его порученія; но письменныя дѣла перешли уже въ распоряженіе начальника штаба полковника Зотова и офицеровъ генеральнаго штаба, а по хозяйственной части оставались у Грачева. По вечерамъ просиживалъ я нѣкоторое время въ палаткѣ Николая Ивановича и выслушивалъ его взгляды на дѣятельность комитета.

Послѣ соединенія съ отрядомъ барона Николаи и общей рубки лѣса у аула Эспенъ, Евдокимовъ объявилъ мнѣ, что теперь онъ двинется въ Аухъ, гдѣ будутъ строить укрѣпленіе для окончательнаго занятія этой части края, а мнѣ приказалъ отправляться назадъ съ колонной, назначенной идти въ Грозную съ больными и лишними тяжестями.

5-го Ноября я возвратился въ Грозную и на другой день выѣхалъ во Владикавказъ. Здѣсь, не теряя времени, сталъ я знакомиться съ дѣлами комитета, которыхъ оказалась уже немалая куча. Удивительно у насъ способность плодить бумажное производство! Учредить сегодня какую-нибудь канцелярію и, не успѣвъ оглянуться, уже полны шкафы «дѣлъ»; уже бѣсъ бумагомаранія обуялъ здѣ сидящихъ, и пошла писать; а выйдетъ-ли изъ этого дѣйствительно-живое дѣло, окажется-ли результатъ для интересовъ общественныхъ, объ этомъ никто и не думаетъ: начальная идея, для воплощенія которой и создана эта канцелярія, сейчасъ же расплывется въ чернильномъ морѣ и забудется!..

Предсѣдателемъ комитета былъ генералъ-маіоръ Алексѣй Петровичъ Граматинъ, старый Кавказскій артиллеристъ, служака временъ Ермоловскихъ, честнѣйшій, добрѣйшій человекъ, пріобрѣтшій особую извѣстность славнымъ дѣломъ въ Дагестанѣ на Гамашинскихъ высотахъ. Въ 1851 году возмущилась Табасарань, куда Шамиль отправилъ Хаджи-Мурата съ партіей мюридовъ. Командовавшій войсками въ Дагестанѣ, князь Аргутинскій-Долгорукій, двинувшись туда съ отрядомъ, оставилъ ген. Граматина съ двумя баталіонами Апшеронцевъ на Гамашинскихъ высотахъ.

машинскихъ высотахъ и одинъ баталіонъ Самурцевъ въ Казикумыкъ, единственный резервъ для удержанія въ спокойствіи Средняго Дагестана. Съ уходомъ отряда, какъ и слѣдовало ожидать, Шамиль, собравъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, напалъ на колонну Граматина. Почтенный Алексѣй Петровичъ съ Апшеронцами поддержалъ славу старыхъ Кавказцевъ и отразилъ Шамиля съ его ордой, не взирая, что онъ превосходилъ нашихъ въ пять-шесть разъ. Потерявъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, имамъ, видя подходившій Самурскій баталіонъ, вынужденъ былъ начать поспѣшное отступленіе, не прекратившееся въ окончательное пораженіе, благодаря лишь отсутствію у Граматина кавалеріи.

Еслибы Шамилю удалось разбить Апшеронцевъ, или хоть бы только заставить ихъ бросить позицію и отступить, то въ Дагестанѣ вѣроятно вспыхнуло бы общее возстаніе, и стало бы повторяться нѣчто въ родѣ событій 1843 года; но, благодаря мужеству нашихъ молодцовъ съ одной стороны, неумѣнію Шамиля распорядиться своими массами, отсутствію въ нихъ дисциплины и отваги въ атакахъ на открытой мѣстности съ другой, неумѣнію даже задержать на дорогѣ Самурскій баталіонъ,—этого не случилось, и край оставался въ полномъ спокойствіи, такъ что мы успѣли усмирить Табасаранцевъ и благополучно возвратиться. (Объ этомъ уже разсказано во II-мъ т. «Двадцати пяти лѣтъ»).

Вскорѣ послѣ этого дѣла, генералъ Граматинъ былъ назначенъ начальникомъ центра Кавказской линіи, гдѣ и оставался до преобразованій предпринятыхъ въ 1856 г. княземъ Барятинскимъ, когда, съ учрежденіемъ Лѣваго крыла, центръ (т.-е. Кабарда) былъ присоединенъ къ нему, и отдѣльное управленіе упразднено, а Граматинъ остался безъ мѣста. Генералъ Евдокимовъ исходатайствовалъ назначеніе старику состоять въ его распоряженіи и затѣмъ поручилъ ему предсѣдательство въ комитетѣ. Добрѣйшій Алексѣй Петровичъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы съ должной энергіей взяться за новое дѣло. Нужно было перечитать массу бумагъ, переговорить съ большинствомъ представителей мѣстной аристократіи и старшинами разныхъ обществъ, вообще приложить много труда, для котораго ни предшествовавшая дѣятельность, ни физическія силы, особенно ослабѣвшее зрѣніе, уже не оказывались достаточными.

Въ Дагестанѣ встрѣчалъ меня Граматинъ, но само собою не могъ тогда въ ротномъ командирѣ предполагать человѣка, на столько знакомаго съ Кавказомъ, чтобы давать движеніе дѣламъ въ родѣ опредѣленія правъ туземцевъ; да и вообще ротный командиръ и генералъ, хотя бы и такой добрякъ какъ покойный Алексѣй Петровичъ—дистан-

ція огромнаго размѣра. Однакоже, когда я явился къ нему, онъ принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ, вспомнилъ о встрѣчахъ въ Дагестанѣ и, вовсе не скрывая, заявилъ о своемъ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе политическаго незнакомства съ дѣлами комитета. Я обѣщалъ употребить возможное стараніе къ облегченію предстоявшей ему задачи, хотя тутъ же сознался, что принять порученіе безъ всякой охоты, что съ крайнимъ сожалѣніемъ расстался съ отрядомъ и военными дѣйствіями, что исполняю только личное желаніе генерала Евдокимова и буду очень радъ, при первой возможности, отдѣлаться отъ комитета; къ этому еще болѣе побуждало меня крайнее нежеланіе находиться хотя бы въ косвенномъ подчиненіи несноснѣйшаго Саломовара-паши, имѣвшаго особую способность отравлять существованіе всѣмъ подчиненнымъ.

Я посвятилъ цѣлый мѣсяцъ разсмотрѣнію разныхъ дѣлъ и документовъ, переданныхъ въ комитетъ изъ управленій бывшаго Владикавказскаго округа и центра и пришелъ къ заключенію, что тѣмъ способомъ, какой предполагался, цѣль не могла быть достигнута. 8-го Декабря послалъ я ген. Евдокимову подробное письмо. Изложивъ вкратцѣ исторію возникновенія, еще при князѣ Воронцовѣ, такого же комитета, работы котораго остались безъ всякихъ послѣдствій и наконецъ совсѣмъ прекратились, выяснивъ совершенное различіе двухъ обязанностей, возложенныхъ на комитетъ, то есть: разсмотрѣніе и рѣшеніе различныхъ спорныхъ поземельныхъ дѣлъ въ Владикавказскомъ округѣ, и опредѣленіе личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Лѣваго крыла (обязанностей неудобоисполнимыхъ въ одно и то же время), я предлагалъ избрать въ составъ комитета двѣнадцать почетныхъ старожилловъ всѣхъ туземныхъ обществъ и сословій, assigning на ихъ содержаніе достаточныя средства; производителемъ дѣлъ назначить опытнаго, дѣловаго чиновника, не временно какъ меня, а на все время, до полнаго окончанія дѣла, обезпечивъ его приличнымъ содержаніемъ и служебными видами въ будущемъ. Комитету поставить главною обязанностью: 1) опредѣлить, какія сословія и званія существуютъ во всѣхъ туземныхъ племенахъ Лѣваго крыла; 2) личные права каждого сословія, ихъ отношенія и обязанности къ другимъ сословіямъ или отдѣльнымъ лицамъ; 3) поземельныя права каждого сословія, особливо въ горахъ и особливо на плоскости, равно и права нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, предъявляющихъ претензіи на нѣкоторые участки земель; 4) мѣстные обычаи (адаты) при сужденіи и рѣшеніи дѣлъ между лицами разныхъ сословій; 5) составить списокъ семействамъ, принадлежащимъ къ почетнымъ (вышнимъ) сословіямъ,

съ показаніемъ, на какихъ доказательствахъ основываются причисленія къ этому сословію.

Послѣ исполненія всего этого, комитетъ долженъ былъ представить свои предположенія: 1) какія права онъ полагаетъ предоставить каждому сословію порознь, личныя и поземельныя; 2) кого именно къ какому сословію причислить и 3) какъ распределить земли остающіяся въ полномъ распоряженіи правительства, не сѣшывая ихъ съ землями, которыя, по несомнѣннымъ доказательствамъ, издавна принадлежатъ частнымъ лицамъ, или уже были отведены нашими же властями подъ поселенія.

По разсмотрѣніи и утвержденіи этихъ предположеній подлежащею властью, не встрѣтится уже никакихъ препятствій къ окончанію всѣхъ спорныхъ поземельныхъ дѣлъ, и цѣль учрежденія комитета будетъ вполне достигнута; безъ этого же, споры, какъ уже были примѣры, рѣшаются по личнымъ усмотрѣніямъ, причемъ протекціи, разныя побочныя побужденія и злоупотребленія играютъ немалую роль; между тѣмъ, нѣтъ важнѣе государственныхъ вопросовъ, какъ аграрныя: они источники благосостоянія и спокойствія, или экономическихъ бѣдствій и безпорядковъ; это уже отъ древнѣйшихъ временъ такъ было и, безъ сомнѣнія, еще долго такъ будетъ. Тѣмъ важнѣе урегулированіе аграрныхъ отношеній въ странахъ, подобныхъ Кавказу, гдѣ и безъ того достаточно элементовъ для безпорядковъ и неудовольствій среди разноязычнаго, въ большинствѣ намъ враждебнаго населенія; да и самая неувѣренность, необезпеченность во владѣніи землею, съ которой ежедневно человѣкъ могъ ожидать сгона, толкала его, отъ природы склоннаго къ хищничеству туземца, къ полукочевой, разбойнической жизни.

Въ заключеніе моего письма, я просилъ ген. Евдокимова назначить безъ промедленія постоянного производителя дѣлъ комитета, такъ какъ я, по состоянію моего здоровья, скорѣ долженъ буду просить о продолжительномъ отпускѣ. И дѣйствительно, кромѣ нежеланія заниматься канцелярскимъ дѣломъ, я въ то время уже сталъ все чаще и сильнѣе ощущать тѣ болѣзненные явленія, которыя и привели меня въ послѣдствіи къ глухотѣ и къ печальной необходимости отказаться и отъ службы, и отъ всякой общественной дѣятельности.

Какія послѣдствія имѣло письмо мое и вообще чтó случилось съ комитетомъ, послѣ моего скорого отъѣзда изъ Владикавказа, мнѣ неизвѣстно. Помню только, что, еще до выѣзда, служившіе въ штабѣ офицеры передавали мнѣ, что мое письмо было прислано г. Рудановскому, который дѣлалъ на немъ различныя примѣчанія, изощряясь при этомъ въ остроуміи такого сорта: противъ моихъ заключитель-

ныхъ словъ о болѣзни и отпускѣ, онъ написалъ «убоявся премудрости, обратился вспять», чѣмъ вызвалъ весьма веселое настроеніе всѣхъ штабныхъ писарей.

Во всякомъ случаѣ сдѣланныя мною въ 1857 году указанія кажутся не потерявшими нѣкотораго значенія и до сихъ поръ. Вообще, перечитывая всѣ писанныя тогда по разнымъ предметамъ записки, съ понятнымъ всякому самодовольствіемъ, прихожу къ убѣжденію, что изгляды мои были небезосновательны и, быть можетъ, многое еще и теперь могло бы подлежать обсужденію. Я большею частью затрогивалъ вопросы, вѣчно насущные во всякой странѣ, а на Кавказѣ составляющіе, такъ сказать, азбуку всего управленія: поземельный, о путяхъ сообщенія, о разумной администраціи, примѣненной къ мѣстнымъ условіямъ, объ учрежденіи школъ, о поддержаніи христіанства, гдѣ оно еще сохраняло свои основанія и т. п. Вѣдь едва ли и въ настоящее время на Кавказѣ все уже въ этихъ отношеніяхъ сдѣлано. Если да, то, конечно, можно почитать на лаврахъ; но если нѣтъ, что вѣроятно ближе къ истинѣ (судя по тому, въ какомъ положеніи всѣ эти вопросы еще во всей Россіи находятся), то, повторяю, и теперь еще многое изъ тогдашнихъ моихъ указаній едва ли устарѣло.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Л. Зиссермана *).

XIV.

Однако не всё же война и служба...

Съ перваго дня прїѣзда въ Владикавказъ я попалъ въ какой-то водоворотъ непрерывныхъ празднествъ и разнообразнѣйшихъ удовольствій, конечно, того особаго рода, который былъ свойственъ составу общества и мѣстнымъ условіямъ.

Началось съ открытія клуба баломъ; дальше пошли балы въ немъ каждый Вторникъ и Пятницу, по Воскресеньямъ обыкновенныя собранія; въ промежуткахъ вечера въ частныхъ домахъ. Всё это, начинаясь съ 8—9 вечера, оканчивалось не ранѣе 5—6 утра, часто даже въ 7—8, когда нѣкоторыхъ дамъ съ музыкой провожали домой, вызывая на улицахъ кучки недоумѣвающихъ зрителей... Широкость натуры проявлялась на полномъ просторѣ, и всё завершалось самой азартнѣйшей картежной игрой и разливнымъ моремъ вина.

Всё это веселье лишилось бы однако своего увлекательнаго характера, еслибы не домъ командира Тенгинскаго полка Алексѣя Петровича Опочинина. Кто изъ перебивавшихъ на Кавказѣ въ концѣ сороковыхъ и до конца пятидесятихъ годовъ не зналъ дома Опочининыхъ во Владикавказѣ, этого воплощенія широчайшаго Кавказскаго гостепріимства? И самъ Алексѣй Петровичъ, и его супруга Варвара Яковлевна были само добродушіе, сама любезность, само веселье. Какая-то милѣйшая беззаботность, отсутствіе всякой серьезности, непрерываемое свѣтлое расположеніе духа, жажда удовольствій, развлеченій, желаніе быть окруженными весело настроенными лицами, слышать шутки, смѣхъ, однимъ словомъ, вѣчный праздникъ былъ принадлежностью этого дома; девизомъ его было: *Man lebt nur ein Mal!* ¹⁾... Оттуда исходила инициатива всякихъ удовольствій, тамъ зарождались всѣ затѣи, тамъ онѣ заканчивались. Никакой серьезный человекъ, разъ попавшій въ кружокъ постоянныхъ посѣтителей дома Опочининыхъ, не могъ устоять противъ этого увлеченія, или, вѣрнѣе, запоя беззаботнѣйшаго веселья и дурачества! Къ тому же Алексѣй Петровичъ, довольно равнодушный къ военнымъ лаврамъ, въ экспедиціяхъ участія не принималъ, почти безвыѣздно пребывалъ во Владикавказѣ, и потому

*) См. Русскій Архивъ сего года кн. 1-я, стр. 67, 273 и 600.

¹⁾ Живешь всего одинъ разъ.

излюбленный образъ жизни могъ идти безъ перерывовъ; каждый разъ расходившіеся гости могли, подобно Вестфальскому королю Жерому, повторять: *Morgen wieder lustig* ²⁾...

Зима 1857—58 г. была замѣчательная: съ 6 Ноября выпалъ снѣгъ, и въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ мы пользовались прекрасною санною дорогою. Такое рѣдкое явленіе въ той мѣстности способствовало всѣмъ затѣваемымъ увеселеніямъ и лишало ихъ монотоннаго однообразія. То мы въ цѣлой вереницѣ саней отправлялись въ Балту (первая станція по дорогѣ въ Тифлисъ) къ офицеру путей сообщенія Бениславскому обѣдать, гдѣ собравшіеся Осетины развлекали насъ національными плясками, пѣснями, хороводами, устраивая пирамиды съ ловкостью истыхъ гимнастовъ, а при возвращеніи вечеромъ въ Владикавказъ скакали съ десятками факеловъ, джигитовали, стрѣляли и проч. Въ другой разъ устроили пикникъ—поѣздку къ тому же Владиславу Бениславскому, типу истаго «*Rana marschalka*», элегантнаго ухаживателя за барынями и завятаго мазуриста. Всѣ въ поѣздѣ были замаскированы, даже кучера и музыканты Тенгинскаго полка вымазали рожи сажей и надѣли полушубки шерстью вверхъ. Такъ тамъ обѣдали, плясали, дурачились безъ конца... Между прочимъ устроили базаръ и, шутя, собрали 250 р. въ пользу бѣдныхъ. На обратномъ пути, при факелахъ, поѣздъ сопровождался верхами Грузинской свадьбой, воспроизведенной вполне, со всѣми оригинальными приѣмами и обычаями, Грузинскими хоровыми пѣснями, стрѣльбой и проч. По возвращеніи въ городъ—прямо въ клубъ, продолжали танцы до 4-хъ, а затѣмъ карты до 7-ми утра!...

То вдругъ экспромтомъ усаживались въ нѣсколько саней и совершали набѣгъ въ Ардонъ, на командира Владикавказскаго казачьяго полка Шостака, заставляя бѣднаго старика, совсѣмъ не приготовленнаго къ такому сюрпризу, хлопотать объ угощеніи, музыкѣ, ночлегахъ. Или, также невзначай, появлялись въ аулъ какого-нибудь Осетинскаго аристократа и, послѣ нѣсколькихъ часовъ пированія на туземный ладъ, скакали обратно, обгоняли другъ друга и, не успѣвъ передохнуть и переодѣться, уже опять собирались въ клубъ или у Опочининыхъ на всю ночь... Иной разъ въ большія сани, запряженные пятью лошадьми, усаживались дамы, а къ этимъ санямъ привязывался цѣлый рядъ, одни за другими, 6—7 штукъ салазковъ, на которыхъ возсѣдали молодые офицеры, и такъ неслись по улицамъ, преслѣдуе-

²⁾ Завтра опять весело.

мые собаками, толпами гвѣвакъ, опрокидывались, опять усаживались, шумъ, хохотня, остроты...

И въ такомъ родѣ, день изо-дня, мѣсяца три продолжался этотъ запой веселья, при чемъ, нужно однако сказать совершенно безпристрастно, ни разу ни лишне-выпившихъ, ни малѣйшаго неприличія, ни малѣйшей пересоленной вольности въ отношеніи дамъ не проявлялось, и даже картежная оргія, не взирая на крупные размѣры и разношерстность играющихъ, не вызвала ни одного недоразумѣнія или непріятности. Комическаго было много, особенно со стороны дамъ зрѣлаго возраста, но молодившихся *quand même* *) и пускавшихся въ плясъ, въ модный тогда танецъ «лансье»; но неприличнаго ни тѣни.

Въ настоящее время читателю, не изъ старыхъ Кавказцевъ, можетъ показаться страннымъ или, вѣрнѣе, непрослительно пошлымъ «прожиганіемъ жизни» (новѣйшее словечко) такое препровожденіе времени въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ; но нужно перенестись за 28 лѣтъ назадъ и знать тогдашнія условія существованія на Кавказѣ военнаго общества, чтобы снисходительнѣе взглянуть на эти шалости. Людьми, проводившимъ четыре-пять мѣсяцевъ зимою, въ холодъ, слякоть, въ дырявой палаткѣ, съ 4-го ч. утра до 5—6 пополудни, на рублѣ лѣса, въ перестрѣлкахъ, въ какомъ-нибудь маленькомъ укрѣпленіи, изъ котораго никуда выйти нельзя и т. п., совершенно простиительно, добравшись до штабъ-квартиры полка или города, гдѣ живутъ болѣе мирною общественною жизнью, забыться среди возможныхъ удобствъ и удовольствій, не очень соображаясь съ ихъ размѣрами. Вѣдь какое время это было! Сегодня танцы, дамское общество, веселье,—завтра «жеминутная опасность, голодъ, холодъ, тоска; сегодня роскошный ужинъ, деликатесы, грѣтый лафитъ и замороженное шампанское,—завтра сухарь, мутная гуща вмѣсто чаю, продымленная похлебка, вездѣ грязь, кучки измокшихъ, истомленныхъ солдатъ, да не рѣдко распеканія какого-нибудь желчнаго брюзги-командира; сегодня пикники, завтра прострѣленная грудь, раздробленная рука, или тифъ и промозглый госпиталь... Ну, и вырабатывались эти особые типы беззаботныхъ людей, для которыхъ всё трынъ-трава,—жизнь копѣйка!

Къ тому же, службѣ даже такія сумазбродныя, продолжительныя веселья не мѣшали. Я самъ тогда во Владикавказѣ, хотя и усердный участникъ всѣхъ этихъ баловъ, пикниковъ, маскарадовъ, каждый день нѣсколько часовъ посвящалъ дѣламъ комитета и въ теченіе мѣсяца достаточно ихъ изучилъ, какъ уже и сказано въ предыдущей главѣ.

*) Во что бы ни стало.

Страдало, конечно, здоровье большинства; но кто же въ молодости о здоровьи думаетъ?...

Можетъ явиться другой, совершенно естественный вопросъ—откуда брались средства у военныхъ людей на такіе пиры съ лафитомъ и шампанскимъ? Отвѣтъ можно найти въ предшествовавшихъ главахъ. Полковые, батарейные и всякіе командиры имѣли свои источники доходовъ отъ продовольствія лошадей, отъ лазаретовъ, обмундированія и проч., инженеры отъ построекъ и ремонтовъ, путейцы отъ дорогъ и мостовъ, провіантскіе чиновники отъ поставщиковъ, доктора отъ госпиталей и т. п. Одна Военногрузинская дорога, съ такими благодѣтелями, какъ мѣняющій русла Терекъ, Бѣшеная балка, каменные обвалы, свѣжные завалы, подмытые берега,—чего стоила! А перевозка по этой дорогѣ провіанта? И эдакихъ, въ своемъ родѣ Калифорній, было по всѣмъ частямъ слава тебѣ Господи!...

Деньги расходовались съ легкостью, свойственной широкой Славянской натурѣ (въ чемъ ей и Грузинская не уступитъ...) вообще, а военнымъ людямъ въ особенности. «*Leicht gewonnen, leicht zerropfen*» *). Молодежь же частью получала пособія отъ родныхъ, частью дѣлала долги, частью выигрывала въ карты и ставила послѣдній грошъ ребромъ, въ надеждѣ на будущія, лучшія времена.

«Гдѣ дрова рубяты, тамъ щепки валятся», говоритъ пословица. «Гдѣ война, тамъ деньги валятся», можно перефразировать, и если это такъ происходитъ у болѣе цивилизованныхъ, строже контролируемыхъ народовъ Запада (кромѣ Прусаковъ впрочемъ), то намъ уже и совсѣмъ простиительно было въ дореформенныя времена. Далъ бы Богъ, только впредъ уже устранить это стародавнее зло!...

XV.

Во II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» я рассказывалъ о баронѣ Александрѣ Евстафьевичѣ Врангелѣ, оставившемъ Кавказъ въ 1855 г., тотчасъ по пріѣздѣ Н. Н. Муравьева. Баронъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи, удостоился въ Петербургѣ весьма лестнаго вниманія, возведенъ въ званіе генералъ-адъютанта, всё это, само собою, благодаря князю Барятинскому, также точно оставившему Кавказъ, послѣ назначенія Муравьева главнокомандующимъ.

По поводу этихъ оставленій Кавказа княземъ Барятинскимъ и бар. Врангелемъ носились различные слухи и анекдоты, которымъ всѣ въ-

---

*) Легко пріобрѣтенное легко разсыпается.

рили. Говорили, что Барятинскій былъ вытребованъ на встрѣчу Муравьева въ Душетъ, гдѣ за докладомъ долженъ былъ выслушать весьма колкія замѣчанія и намеки на бесполезность дальнѣйшаго пребыванія въ краѣ, и еще много въ этомъ родѣ. Между тѣмъ всё это оказывается пустою болтовнею. Я читалъ въ военноученомъ архивѣ Главнаго Штаба собственноручныя письма Муравьева къ военному министру, въ которыхъ онъ описывалъ шагъ за шагомъ свой проѣздъ по Кавказу, свои впечатлѣнія и взгляды на дѣла, на начальствующихъ лицъ. Ни о комъ ни одного дурнаго слова; напротивъ, самые лестные отзывы. Козловскій (тогда командующій войсками на всей Кавказской линіи) расхваленъ съ крайними преувеличеніями; объ Евдокимовѣ я уже рассказывалъ, какъ лестно онъ отозвался; о баронѣ Вревскомъ (Ипполитъ Александровичъ) выразился, что это генералъ съ большими военными соображеніями; о бар. Врангелѣ, что это давно извѣстный своею прямою и храбростію человекъ; о князѣ Барятинскомъ, что весьма желалъ удержать въ краѣ такого способнаго человека и предлагалъ ему дѣйствующій въ Азіатской Турціи корпусъ (вмѣсто князя Бебутова); но онъ отказался и, къ крайнему сожалѣнію, оставилъ Кавказъ. Объ единственномъ человекѣ, наказномъ атаманѣ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіорѣ князѣ Эристовѣ, отзывъ Муравьева былъ неблагопріятный... «Атаманъ боленъ, а въ войскѣ всё скверно; нужно на это мѣсто человека энергическаго, опытнаго, дѣловаго». Вслѣдъ за этимъ Эристовъ былъ уволенъ, и на его мѣсто Муравьевъ вызвалъ изъ Варшавы генералъ-маіора *, командовавшаго долгое время Варшавскимъ жандармскимъ дивизіономъ, бывшаго прежде адъютантомъ у Паскевича. Милѣйшій, симпатичный, славный человекъ, любитель хорошо пожить, отлично игравшій въ преферансъ и проч., едва ли обладалъ хотя однимъ изъ тѣхъ качествъ, которые самъ Муравьевъ указывалъ, какъ на необходимыя для атамана. Ни опытности, потому что откуда же Варшавскому жуиру и жандармскому командиру имѣть понятіе о Кавказскомъ казачьемъ войскѣ, съ его сложнымъ военно-судебно-административно-хозяйственнымъ управленіемъ, гдѣ въ одно и тоже время писали: «слушали, приказали» и по военному «приказы», обязательные къ исполненію безъ разсужденій? Ни энергіи, потому что она вовсе не была въ характерѣ очень добраго, но имѣвшаго эпикурейскія наклонности человека. Ни дѣловитости, потому что предшествовавшая служба не давала почвы для образованія этого качества. Однимъ словомъ, * прекрасный, честный былъ человекъ, поведенію и старавшійся войти въ свою роль, пользовавшійся общимъ расположеніемъ, но не атаманъ, какимъ самъ Муравьевъ изображалъ

нужнаго на это мѣсто человѣка. Собственно атаманомъ, не *de jure*, но *de facto*, былъ его дежурный штабъ-офицеръ К...

Вотъ такъ-то большею частью и выходитъ разладъ между словомъ и дѣломъ! И неудивительно, ибо человѣку свойственно ошибаться. И ни въ чемъ не бываетъ такъ трудно избѣгнуть ошибки, какъ въ выборѣ людей на соответствующія мѣста. Н. Н. Муравьевъ былъ человѣкъ умный, опытный, но въ этомъ отношеніи очевидно плошалъ. Онъ, напримѣръ, выписалъ (кажется изъ отставки) генерала-майора Лукаша губернаторомъ въ Тифлисъ. Генералъ Лукашъ въ Польскую войну командовалъ гренадерскимъ полкомъ, на штурмѣ Варшавы отличился, получилъ Георгія на шею. Это онъ шелъ впереди полка съ пѣсельниками, «ахъ зачѣмъ было огородъ городить», и проч., — что извѣстно давно изъ разсказовъ. Что и говорить, молодецъ; но какое же это имѣетъ отношеніе къ дѣламъ Губернскаго Правленія вообще, а Тифлискаго въ особенности? Какъ и слѣдовало ожидать, г. Лукашъ оказался далеко не героемъ при столкновеніи съ авторами разныхъ «слушали и приказали», возбудилъ множество забавныхъ объ себѣ анекдотовъ, и вслѣдъ за Муравьевымъ исчезли изъ Тифлиса Лукашъ, Лукашиха и Лукашенокъ, какъ шутники называли это тріо губернаторской семьи. Мѣстомъ успокоенія оказался, если не ошибаюсь, Московскій департаментъ Сената...

Такое же неудачное назначеніе сдѣлалъ Муравьевъ, посадивъ на мѣсто князя Барятинскаго начальникомъ штаба генералъ-майора Индреніуса. Это былъ хорошій, честный Шведъ, исправный начальникъ отдѣленія въ штабѣ, *чиновникъ* военнаго вѣдомства, но для должности начальника штаба Кавказской арміи требовалось кое-что большее. И Индреніусъ вслѣдъ за Муравьевымъ уѣхалъ губернаторствовать на своей Финляндской родинѣ...

Въ концѣ 1857 года, когда владѣтель Сванетіи Дадешкелианъ убилъ Кутаисскаго генералъ-губернатора князя Гагарина, князь Барятинскій предложилъ это мѣсто барону Врангелю, и тотъ изъяснилъ согласіе. Въ Генварѣ 1858 г. состоялось назначеніе, и баронъ выѣхалъ на Кавказъ. Ему нужно было остаться въ Владикавказѣ дня на два, чтобы устроить переѣздъ чрезъ горы, въ которыхъ за большими снѣгами трудно было перевезти экипажи, и онъ остановился у меня. Между прочимъ баронъ разсказалъ мнѣ, что хотя назначенъ Кутаисскимъ ген.-губернаторомъ, но, судя по послѣднимъ письмамъ изъ Тифлиса, ему, кажется, придется быть командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ; въ такомъ случаѣ онъ желалъ бы, чтобы я опять служилъ при немъ.

Я съ удовольствіемъ согласился на это предложеніе, и рѣшено было, что если состоится назначеніе барона въ Дагестанъ, то по пріѣздѣ въ Темиръ-ханъ-Шуру онъ тотчасъ сдѣлаетъ представленіе о назначеніи меня дежурнымъ штабъ-офицеромъ, а я между тѣмъ воспользуюсь промежуткомъ времени и съѣзжу въ отпускъ.

Послѣ отъѣзда барона Врангеля изъ Владикавказа потребовалъ меня къ себѣ генералъ Рудановскій.

Являюсь.

— По какому случаю баронъ Врангель останавливался у васъ?

«Безъ всякаго случая, ваше превосходительство; просто, какъ у бывшаго своего адъютанта».

— Вамъ, милостивый государь, *еще рано генераль-адъютантовъ у себя принимать!* уже закипѣвъ и раскраснѣвшись, крикнулъ Самоваръ-паша.

Я чуть не фыркнулъ. Вѣдь можетъ же человѣкъ, вовсе не глупый и образованный, доходить до такой пошлости! Много времени спустя, я рассказывалъ барону Врангелю объ этой выходкѣ Рудановскаго, но онъ не повѣрилъ и считалъ ее плодомъ моего остроумія.

Чтобы не терять времени, я тотчасъ подалъ просьбу объ отпускѣ на три мѣсяца и предварительно поѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ надѣялся исходатайствовать себѣ командировку въ Петербургъ, чтобы воспользоваться казенными прогонами и курьерской подорожной, что значительно сокращало время переѣзда и избавляло отъ многихъ неприятностей въ путешествіи на почтовыхъ. Тогда такъ часто посылались изъ Тифлиса курьеры съ экстренными бумагами или порученіями въ Петербургъ, что я надѣялся, при помощи Романовскаго, успѣть въ этомъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я остановился у начальника горной части полковника Иваницкаго. Это была личность, извѣстная на Кавказѣ въ пятидесятыхъ и первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Александръ Борисовичъ Иваницкій, дѣльный горный инженеръ, былъ назначенъ управлять Алагирскимъ заводомъ, устроеннымъ княземъ Воронцовымъ въ надеждѣ добывать серебро и свинецъ. Устроено все было прекрасно, съ немалыми пожертвованіями, съ поселеніемъ нѣсколькихъ сотъ семействъ, переведенныхъ съ Урала чернорабочихъ и проч.; но результатовъ не оказалось, и надежды не сбылись. Винить въ этомъ Иваницкаго, впрочемъ, нельзя было: «на нѣтъ суда нѣтъ». Нужно было, не полагаясь на увѣренія какого-то Грека-Чекалова, лучше удостовѣриться, есть ли серебряная руда и въ какомъ количествѣ, и тогда уже строить заводъ. Впрочемъ объ этомъ я и говорить подробно не могу, не зная хорошенько дѣла; но Иваницкій былъ человѣкъ вы-

дававшійся по уму, обширному образованію и замѣчательной діалектикѣ. Пріятнѣе собесѣдника трудно было найти.

Въ 1855 году, имѣя отъ барона Вревскаго порученіе по возстановленію Православія въ горной Осетіи, я проѣзжалъ чрезъ Алагиръ и, по Кавказскому обычаю, прямо подъѣхалъ къ мѣстному начальнику. Александръ Борисовичъ, когда я весь запыленный представился и прибавилъ что баронъ Ипполитъ Александровичъ ему кланяется, принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ, оставилъ у себя ночевать, удержалъ еще сутки, показалъ заводъ, познакомилъ съ своими сослуживцами, очаровалъ меня и своимъ радушіемъ, и своею умною, еще болѣе остроумною рѣчью. Съ тѣхъ поръ мнѣ еще нѣсколько разъ пришлось бывать у него въ Алагирѣ, онъ въ свою очередь въ Владикавказѣ бывалъ у меня; я сблизился съ его зятемъ Д. В. Пиленко, и такимъ образомъ заключилось доброе знакомство.

Новый намѣстникъ князь Барятинскій перевелъ Иваницкаго въ Тифлисъ начальникомъ всей горной части на Кавказѣ. Здѣсь у Иваницкаго составилъ ближайшій кружокъ знакомыхъ изъ всей семьи Ѳадѣевыхъ, т.-е. извѣстнаго Ростислава, автора «Чѣмъ намъ быть» и мн. др. извѣстныхъ статей, его сестеръ, зятя Ю. Ф. Витте, тогда директора департамента государственныхъ имуществъ, племянницъ Ѳадѣева *), да постоянного ихъ посѣтителя В. А. Инсарскаго,—все личности, достаточно извѣстныя не на одномъ Кавказѣ.

Къ Иваницкому, жившему на холостую ногу, иногда собирались по вечерамъ на «банкетъ», шуточно такъ-называемый, а собственно на чай и скромный ужинъ, на которомъ обязательно фигурировалъ жареный индюкъ и обиліе Кахетинскаго. За этими-то ужинами, далеко за полночь, самъ хозяинъ, Р. Ѳадѣевъ и Инсарскій изощрялись въ краснорѣчіи, большею частью юмористическаго свойства, съ примѣсью изрядной доли цинизма, котораго у первыхъ двухъ имѣлось въ достаточномъ количествѣ... Доставалось въ этихъ бесѣдахъ и сему и овому, предъ кѣмъ однако на другой день гнулись спины и сладко лепетали уста...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною тогда въ квартирѣ Иваницкаго, случился эпизодъ, о которомъ не могу не упомянуть, чрезвычайной характерности ради.

Не задолго предъ этимъ временемъ въ Тифлисъ явился гвардейскій полковникъ Х., назначенный состоять при главнокомандующемъ.

---

*) Одна изъ этихъ племянницъ—Елена Петровна Блавацкая, ур. Ганъ, обогатила нашу печать своими необыкновенно занимательными разсказами объ Индіи и описаніемъ ея чудесъ, появляющимися въ «Русскомъ Вѣстникѣ», за подписью Рада-бай. П. Б.

Х. занимался фотографіей, и Оадѣвъ съ Иваницкимъ устроили ему случай для практики по части академическихъ позъ; роль натурщицы приняла на себя г-жа **. Я не былъ приглашенъ присутствовать при самомъ фотографированіи, но видѣлъ послѣ карточки.

Признаюсь, хотя г-жа ** по ея похожденіямъ и тогда уже была достаточно извѣстна, хотя цинизмъ Оадѣва тоже не составлялъ для меня новости, послѣ многихъ его разсказовъ и бесѣдъ о быломъ близкихъ ему лицъ, но этотъ пассажъ съ фотографированіемъ поразилъ меня. Съ одной стороны такое паденіе, съ другой такое презрѣніе къ чувству родства, и со всѣхъ сторонъ такое равнодушіе къ скромнѣйшимъ требованіямъ не идеальной, а самой снисходительной нравственности!.. И съ какимъ беззаботнымъ смѣхомъ они всѣ тогда относились ко всей этой операціи, отъ которой мнѣ въ другой комнатѣ было неловко,—я же вовсе не причисляю себя къ Пуританамъ...

О результатахъ управленія А. Б. Иваницкимъ горною частью рѣшительно ничего сказать не могу. Да у насъ вѣдь вообще какъ-то ощутительные результаты бываютъ только по военной части: побьемъ, завоюемъ и оснуемся; тутъ уже вопросительныхъ знаковъ ставить не приходится. По остальнымъ же частямъ, а особенно такимъ специальнымъ какъ горная, никогда не знаешь, что они собственно дѣлаютъ? Только и слышишь: «неисчерпаемыя богатства, нѣдра горъ, великая будущность страны», и проч. и проч.; но въ результатѣ всѣ неисчерпаемыя нѣдра оказываются экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ и карманами Русскаго народа...

Много говорилось на Кавказѣ и о сѣрѣ, и о каменномъ углѣ, и о мѣди, и о серебрѣ, даже о золотѣ въ р. Акстафѣ, и о богатѣйшихъ минеральныхъ источникахъ; но, не взирая на пребываніе въ краѣ, въ теченіи 25 лѣтъ, ученаго геолога Абиha, не взирая на горное управленіе, само собою, съ немалыми расходами казны, практическихъ, выгодныхъ результатовъ что-то не слышать пока. Единственное исключеніе—нефтяные источники въ Баку и частью въ Кубанской области; но тутъ работала сама природа, затѣмъ частные люди; участіе же г. Абиha или горныхъ чиновниковъ едва ли въ чемъ выразилось.

Среди міра Тифлисскихъ сановниковъ, звѣздъ разной величины, получавшихъ блескъ свой отъ главнаго свѣтила—намѣстника, покойный А. Б. Иваницкій не былъ своимъ человѣкомъ и близкаго знакомства ни съ кѣмъ изъ нихъ не водилъ (кромѣ Витте и Инсарскаго, о чемъ я говорилъ выше); но всѣ имъ интересовались и внимательно слѣдили за нимъ: ибо онъ то являлся какъ бы приближеннѣйшимъ человѣкомъ къ князю Барятинскому, къ которому входилъ каждое утро,

и въ теченіе часа изъ кабинета слышался звонкій его голосъ, смѣхъ, затѣмъ выходъ въ самомъ веселомъ настроеніи; то онъ опять какъ бы исчезалъ съ горизонта, и во дворцѣ объ немъ уже не было помина. Тотчасъ общее недоумѣніе, толки, догадки...

Такія пертурбаціи повторялись, кажется, раза два-три. Подавалъ ли самъ Иваницкій поводъ къ неблаговоленію, давъ въ потокъ рѣчи лишнюю волю языку (что отъ него весьма могло статься, и князь Барятинскій, желая намекнуть: «однако ты, любезный, не забывай предъ кѣмъ говоришь» переставалъ не только допускать его предъ себя, но даже обращать на него вниманіе; или князь просто, по свойственнымъ большому барину капризамъ, то приближалъ, то удалялъ Иваницкаго (что случалось и съ другими), положительно сказать не могу; помню только, что не разъ эти отношенія служили темой весьма оживленныхъ разговоровъ.

Такъ или иначе, но А. Б. Иваницкій былъ человѣкъ весьма умный, образованный, и жаль, что обстоятельства такъ сложились, что онъ не успѣлъ совершить ничего выдающагося, могущаго сохранить объ немъ на долго память на Кавказѣ.

Выше я упомянулъ объ академикѣ Абихѣ, и кстати сказать здѣсь еще нѣсколько словъ объ этомъ почтенномъ, ученомъ мужѣ и прекрасномъ человѣкѣ. При взглядѣ на него, совершенно невольно повторялись извѣстные стихи князя Вяземскаго:

Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока до всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него!

И, дѣйствительно, какъ будто объ г. Абихѣ это сказано; потому что, повторяю, это былъ почтенный, глубокомысленный мудрецъ. Но, въ этомъ *но-то* и вся штука для насъ, профановъ, по крайней мѣрѣ. Четверть вѣка провелъ академикъ на Кавказѣ, жалованъ въ генеральскій чинъ, украшенъ множествомъ крестовъ и звѣздъ, получалъ значительное казенное содержаніе съ прибавленіями, наконецъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и проживаетъ уже болѣе десяти лѣтъ для изданія, на казенный счетъ, на Нѣмецкомъ языкѣ геологическаго сочиненія о Кавказѣ. (А можетъ быть уже и издалъ?) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что книга выйдетъ капитальная, «составитъ цѣнный вкладъ въ науку» — Германскую; много такихъ же ученыхъ мужей, по поводу этой книги, напишутъ не одинъ томъ комментаріевъ, дополненій и критикъ; авторъ утвердитъ на незыблемомъ основаніи свою ученую славу и проч. Но приче́мъ же здѣсь казна матушка, приче́мъ польза для Кавказа, т.-е.

польза осязательная, реальная? Не найдется ли знающій человѣкъ, который бы разъяснилъ это? Онъ можетъ быть увѣренъ въ большой благодарности всѣхъ интересующихся преуспѣяніемъ Кавказа.

Еще разъ повторяю: академикъ Абихъ, помимо своей учености, весьма почтенный, прекрасный человѣкъ, личнымъ знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться; ни малѣйшаго намѣренія не имѣю ни порицать его дѣятельности, ни упрекать его въ чемъ-нибудь; очень быть можетъ, что онъ выполнялъ все, что правительство могло отъ него требовать и что входило въ сферу его академическихъ обязанностей; но я, подобно девяти десятымъ Кавказцевъ, съ которыми случалось говорить, ставлю вопросительный знакъ предъ всею этою ученою дѣятельностью, предъ всѣми этими казенными затратами. Ахъ, еслибы гг. академики рѣшались иногда сойти съ Олимпа и бросить толпѣ нѣсколько разъяснительныхъ строчекъ! ..

Поѣздка моя въ Тифлисъ не увѣнчалась успѣхомъ. Д. И. Романовскій какъ разъ въ это время подвергся остракизму (о чемъ рассказано въ предыдущихъ главахъ), а Д. А. Милютинъ, къ которому я обратился съ просьбой о командировкѣ, отвѣчалъ, что къ сожалѣнію первая командировка въ Петербургъ уже давно обѣщана самимъ главнокомандующимъ своему адъютанту Молоствову, ожидать же слѣдующей пришлось бы неопредѣленное время. При этомъ Дмитрій Алексѣевичъ предложилъ мнѣ занять мѣсто начальника горскаго отдѣленія въ штабѣ. (Тогда еще не было отдѣльнаго горскаго управленія, съ штатами и окладами цѣлаго министерства). Я поблагодарилъ за лестное вниманіе и доложилъ о состоявшемся съ барономъ Врангелемъ соглашеніи поступить къ нему дежурнымъ штабъ-офицеромъ.

Только въ послѣдствіи увидѣлъ я, какую глупость сдѣлалъ, не принявъ предложенія Д. А. Милютина, и до сихъ поръ даже не могу себя простить такого явнаго отсутствія всякой сообразительности. Ну и наказанъ же я былъ!

Возвратившись во Владикавказъ, я въ нѣсколько дней собрался и 25-го Февраля пустился въ путь на Сѣверъ.

XVI.

Путешествіе мое, предпринятое въ самое неудобное время, въ распутицу, было рядомъ мученій. Только тѣ, кто помнятъ ѣзду по нашимъ грунтовымъ дорогамъ, на перекладныхъ, раннею весною или осенью, могутъ себя представить, что пришлось мнѣ испытывать.

Дождь, рѣзкій холодный вѣтеръ, брызги грязи, перекадываніе изгаженныхъ вещей съ телѣги на телѣгу, влѣзаніе въ мокрой, тяжелой шубѣ въ этотъ экипажъ безъ подножки, безъ возможности облокотиться, отчего спина и плечи ныли и причиняли нестерпимую боль; переѣзды по пяти-шести верстѣ въ часъ, ночлеги на станціяхъ, большею частію холодныхъ или угарныхъ, отличавшихся классическою неопрятностью и отсутствіемъ самыхъ скромныхъ предметовъ не только удобства, но хотя бы для утоленія голода. Въ довершеніе всего, ежедневно какія-нибудь препятствія, вынуждавшія останавливаться и терять десятки часовъ: то снесенная гать, то провалившійся мостикъ, то какія-то вдругъ появившіяся цѣлыя озера растаявшихъ снѣговъ, на такихъ мѣстахъ, гдѣ въ обыкновенное время даже признаковъ воды нѣтъ; то, наконецъ, невозможность перебраться черезъ Донъ или Днѣпръ, на которыхъ ледъ уже не выдерживалъ тяжести пѣшихъ людей, и т. п. безъ конца.

Отдохнувъ сутки въ Ставрополѣ, утопавшемъ въ грязи, я 2-го Марта поѣхалъ дальше. Болѣе трехсотъ верстѣ до Дона сплошная необозримая степь, изрѣдка лишь оживляемая станицею; степь вообще не такая, какую восхищался Гоголь на своей милой Малороссійской родинѣ, гдѣ она лѣтомъ покрыта, какъ роскошнымъ ковромъ, массою прелестныхъ полевыхъ цвѣтовъ, среди сочной зеленой травы; нѣтъ, Донскія степи и лѣтомъ не таковы, большею частью очень скоро выгораютъ и принимаютъ самый безжизненный и скучный видъ, а въ Мартѣ это уныло-мертвенная, однообразная, озлобляющая путника мѣстность. Разстоянія кажутся безконечными, тѣмъ болѣе, что почтовые порядки на этомъ пространствѣ во время оно отличались извѣстнымъ по всей Россіи безобразіемъ, и станціонныя клячи уже однимъ видомъ своимъ приводили путника въ отчаяніе; вода вездѣ солоноватая, грязная, народъ на станціяхъ грубый; однимъ словомъ, воспоминаніе о путешествіи тамъ уже само по себѣ очень непріятно. Наконецъ, на самомъ берегу Дона пришлось съ десяти часовъ утра расположиться въ какой-то комнатѣ, наполненной массою народа, и ждать неопредѣленное время возможности перейти на другую сторону. Хорошо еще, что я предъ тѣмъ догналъ тоже ѣхавшаго изъ Владикавказа путейца Микулина, и мы по крайней мѣрѣ вдвоемъ дѣлили горе безконечными разговорами о дорогѣ нашей Кавказъ, о томъ-то что прожитой веселой зимѣ и проч.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ насъ къ станціи подскочила тройка, раздался извѣстный возгласъ ямщика «курьерскихъ!», и въ комнату вошелъ Молодцовъ, адъютантъ князя Барятинскаго, которому, какъ я упомянулъ выше, была обѣщана первая командировка въ Пе-

тербургъ. Однако тутъ и курьерская подорожная не помогла: казачій офицеръ, наблюдавшій за порядкомъ на берегу, и Молоствову объявилъ, что нѣтъ никакой возможности перебраться на другой берегъ, и что если ночью подморозитъ, къ разсвѣту можетъ быть и рискнетъ пустить насъ съ опытными проводниками и носильщиками. Молоствову ничего больше не оставалось какъ присосѣдиться къ намъ и предаться тому же безконечному чаепитію, а затѣмъ сну, на полу, на мокрыхъ шубахъ и буркахъ. Кстати же кости наши, а его особенно, въ этомъ весьма нуждались.

Ночью я нѣсколько разъ выходилъ справляться о морозѣ и къ великой радости чувствовалъ, какъ меня пробирало. Предъ разсвѣтомъ мы наскоро напились чаю и, благодаря любезности хорунжаго, пустились въ путь со всеѣми обычными предосторожностями: баграми, досками, гуськомъ, съ опытными провожатыми. Въ Аксай Молоствову тотчасъ же подали курьерскихъ, и онъ умчался; а мы съ Микулинымъ еще часа два прождали на берегу лошадей. Впрочемъ, Аксай, станица-городъ, не хуже иного губернскаго, и послѣ мертвенныхъ степей показался такимъ оживленнымъ, что мы не претендовали за эту задержку. Наконецъ, и намъ привели лошадей, и мы разъѣхались—Микулинъ на Воронежъ, я на Ростовъ.

За Ростовомъ встрѣтилъ я возвращавшагося изъ Орловской губерніи на Кавказъ барона Ипполита Александровича Вревскаго; въ каретѣ ѣхала его теща m-me Варпаховская съ племянницей, а въ какомъ-то открытомъ шарабанѣ онъ съ покойной женой своей и ея сестрой. Дорога была такая адская, что иначе нельзя было ѣхать какъ шагомъ и то рискуя опрокинуться или завязнуть. Узнавъ меня, баронъ приказалъ остановиться, я подошелъ, и мы нѣсколько минутъ поговорили. Я разсказалъ о послѣднихъ дѣлахъ на Лѣвомъ крылѣ, о слухахъ въ Тифлисѣ, о назначеніи барона Врангеля въ Дагестанъ и пр.

— Ну, а каковы дороги тамъ, къ Ставрополю?

«Все такія же, ужасныя; вообще не можетъ быть хуже времени для путешествія».

— Что же было дѣлать? Мнѣ нужно спѣшить на линію (т.-е. на Лезгинскую, гдѣ баронъ Вревскій былъ командующимъ войсками), нужно готовиться къ лѣтней экспедиціи и покончить съ многими дѣлами. Ну-съ, прощайте, желаю вамъ успѣха!

И распрощались, не думая конечно, что навсегда. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ послѣ этого свиданія, и баронъ Вревскій, тяжело раненный на штурмѣ Лезгинскаго аула Китури, былъ вынесенъ изъ дѣла, отправленъ въ Телавъ и тамъ скорѣ умеръ.

Этотъ моментъ неудачнаго для насъ боя въ аулѣ (боя, между нами будь сказано, едва ли нужнаго для цѣлей отряда....) прекрасно переданъ въ картинѣ Мюнхенскаго художника Горшельта, нѣсколько лѣтъ прошедшаго на Кавказѣ среди нашихъ отрядовъ. Никто изъ художниковъ такъ жизненно-вѣрно, такъ типично не схватывалъ Кавказской природы, людей, животныхъ, какъ Горшельтъ. Каждая фигура солдата, казака, горца, каждая лошадь, буйволъ, самый мелочной предметъ одежды, вооруженія и проч. совершеннѣйшіе *chef-d'oeuvre*. И какъ же блѣднѣютъ предъ нимъ всѣ прочіе, старые и новые художники, посвящавшіе Кавказу свои кисти! Къ тому же Горшельтъ былъ лихой парень, всегда дружилъ съ кружкомъ штабной молодежи, кутилъ съ ними на пропалую, научился джигитовать, и ничего педантически Нѣмецкаго въ немъ не замѣчалось. По возвращеніи въ Мюнхенъ, гдѣ онъ издалъ, кажется, цѣлый томъ своихъ Кавказскихъ записокъ съ рисунками и портретами, Горшельтъ сталъ болѣть и чрезъ нѣкоторое время умеръ.

Подъѣхавъ къ Екатеринославу, я очутился въ такомъ же положеніи какъ на Дону. «Переправы чрезъ Днѣпръ нѣтъ», говорили мнѣ уже за двѣ, за три станціи, и Богъ знаетъ, когда можно будетъ переправиться. Однакоже, «не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ»: на послѣдней станціи я встрѣтился съ какимъ-то землемѣромъ, который хотя и очень мрачными красками описывалъ всю опасность переправы, хотя и рассказалъ мнѣ о недавней гибели какой-то дамы съ двумя дочерьми и прислугой, пустившихся безъ проводниковъ въ экипажъ и провалившихся подъ ледъ, однако указалъ мнѣ единственный способъ переправиться, именно: спросить на берегу лодмана (?) Гаврилу, дать ему, не торгуясь, сколько запроситъ и довѣриться его искусству.

Я такъ и сдѣлалъ. Подъѣхавъ къ берегу, спросилъ лодмана Гаврилу и попросилъ переправить меня на ту сторону. Сначала онъ рѣшительно отказался, особенно къ ночи (былъ уже 6-й часъ вечера), но послѣ сдался, — «только ради Кавказскаго офицера», — и потребовалъ 5 р. Я накинулъ ему еще рубль, лишь бы благополучно добраться.

— Ничего, Богъ милостивъ, ваше благородіе; вотъ же сколько по васъ тамъ Черкесы стрѣляютъ, а ничего, живы остались!

Лодманъ, отставной ундеръ, оказался краснобаемъ, но внушающимъ довѣріе. Онъ сейчасъ позвалъ двухъ человѣкъ своихъ помощниковъ съ досками и длинными баграми; забрали мои вещи, и всѣ трое пошли впереди; за ними я, мой человѣкъ и какая-то баба, слезно упрости́вшая взять её съ собою; между каждымъ изъ насъ разстоянія не менѣе десяти шаговъ. Ширина Днѣпра въ этомъ мѣстѣ до 600 саж..

почти вся поверхность льда была покрыта на четверть водою, что и составляло главную опасность, потому что скрывало образовавшіяся уже кое-гдѣ полыньи.

Не скрою, ступилъ я на ледъ не безъ тревоги въ сердцѣ, хотя вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, или просто проявлялъ какую-то глупую беззаботность, также, какъ бывало на Кавказѣ, когда я сплошь и рядомъ, въ опасныхъ мѣстахъ, пускался, и даже по ночамъ, въ дорогу безъ конвоя... Сильно струсилъ мой человѣкъ, молодой паренъ изъ кантонистовъ, взятый въ Владикавказѣ, гдѣ онъ въ Лебедевской гостинницѣ вертѣлъ ручку органа, улаждавшаго обѣдающихъ разными Лучіями, Лукреціями и проч. Мертвенно-блѣдная рожа и дрожащія губы ясно обнаруживали его душевное состояніе.

На томъ берегу стояла толпа народа; дальше виднѣлся городъ, слышенъ былъ звонъ, призывавшій къ вечернѣ, кое-гдѣ замерцали огоньки. Переходъ длился, полагаю, не менѣе 40, 45 минутъ; лоцманъ постоянно дѣйствовалъ багромъ, испытывая подъ водою прочность льда, кое-гдѣ клали доски, по которымъ мы осторожно переходили, затѣмъ ихъ опять снимали и несли дальше; время тянулось мучительно медленно, берегъ всё еще былъ далеко, и переправѣ казалось конца не будетъ, а между тѣмъ сумерки густѣли... Да, ускоренное сердцебіеніе, разныя тревожныя мысли появлялись, не взирая на желаніе казаться совершенно спокойнымъ... Однако всему бываетъ конецъ; кончилась и эта переправа чрезъ Днѣпръ, и моя тревога, и лихорадка моего Николашки, и причитанія арьергардной бабы. Расплатившись съ проводниками, я отправился въ гостинницу, и какое отрадное чувство душевнаго успокоенія послѣ минувшей опасности, и тѣлеснаго успокоенія послѣ мучительнаго путешествія испыталъ я, войдя въ приличную теплую комнату, въ которую внесли кипящій самоваръ,—трудно передать.

Еще три-четыре дня ѣзды, и я, наконецъ, очутился у цѣли, въ Херсонской губерніи, въ кругу родныхъ. Пришлось познакомиться съ мѣстнымъ, хотя преимущественно военнымъ, но архипровинціальнымъ обществомъ, производившимъ на меня, Кавказскаго человѣка, странное впечатлѣніе: крайняя бѣдность свѣдѣній и познаній вѣкъ ихъ обычныхъ житейскихъ дѣлъ, устарѣлые, улыбку вызывающіе взгляды на самые жизненные вопросы, подобострастное раболѣпіе предъ всякимъ начальствомъ...

Главная тема разговоровъ въ тѣ времена: освобожденіе крестьянъ, упраздненіе военныхъ поселеній, реформы въ военномъ вѣдомствѣ, всё же и въ жизнь глухой провинціи внесли необычное оживленіе; повсюду слышались рассказы о различныхъ происшествіяхъ, о волненіяхъ,

о переселеніяхъ цѣлыхъ деревень къ Севастополю, гдѣ будто бы отводились даромъ земли и «кто прибудетъ къ назначенному дню, будетъ освобожденъ навсегда отъ власти помѣщика»... Дѣйствительно, крайнее невѣжество народа, возбужденнаго противъ пановъ и чиновниковъ съ одной стороны, нелѣпые рассказы разныхъ проходимцевъ съ другой, смущали тогда народъ, особенно въ южныхъ губерніяхъ, испытавшихъ страшныя тягости въ Крымскую войну, и было нѣсколько печальныхъ происшествій, вызвавшихъ внимательство войскъ; были впрочемъ эпизоды и болѣе смѣшныя чѣмъ серьезныя.

Старое поколѣніе помѣщиковъ, чиновниковъ, офицеровъ, было почти безъ исключенія недовольно, предсказывало бѣдствія, чуть не гибель государства... Стоило только заикнуться о томъ, что пора покончить съ позорнымъ рабствомъ и старыми порядками, такъ рельефно обнаружившими свою несостоятельность въ Крымскую войну,—какъ поднимались озлобленные голоса, обвиненія въ подражаніи «Колоколу» и чуть ли не въ измѣнѣ отечеству. А между тѣмъ довольно было нѣсколькихъ мѣстныхъ же рассказовъ о порядкахъ военныхъ поселеній, о невѣроятномъ самодурствѣ какого-нибудь сатрапа графа Никитина, этого неограниченнаго владыки поселеній, и о продолжкахъ его клеветовъ, чтобы, перекрестясь, искренно воскликнуть: Слава тебѣ Господи, слава Царю-освободителю, уже за одно избавленіе сотенъ тысячъ душъ отъ ужаснѣйшаго изъ видовъ рабства, отъ военныхъ поселеній!

Что такое былъ графъ Никитинъ, можно судить по массѣ ходившихъ объ немъ рассказовъ, изъ которыхъ привожу два, болѣе сохранившихся у меня въ памяти.

Объѣзжаетъ онъ, напримѣръ, поселенія и входитъ въ госпиталь. Замѣтивъ въ цейхгаузѣ, въ углу, какую-то тряпку, обращается къ главному доктору грознымъ голосомъ:

— А это что, а?

Оробѣвшій докторъ молчитъ.

— Ты кто, кто, а?

«Статскій совѣтникъ Н.», отвѣчаетъ оторопѣвшій докторъ.

— Статскій совѣтникъ? *Сегодня ты статскій совѣтникъ, а завтра ты у меня фельдшеръ!*

Или: подходитъ къ какому-то зданію, только что выбѣленному къ пріѣзду начальства, и замѣчаетъ на окнахъ нѣсколько брызговъ известки.

— Эго что, а? обращается грозный самодуръ къ генералъ-маіору Ш., начальнику округа.

«Не успѣли вымыть, ваше сіятельство, очень было много работы; всѣ бабы были заняты».

— *А генеральшу свою не могъ послать окна помыть?*

И мертвое молчаніе кругомъ. И старый почтенный генералъ, по общимъ отзывамъ, прекрасный человѣкъ, чуть ли не единственный хорошій окружной начальникъ, съ судорожнымъ движеніемъ въ лицѣ, съ слезами на глазахъ, молчитъ...

И замѣчая такіе пустяки, придавая имъ важность государственныхъ дѣлъ, тотъ же Никитинъ не хочетъ видѣть, какъ кругомъ его грабятъ, сокъ выжимаютъ изъ поселянъ, обкрадываютъ казну; какъ отъ содержанія пары казенныхъ воробьевъ покупаютъ имѣнія въ нѣсколько сотъ душъ... Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

XVII.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ началѣ Мая. Двѣ недѣли, проведенныя въ немъ прошли незамѣтно. Доктора-спеціалисты по ушнымъ болѣзнямъ производили какіе-то эксперименты, посовѣтывали какія-то втиранія, но ничего положительнаго не сказали; а между тѣмъ я торопился назадъ, къ службѣ, къ военнымъ дѣйствіямъ, которыя должны были въ концѣ Мая уже начаться со стороны Дагестана. Я съ непростительнымъ легкомысліемъ отнесся къ своей болѣзни; мысль о возможности оглохнуть мнѣ и въ голову не приходила, а на усилившійся шумъ въ ушахъ я не хотѣлъ обратить столько вниманія, чтобы изъ-за этого жертвовать обуревавшимъ меня честолюбіемъ.. Раскаянiе явилось слишкомъ поздно!

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ я познакомился съ Панаевымъ и Некрасовымъ, у нихъ же встрѣтился и съ Добролюбовымъ. Говорили о Кавказѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, о моихъ статьяхъ въ «Современникѣ»; само собою, первый разъ видя человѣка, да еще офицера, они ограничились обыкновенными любезностями, никакіе «вопросы» не были затронуты; разговоръ продолжался съ полчаса, вертясь на самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. О Кавказѣ у всѣхъ оказались самыя смутныя понятія...

Въ одномъ знакомомъ домѣ вечеромъ встрѣтилъ я двухъ извѣстныхъ поэтовъ: Бенедиктова и Шевченку. Первый производилъ когда-то на насъ, юношей, немалое впечатлѣніе своими трескучими стихами, своими «очами темнѣе ночи» или «локонами, обвивавшимися какъ змѣи», вообще въ этомъ родѣ; второй былъ намъ менѣе извѣстенъ, хотя мы слышали о его ссылкѣ, его страданіяхъ, его своеобразной

Малороссійской поэзіи и кое-что читали въ рукописи. Одѣтый въ какой-то оригинальный полуштатскій, полухохлацкій костюмъ, Тарасъ Григорьевичъ напоминалъ чистокровнаго Малоросса, какихъ на каждомъ шагу встрѣчаешь въ южныхъ и югозападныхъ губерніяхъ. Бывшій на этомъ вечерѣ пѣвецъ Артемовскій своимъ сильнымъ басомъ пропѣлъ нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ, и нужно было видѣть Тараса, таявшаго отъ восторга...

Вотъ почти всѣ летучія воспоминанія о тогдашнемъ пребываніи въ Петербургѣ; объ остальномъ не стоитъ говорить,—все извѣстное, повторяющееся съ каждымъ пріѣзжимъ: Павловскъ, Штраусъ, пожираемый глазами разныхъ блѣднлицыныхъ барынь, острова, театры, «Свадьба Кречинскаго», съ Самойловымъ и Садовскимъ и проч.

По моему расчету, уже никакъ не позже второй половины Апрѣля долженъ былъ состояться приказъ о моемъ назначеніи дежурнымъ штабъ-офицеромъ войскъ Прикаспійской области; между тѣмъ была вторая половина Мая, а въ Петербургѣ никакого представленія получено не было. Я терялся въ догадкахъ и сталъ тревожиться. Это еще болѣе торопило меня скорѣе возвращаться на Кавказъ, и потому 21 Мая я выѣхалъ. Благодаря прекрасной погодѣ, совершилъ я скоро и удобно обратный переездъ.

Не зная, что могло остановить мое назначеніе, я, до полученія отъ барона Врангеля извѣстій, не рѣшился ѣхать прямо въ Темиръ-ханъ-Шуру и предпочелъ остановиться въ Пятигорскѣ, откуда и послалъ тотчасъ письмо. Недоумѣніе мое продолжалось недолго: меня увѣдомили по порученію барона, что по измѣнившимся обстоятельствамъ мѣсто дежурнаго штабъ-офицера отдано другому и что если я желаю, то могу быть назначенъ состоять для особыхъ порученій... Какой неожиданный репримандъ!...

Не теряя времени, я написалъ къ Д. А. Милютину, что такъ какъ баронъ Врангель, по неизвѣстной причинѣ, не исполнилъ обещанія, даннаго безъ всякой съ моей стороны просьбы, то я за честь сочту исполнить желаніе Дм. Ал. и готовъ тотчасъ принять горское отдѣленіе въ штабѣ. Но, увы! и тутъ послѣдовалъ другое, еще болѣе обидное разочарованіе: генеральнаго штаба капитанъ. Кравченко, по приказанію Дм. Ал., увѣдомилъ меня, что начальникомъ отдѣленія уже назначенъ другой, а если я желаю, то могу быть назначенъ приставомъ въ Сванетію.. (!) Это послѣ того положенія, какое я занималъ на Лѣвомъ крылѣ и долженъ былъ занять въ Дагестанѣ! Очень, очень обидно было...

И по дѣломъ я былъ наказанъ. Миѣ слѣдовало на столько знать барона Врангеля, этого рыцарски-галантнаго генерала, добрѣйшаго,

любезнѣйшаго, но слабохарактернаго человѣка, вѣчно водимаго за носъ всякимъ приближеннымъ къ нему человѣкомъ, лишь бы человѣкъ имѣлъ склонность къ этому,—чтобы не довѣряться его обѣщаніямъ; слѣдовало, вмѣсто отпуска, ѣхать прямо въ Шуру, или же убѣдиться въ непрочности обѣщанія тотчасъ по назначеніи Врангеля въ Дагестанъ и не попадать въ такой просакъ, какъ отказъ отъ мѣста, предлагаемаго начальникомъ главнаго штаба...

Я очутился въ крайне-непріятномъ положеніи. Ѣхать въ Темиръ-ханъ-Шуру, состоять по особымъ порученіямъ, т.-е. тѣмъ же личнымъ адъютантомъ, вмѣсто должности дежурнаго штабъ-офицера, имѣвшей самостоятельный кругъ дѣйствій, подчиненныхъ, большее содержаніе, вообще немалое значеніе въ войскахъ,—казалось обиднымъ; принять мѣсто пристава въ Сванетіи еще обиднѣе, и тѣмъ болѣе, что это вело къ отказу отъ военныхъ дѣйствій въ ту именно минуту, когда они приняли самый рѣшительный характеръ. Оставалось одно: возвратиться въ полкъ ротой командовать. Я склонялся болѣе всего къ этому; но меня все смущала мысль, что, при описанныхъ выше неудовольствіяхъ со стороны Евдокимова и при явномъ нерасположеніи Рудановскаго, служба въ полку не дастъ никакого хода. Послѣ долгихъ колебаній, я рѣшился ѣхать въ Дагестанъ.

Пріѣхавъ чрезъ Владикавказъ въ Грозную, я не засталъ здѣсь генерала Евдокимова; онъ находился съ отрядомъ въ Аргунскомъ ущельѣ, у Шатоя, гдѣ строилось укрѣпленіе, будущая штабъ-квартира Навагинскаго полка, прокладывались дороги и проч. Съ большимъ огорченіемъ и крайнею досадою видѣлъ я, какъ сплетни и интриги оттерли меня отъ Евдокимова, и я лишенъ былъ участія въ этихъ славныхъ, чрезвычайно важныхъ по результатамъ послѣднихъ дѣлахъ на Лѣвомъ крылѣ. Занятіе всего Аргунскаго ущелья до верховьевъ было однимъ изъ жестокихъ ударовъ для поколебленной уже власти Шамиля и позволяло предвидѣть близкій конецъ борьбы.

Я считалъ долгомъ явиться къ генералу Евдокимову предъ окончательнымъ оставленіемъ Лѣваго крыла и отправился въ Воздвиженскую, а оттуда съ первой оказіей въ отрядъ. Благодаря любезности батареиннаго командира подполковника Тверитинова, я совершилъ поѣздку въ отрядъ и назадъ въ Грозную съ возможнымъ комфортомъ: верховая лошадь, конный вѣстовой, даже съ запасомъ закусокъ и вина въ кожаной сумкѣ, ночлегъ, коляска изъ Воздвиженской въ Грозную, все явилось къ моимъ услугамъ, хотя я уже уѣзжалъ совсѣмъ, и слѣдовательно ничего отъ меня полезнаго Тверитиновъ ожидать не могъ.

Вспомнилъ я теперь объ этой оригинально-типичной личности и не могу не сказать о Тверитиновѣ нѣсколькихъ словъ. Узналъ я его въ

1854 году въ отрядѣ, гдѣ онъ былъ со своей батареей, послѣ часто встрѣчалъ его въ Воздвиженской, то въ Грозной. Судя по образу жизни, слѣдовало думать, что это какой-нибудь миллионеръ, получающій сотню тысячъ годового дохода. Казалось, никакой другой заботы, никакого другаго дѣла у него не было, какъ только закуски, завтраки, обѣды, ужины, попойки, гости съ 8 утра до 2 час. ночи, изо дня въ день, безъ всякаго перерыва. Все лучшее, дорогое, что только можно было достать въ Грозной, Владикавказѣ или на ярмаркахъ въ Георгиевскѣ и Ставрополѣ, куда онъ неотмѣнно ѣзживалъ, покупалось Тверитиновымъ; тончайшія вина по 7—8 рубл. за бутылку, дорогіе консервы, деликатесы, выписываемые отъ Елисеѣвыхъ, дорогія матеріи и уборы для жены, все это покупалось имъ и расходовалось самымъ щедрымъ образомъ. На, пей, ѣшь, веселись кто хочеть! При этомъ, въ довольно грубой формѣ, прибаутки не-салоннаго свойства, обнаруживали ограниченный умъ и отсутствіе почти всякаго образованія; но за то широчайшее хлѣбосольство, душа на распашку и невѣроятная беззаботность не только о завтрашнемъ днѣ, но и о ближайшемъ часѣ. И все это отъ одной батареи, отъ одного фуражнаго довольствія и ремонта лошадей! Ибо ни за нимъ, ни за женой, ни родового, ниже благопріобрѣтеннаго не имѣлось. И вѣдь положительно никому не бросалось это особенно въ глаза, никто и не думалъ обращать на это вниманія, никакихъ даже частныхъ осужденій или толковъ не слышалось. Такъ это было обычно и какъ бы въ порядкѣ вещей; да и повода къ какимъ-нибудь официальнымъ мѣрамъ не представлялось: батарея въ исправности, всѣ орудія въ отрядѣ дѣйствуютъ и двигаются безъ задержекъ, не вызывая никакихъ замѣчаній. Послѣдствія однако оказались плачевныя: уже по окончаніи войны въ Чечнѣ, Тверитиновъ, подпавшій за что-то подъ слѣдствіе, брошенный женой, очутился во Владикавказѣ въ самомъ жалкомъ положеніи, безъ всякихъ средствъ существованія. Прежніе сослуживцы, помнившіе его щедрую хлѣбъ-соль, самымъ искреннимъ товарищескимъ образомъ предлагали ему кто даровое помѣщеніе, кто обѣды и проч.; но онъ, хотя видимо упавшій, все же еще сохранилъ на столько чувство собственного достоинства, что предпочелъ покончить съ собою и въ одно прекрасное утро пустилъ себѣ пулю въ лобъ...

Вступивъ въ ущелье Аргуна, я очутился въ мѣстности, напомнившей мнѣ молодые годы, Хевсурію, Тушетію. Въ I-мъ томѣ я много рассказывалъ объ Аргунѣ и моихъ странствованіяхъ въ его верховьяхъ, среди моихъ друзей Шатильскихъ Хевсуръ и ихъ сосѣдей Кистинъ. Послѣднее время, въ Чечнѣ, постоянно приходилось кружить около нижней части теченія, на плоскости; теперь же я ѣхалъ въ средней части, въ мѣстности впервые увидѣвшей Русскія войска. И

дѣйствительно, гѣснина, среди которой прорывается Аргунъ, послѣ соединенія двухъ его рукавовъ—Шаро и Чанты—въ одно русло, представляла неодолимыя препятствія для военнаго движенія; никакіе обходы, никакой артиллерійскій огонь и штурмы заваловъ, особенно при наступленіи лишь съ одной стороны, т.-е. вверхъ по ущелью отъ Воздвиженской, не были бы ручательствомъ успѣшнаго достиженія цѣли, еслибы предшествовавшими нашими дѣйствіями въ Чечнѣ непріятель вообще уже не былъ до крайности обезсиленъ и доведенъ до сознанія, что борьба напрасна, что сила Шамиля сломлена и покореніе Русскими страны неизбежно. Только потому показалось возможнымъ (почти безъ потерь, лишь съ напряженіемъ физическихъ силъ войска въ борьбѣ съ снѣгами, кручами и т. п.) пройти эту гѣснину. Предоставленное собственнымъ средствамъ, мѣстное населеніе защищалось какъ бы для очистки совѣсти; природа же, при всей грозной неприступности, безъ усиленія искусственными преградами, безъ достаточнаго числа защитниковъ, руководимыхъ умѣлымъ, стойкимъ человѣкомъ, уже не могла задержать отрядовъ достаточной численности, всеми нужными средствами снабженныхъ и предводимыхъ такимъ генераломъ, какъ Евдокимовъ. За послѣдніе годы счастье окончательно отвернулось отъ Шамиля, и условія измѣнились въ обратную сторону: у него не стало Хаджи-Мурата, Ахверды-Магома, Шуаибъ-муллы и др., этихъ самородковъ-полководцевъ, изумлявшихъ своею энергіею, отвагою, быстротою и внезапностью налетовъ, умѣніемъ держать въ рукахъ и воодушевлять къ отчаянному бою толпы непривычныхъ къ дисциплинѣ горцевъ. Духъ населенія, его вѣра въ свое боевое превосходство, въ неприступность лѣсовъ, исчезли; страшныя потери лучшихъ людей и разоренія навели уныніе; торжество мюридизма очевидно стало химерой. У насъ же силы устроились, превеличенная осторожность и опасливость, послѣдствіе неудачъ 1843—45 годовъ исчезли; старые промахи научили другимъ приѣмамъ; вмѣсто ограниченныхъ въ правахъ и свободѣ дѣйствій, мѣстныхъ генераловъ, явились командующіе войсками, съ большими правами и средствами; наконецъ явилась система дѣйствій, и ген. Евдокимовъ, настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ.

Все это мнѣ ясно представилось при проѣздѣ по ущелью Аргуна, по тропинкамъ, надъ обрывами, между скалъ и сплошными лѣсами покрытыхъ горъ. Встрѣчались небольшія команды, рабочіе; очевидно, особой опасности не предвидѣлось, и мы уже распоряжались какъ дома. Когда я доѣхалъ до лагеря, раскинутаго въ болѣе нижней части ущелья, въ виду Шатоевскихъ ауловъ, и былъ принятъ ген. Евдокимовымъ,—на вопросъ его, чтѣ думаю о достигнутыхъ результатахъ,

я поздравилъ его и высказалъ вышеозначенныя мои мысли. Николай Ивановичъ вполнѣ съ этимъ согласился. Не выдержалъ я и хвастнулъ еще тѣмъ, что, ровно десять лѣтъ назадъ, въ 1848 году, проходя съ Вережкинымъ изъ Шатиля и еще ранѣе, я инстинктивно уразумѣлъ все важное значеніе занятія Аргунскаго ущелья и полагалъ возможнымъ достигнуть этого одновременнымъ движеніемъ двухъ отрядовъ, одного отъ Шатиля внизъ, другаго отъ Воздвиженской вверхъ по ущелью, о чемъ подавалъ князю Воронцову записку. (См. I-й томъ.) Николай Ивановичъ съ большимъ любопытствомъ выслушалъ мой рассказъ объ этомъ эпизодѣ моей службы, совершенно согласился съ вѣрностью основной мысли, но рѣшительно отвергъ возможность въ то время, даже и такимъ способомъ, достигнуть цѣли; ибо силъ Шамиля тогда хватило бы преградить доступъ и двумъ отрядамъ одновременно. Однако польза такого одновременнаго движенія была и для Евдокимова столь очевидна, что по его требованію Тіонетскій окружной начальникъ съ 1500 человекъ милиціи двигался изъ Шатиля на встрѣчу отряду, что и удержало большую часть населенія верхняго Аргуна отъ сопротивленія войскамъ.

Вообще ген. Евдокимовъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, выказалъ чрезвычайную любезность, много говорилъ о минувшихъ и предстоявшихъ дѣйствіяхъ и проч. Я, признаться, уже съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидалъ, не скажетъ ли: «ну, почтеннѣйшій, надѣюсь вы впредь не дадите повода къ непріятнымъ жалобамъ и неудовольствіямъ; оставайтесь-ка по прежнему здѣсь, при мнѣ»,—да и впрямь, вѣдь это были такія пошлости, что, казалось, совѣстно говорить объ нихъ серьезно; но я ошибся...

— Вы куда же теперь, почтеннѣйшій, ѣдете? спросилъ меня Евдокимовъ.

«Въ Дагестанъ, ваше превосходительство, къ барону Врангелю для особыхъ порученій».

— Ну, желаю вамъ успѣха; можетъ, встрѣтимся гдѣ-нибудь въ горахъ.

Поклонъ, рукопожатіе, и я вышелъ изъ палатки.

Августовское солнце ярко свѣтило; лучи его золотили всѣ окрестныя горы, придавая всему ущелью какой-то привѣтливый видъ; въ лагерь замѣчалось большое оживленіе, и всѣ, какъ будто довольные хорошими дѣлами, видимыми успѣхами, казались весело настроенными. Тѣмъ печальнѣе настроеннымъ чувствовалъ я себя...

Къ вечеру возвратился я въ Воздвиженскую, переночевалъ у добряка Тверитинова, а на слѣдующій день уѣхалъ въ Грозную, откуда обыкновеннымъ почтовымъ путемъ, по Тереку, отправился въ Темиръ-ханъ-Шуру.